

270.

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ В. Н. МАЙКОВЫМЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№ 2. ФЕВРАЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1860.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Второй выпускъ «Сборника избранныхъ мѣстъ изъ произведеній современныхъ русскихъ писателей» будетъ разосланъ г.г. подписчикамъ при № 4-мъ «ПОДСНѢЖНИКА» за текущій годъ.

Съ мартовской книжки «ПОДСНѢЖНИКА» начнется печатаніемъ рядъ статей одного изъ даровитыхъ нашихъ писателей, подъ заглавіемъ:

Чтеніе изъ Русской исторіи.

Этими статьями Редакція надѣется съ избыткомъ пополнить тотъ пробѣлъ, въ которомъ ее можно было упрекнуть до сихъ поръ. Отечественная исторія — предметъ такой важный въ образованіи юношества, что Редакція, не имѣвшая до сихъ поръ въ своемъ распоряженіи по части русской исторіи такихъ статей, которыя удовлетворяли бы требованіямъ Редакціи, терпѣливо ожидала исполненія обѣщанія, даннаго

ей авторомъ «Чтеній изъ Русской Исторіи»,
будучи вполнѣ увѣрена, что его трудъ совершен-
но вознаградитъ читателей «ПОДСНѢЖНИКА»
за отсутствіе въ этомъ журналѣ до настоящаго
времени статей по отечественной исторіи.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ПОДСНѢЖНИКЪ

Второй выпускъ «Чтеній изъ Русской Исторіи»
вышелъ въ светъ въ началѣ сего года. Онъ
состоитъ изъ десяти статей, въ которыхъ
рассказано о событіяхъ, происшедшихъ въ
Россіи въ теченіи года. Статьи эти
написаны въ историческомъ стилѣ, и
содержатъ много интереснаго и новаго.
Они представляютъ собою прекрасную
подарочную книгу, которую можно
подарить своимъ знакомымъ и
роднымъ. Мы имеемъ честь
предложить вамъ этотъ журналъ
въ продажу по цѣнѣ, которая
совершенно справедлива. Если
вы желаете получить этотъ журналъ,
то обратитесь къ намъ по
адресу, указанному на
обложкѣ. Мы будемъ рады
вамъ услужить.

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ.

ПОДСИЖИНА

ЖАНА

ДЛЯ ДЕТСКОГО И ЮНОШЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

ПОДСИЖИНА

ЖАНА

ДЛЯ ДЕТСКОГО И ЮНОШЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

№ 2. ФЕВРАЛЬ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1880

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ В. Н. МАЙКОВЫМЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№ 2. ФЕВРАЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1860.

ПОДСНЪЖЕНЪ

ЖУРНАЛЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С.-Петербургъ, 26 февраля 1860 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

ВЪ ТИНОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ КНИЖКИ (*).

УТИНОЕ БОЛОТО (съ французскаго):

- Что за мальчикъ былъ Жанъ Беренъ? — Какою
дорогою ходилъ Жанъ въ школу? — Утиное
болото. — Жанъ опять услышалъ голосъ Феи.
— Опять голосъ Феи (Оконч. въ слѣд. №2).. 1

КАРТИНЫ СЪВЕРНОЙ СКАНДИНАВІИ, статья первая:

- Глава I. Кораблекрушеніе..... 19
— II. Въ лѣсу..... 43

НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ ДРЕВНИХЪ ГРЕКОВЪ:

ПРЕДАНІЯ О ТРОЯНСКОЙ ВОЙНѢ.

СОБЫТІЯ, ПРЕДШЕСТВОВАВШІЯ НАЧАЛУ ВОЙНЫ:

5. Посольство грековъ къ Пріаму..... 65
6. Агамемнонъ и Ифигенія..... 69
7. Отплытіе грековъ изъ Авлиды; они
покидаютъ Филоктета..... 85
8. Греки въ Мизіи; Телефъ..... 86
9. Возвращеніе Париса..... 91
10. Греки подъ Троею..... 93

(*) Въ 1860 году «Подснѣжникъ» будетъ выходить въ
концѣ каждаго мѣсяца.

Египтяне (по Максу Дункеру), В. Миланта:

- 4. Египетъ при послѣднихъ фараонахъ. — 5. Религія о просвѣщеніе Египтянъ. — 6. Государственное устройство, нравы и обычаи Египтянъ..... 100

ВЪ ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ (ВЪ № ЗА ФЕВРАЛЬ 1859 Г.)
НАПЕЧАТАНО СЛѢДУЮЩЕЕ РАСПОРЯЖЕНІЕ Г.
МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ:

О Ж У Р Н А Л Ъ ,

одобренномъ для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

Министръ народнаго просвѣщенія, признавая издаваемый г. Майковымъ журналъ, подъ названіемъ «ПОДСНѢЖНИКЪ», назначаемый для дѣтскаго и юношескаго возраста, по роду и достоинству помѣщаемыхъ въ немъ статей, весьма полезнымъ имѣть въ библіотекахъ учебныхъ заведеній, разрѣшилъ начальствамъ оныхъ подписываться на сей журналъ по мѣрѣ денежныхъ способовъ заведеній; желающіе подписаться на

УТИНОЕ БОЛОТО.

(съ французскаго).

Что за мальчикъ былъ Жанъ Берень?

Жанъ Берень, когда ему было 12 лѣтъ, не могъ назваться примѣрнымъ мальчикомъ, — въ этомъ нельзя не согласиться.

Онъ, однакоже, былъ не глупъ, далеко не глупъ; вотъ по этому-то и досадно, что онъ изъ своего ума дѣлалъ дурное употребленіе. Жанъ составлялъ рѣшительно отчаяніе г. Томаса, учителя сельской школы, который, послѣ каждой новой шалости нашего школьника, отправлялся къ его матери (отца Жана не было въ живыхъ) и, входя въ комнату, говорилъ ей: — Тетушка Берень, еще новая проказа вашего мальчика! представьте, что...

Тутъ онъ садился, поставивъ палку между ногъ, поправлялъ очки на носу, вынималъ табатерку изъ кармана и тогда уже продолжалъ свой рассказъ, а бѣдная мать слушала и приходила въ отчаяніе отъ постоянныхъ жалобъ на поведеніе ея милого сына.

Да, — милаго, потому что мать, несмотря ни на что, всегда любитъ своего ребенка.

И какъ не грѣшно было Жану доставлять столько горя своей матери?.. Еслибъ не эти огорченія и безпокойства, она была бы себѣ счастлива, на сколько можетъ быть счастлива женщина, потерявшая своего мужа. Тетушка Беренъ жила въ маленькомъ домикѣ, въ концѣ селенія; у нея было пшеничное поле, виноградникъ и фруктовыя деревья, и всего столько, что ей нечего было безпокоиться за будущее. Но Жанъ, однако, никогда не думалъ о томъ, какъ онъ огорчаетъ мать, хотя каждый вечеръ она кротко, со слезами на глазахъ, выговаривала ему за его шалости.

Правда, Жанъ, слушая мать, опускалъ глаза: онъ вѣдь понималъ, что не ладно дѣлаетъ. Къ тому же, не смотря на шалости, онъ ее очень любилъ, всегда слушалъ почтительно ея упреки и не старался вывертываться. Повторяю — онъ чувствовалъ, что поступаетъ дурно, и въ ту минуту, я увѣренъ, искренно сожалѣлъ о своихъ проказахъ — повѣрьте мнѣ! Но проходила ночь и мальчикъ, позабывъ кроткіе упреки и умные совѣты, выслушанные вечеромъ, начиналъ шалить пуще прежняго.

Трудно в пересказать чего-чего онъ не натворить, бывало! Лѣтомъ напуститъ въ классную комнату цѣлый рой жуковъ и именно въ самый разгаръ урока г. Томаса; или ухитрится пришить нитками одного школьника къ другому: можете себя представить ихъ положеніе! а разъ онъ высыпалъ изъ табатерки учителя табакъ и вмѣсто табаку насыпалъ золы; ну, хо-

роша же была и гримаса, которую сдѣлалъ г. Тамась, нюхнувъ этого зелья! Да это еще что! онъ умудрился, разъ какъ-то, вынуть стекла изъ его очковъ: когда учитель, начавъ классъ, надѣлъ ихъ на носъ и открылъ книгу, то ничего не могъ прочесть — безъ очковъ онъ дурно видѣлъ; вотъ онъ то приподниметъ очки, то спуститъ ихъ на самый кончикъ носа, то глаза протретъ, наконецъ снялъ ихъ совсѣмъ, опять надѣлъ, опять снялъ, вынулъ свой клѣтчатый платокъ и хотѣлъ было протереть стекла... анъ стеколь-то и нѣтъ!.. Ну, когда онъ это увидалъ, такъ тотчасъ же и сказалъ: — кромѣ Жана Берена не кому сдѣлать этой пакости!

Г. Тамась, который, въ сущности, былъ отличный человѣкъ, — самъ едва могъ удержаться отъ смѣха: это однакоже, не помѣшало ему слегка подрать за уши шалуна, который притаился въ своемъ уголку и сидѣлъ тиге воды, виже травы.

Всѣ эти шалости были, конечно, не болѣе, какъ простыя школьныя проказы; хорошо, еслибъ этимъ и кончалось дѣло, но я долженъ признаться — Жанъ выдѣлывалъ и злыя штуки, и мнѣ грустно было бы рассказывать вамъ объ немъ, еслибъ я не узналъ достоверно, что онъ исправился, а какимъ образомъ, — вотъ, послушайте.

Какою дорогою ходилъ Жанъ въ школу?

Только не ближайшею, какъ увидите.

Въ одно прекрасное утро, поцаловавъ мать, онъ вышелъ изъ дома, съ книжкой подъ мышкой. Школа стояла на другомъ концѣ деревни и до нея было ходьбы не болѣе трехъ минутъ. Мать смотрѣла на него, стоя на крылечкѣ; скоро онъ скрылся у нея изъ виду, завернувъ за стѣну одного дома; онъ очень хорошо зналъ, что тутъ она его не видитъ, и потому остановился на минуту.

Передъ нимъ было два переулочка: одинъ велъ къ школьному учителю, а другой не велъ, — Жанъ пошелъ по послѣднему. Эта дорога шла въ поля. Проходя мимо однихъ воротъ, Жанъ увидалъ собаку, которая высунула морду изъ подворотни и хотѣла вылѣзть на улицу. Жанъ не имѣлъ ни малѣйшаго повода сдѣлать какую нибудь гадость бѣдному животному, однакоже поднялъ камень и швырнулъ его въ собаку. Разсерженный песь злостно залаялъ, то высовывая, то пряча морду за подворотнею; морда эта сдѣлалась мешенью для школьника, который осыпалъ ее цѣлымъ градомъ камней и наконецъ такъ разгорячился, что швырнулъ книгой. Собака тотчасъ же схватила книгу въ зубы, а Жанъ бросился впередъ, чтобы поднять ее, но ухватился только за одинъ листокъ, и эта борьба кончилась тѣмъ, что у него въ рукахъ остался только листокъ, а вся книга въ зубахъ собаки.

Въ это время слышались чьи-то шаги и Жанъ убѣжалъ, съ досадою бросивъ несчастный листокъ.

Не смотря на то, что во всемъ этомъ былъ кругомъ виноватъ самъ Жанъ, онъ, однакоже, пришелъ въ самое дурное расположеніе духа... Ему слышался голосъ г. Тамаса, который спрашивалъ его: «А гдѣ твоя книга?» — Что отвѣчать на такой вопросъ!... Припомнилъ онъ и мать, которая, будто, съ грустью говорила ему: «Такъ ты рѣшился постоянно огорчать меня?...»

Сдѣлавъ что нибудь недоброе, мы напрасно стараемся забытья: внутри насъ всегда есть голосъ совѣсти, которая насъ упрекаетъ. Счастливъ тотъ, кто слушается этого голоса! тѣмъ болѣе, что всегда должно быть пріятно сознаться въ ошибкѣ и исправить ее.

Но Жанъ еще не понималъ этого. Онъ побѣжалъ въ прискачку, стараясь выместить свою злость на всемъ, что ему попадалось на глаза: бросалъ камни въ птицъ, преслѣдовалъ бѣднаго осла, мирно щипавшаго траву при дорогѣ, и мало ли чего еще не выдѣлывалъ онъ!...

Наконецъ онъ добѣжалъ до болота, въ которомъ поласкались утки.

Утиное болото.

Оно находилось въ четверти часа ходьбы отъ деревни; болото было небольшое, не болѣе пятнадцати метровъ въ діаметрѣ. Вода входила въ него черезъ широкую канаву, которая продолжалась съ другой стороны, шла черезъ поля и наконецъ соединялась съ сосѣднею рѣчкой. Мѣсто было довольно открытое и только рядъ молодыхъ тополей и плакучихъ ивъ окаймлялъ канаву. Около болота тоже стояло нѣсколько ивъ; толстые пни ихъ говорили, что деревья старья-престарья; на нихъ и зелени-то было немного: только нѣсколько жидкихъ вѣтвей грустно смотрѣли въ воду и красовались на деревьяхъ, какъ рѣдкіе волосы на головахъ стариковъ.

Болото это потому называлось утинымъ, что на немъ постоянно держались десятки этой домашней птицы; они приплывали сюда черезъ канаву изъ сосѣдней фермы.

Таково было мѣсто, куда подошелъ Жанъ. Становилось жарко; онъ радъ былъ найти нѣсколько тѣни и воды. На болотѣ плавала въ это время семья утятъ съ матерью. Мать, услыжавъ шумъ, поспѣшно собрала вокругъ себя дѣтенышей и поплыла съ ними къ противоположному берегу, словно она знала, что подошелъ недобрый человѣкъ и что благоразумно укрыть отъ него малютокъ. Забавны были эти утята, которые, сбившись въ кучу около матери, спѣшили къ берегу, точно кораблики, возвращающіеся въ пристань.

Только-что Жанъ подошелъ къ болоту, какъ тотчасъ же руками зачерпнулъ воды и хотѣлъ плеснуть ею въ утокъ; но онѣ были уже далеко, вода ихъ не доставала и поэтому мальчикъ, поддавшись дурному побужденію, сталъ кидать въ нихъ мелкими камышками, отчего все стадо пришло въ смятеніе, а мать очень обезпокоилась.

Ну, къ чему пугать этихъ бѣдняжекъ? Кажется, гораздо было бы пріятнѣе любоваться, какъ онѣ, колышась на поверхности, граціозно поворачивались то вправо, то влѣво, при чемъ въ прозрачной водѣ виднѣлись ихъ крошечныя перепончатыя лапки, служившія имъ веслами...

Жанъ, бросая камышки, подался впередъ и такъ занялся этимъ дѣломъ, что не замѣтилъ, какъ поставилъ ногу на мокрую прибрежную траву, — нога скользнула и школьникъ упалъ въ воду.

Упалъ онъ безъ особаго вреда себѣ, но довольно неприятнымъ образомъ, потому что обѣ ноги его очутились въ болотѣ и даже онъ самъ до половины былъ въ водѣ. Но время стояло теплое и Жанъ, благодаря солнышку, могъ довольно скоро просушить свое платье: поэтому, несчастное паденіе его не безпокоило, за то его чрезвычайно поразилъ смѣхъ, который послышался въ ту минуту, какъ онъ шлепнулся въ болото.

— Хи, хи, хи! раздался по болоту тоненькій голосокъ.

Жанъ быстро вскочилъ на ноги и, отряхивая съ себя воду, оглядѣлся кругомъ, разсерженный этимъ смѣхомъ; однакоже злость его перешла въ удивленіе

и даже въ нѣкотораго рода страхъ, когда онъ увидалъ, что онъ одинъ... Никого, только старыя ивы стоятъ у болота.

— Однакоже, я слышалъ, какъ кто-то смѣялся, подумалъ Жанъ.

И онъ прошелъ вправо и влѣво, до канавы, въ которой было много воды, такъ что онъ не могъ перейти ее въ бродъ, — впрочемъ, это ни къ чему бы не послужило: еслибъ тутъ былъ кто нибудь, такъ Жанъ увидалъ бы этого человѣка на противоположномъ берегу.

Ободрившись послѣ этого осмотра, Жанъ спросилъ себя, точно ли онъ слышалъ смѣхъ, и сталъ думать, что ошибся, принявъ за смѣхъ какой нибудь другой звукъ, — можетъ быть, это птичка чиликнула гдѣ нибудь? Да вонъ, на вѣткѣ тополя и въ самомъ дѣлѣ сидитъ птичка и поетъ свое: кюи... кюи... кюи... лью... лью... лью... дрли... дрли!...

Школьникъ сталъ внимательно вслушиваться и все болѣе и болѣе убѣждался, что именно это пѣніе онъ принялъ за смѣхъ. Онъ пересталъ объ этомъ думать и принялся выжимать свои панталоны.

Однакоже, Жанъ, вѣдь, не ошибся: онъ не птичку слышалъ, а дѣйствительно смѣхъ.

Кто же смѣялся?

Ну, кто смѣялся, господа? — Знайте покамѣсть, что просто маленькая, миленькая восьмилѣтняя дѣвочка. Вы меня спросите — да гдѣ же она была и какъ очутилась она близъ Жана Берена, а онъ не видалъ ея? — Угадайте сами. Потомъ я объясню вамъ самыя простыя вещи, которыя могутъ вамъ показаться самыми необыкновенными въ приключеніи нашего героя.

Но Жанъ Беренъ, который не былъ предупрежденъ, какъ вы, что во всемъ, что съ нимъ случилось, не было ничего сверхъестественнаго, — поддался первому своему впечатлѣнію удивленія и страха, и тѣмъ легче, что онъ, чувствуя свою вину и слыша живые упреки совѣсти, былъ очень смущенъ и уже не былъ въ состояніи хладнокровно разсудить и дать себѣ отчетъ въ томъ, что ему казалось необычайнымъ.

Но возвратимся къ разсказу.

Жанъ опять услыхалъ голосъ Феи.

Мнѣ приходится еще упомянуть объ одной злой продѣлкѣ моего героя; но, благодаря Бога, это уже послѣдняя.

Когда онъ убѣдился, что никто не былъ свидѣтелемъ его паденія, когда самолюбіе его успокоилось, онъ вздумалъ выместить свою злость надъ утятами, сдѣлавшимися невинною причиною непріятнаго съ нимъ

приключенія. Онъ набралъ камышковъ и, что было силы, сталъ бросать ими въ утятъ.

Мать, видя опасность, грозившую ей дѣтенышамъ, вышла съ ними изъ воды, чтобы уйти подальше, и уже вся семья находилась въ двухъ или трехъ шагахъ отъ болота, какъ вдругъ одинъ камень попалъ въ одного утеночка и убилъ его. Малютка такъ и остался на мѣстѣ!

Въ эту самую минуту раздался голосъ, который не задолго смѣялся, но теперь онъ не смѣялся, а воскликнулъ съ негодованіемъ:

— Фи! злой мальчишка!

Потомъ все смолкло и молчаніе нарушалось только печальнымъ криканьемъ бѣдной матери, которая остановилась на минуту передъ убитымъ дѣтенышемъ, потомъ удалилась, спѣша остальныхъ укрыть отъ опасности.

Жанъ ошалѣлъ совершенно и стоялъ неподвижно, опустивъ руки и только поводя глазами туда и сюда, не смѣя шевельнуть голову.

Ужъ теперь никакого нѣтъ сомнѣнья: ужъ это не пѣнье птицы, а между тѣмъ никого не видно, — видны только недвижимыя ивы, съ ихъ почернѣвшими стволами, да у подножія одной изъ нихъ, рѣзко отдѣляясь отъ изумрудной зелени, бѣдный мертвый утенокъ... а въ дали бѣдная мать, уходящая съ остальными дѣтенышами и бросающая безпокойные взгляды на злого мальчишку...

При видѣ этой граціозной, но полной грусти картины, въ душѣ Жана мгновенно произошелъ какой-то

переворотъ. Вдругъ ему во всей гнустности представилось его поведеніе; онъ мысленно оглянулся на свою прошлую жизнь и увидалъ въ ней много-много поступковъ, подобныхъ настоящему, вспомнилъ слезы матери, ея непризнанные совѣты... вспомнилъ и глубоко устыдился... Таинственный характеръ всего, что съ нимъ случилось теперь, не мало способствовало ему еще сильнѣе прочувствовать все, что онъ дѣлалъ нехорошаго.

Ему хотѣлось бы скорѣе уйти отъ болота, между тѣмъ какой-то страхъ приковывалъ ноги его къ мѣсту. Откуда голосъ, который онъ слышалъ? Кто это живое существо, которое произнесло слова? Каждая вѣтка, каждая травка, которою шелестилъ вѣтеръ, привлекали его взоры. Ему казалось, что все, что двигалось, сейчасъ приметъ человѣческій образъ. Съ усиленнымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за полетомъ насѣкомыхъ, привлекаемыхъ водою и дѣйствительно во множествѣ носившихся надъ болотомъ и по его берегамъ: тутъ были цѣлыя вереницы маленькихъ мошекъ и комаровъ съ длинными жалами, кружилось нѣсколько бабочекъ — желтыхъ, бѣлыхъ и пестрыхъ... Жанъ глядѣлъ на этотъ маленькій міръ, какъ бы надѣясь открыть между насѣкомыми живое существо, котораго голосъ онъ слышалъ. Въ особенности привлекла его вниманіе одна стрекоза — извѣстное насѣкомое, которое часто можно встрѣтить надъ поверхностью водъ и которое нельзя не замѣтить по его широкой головѣ, большимъ глазамъ, четыремъ прозрачнымъ крылышкамъ и по тому брюшку.

Стрекоза, на которую засмотрѣлся нашъ герой, была прехорошенькая: туловище ея было атласисто-зеленое, отливавшее на солнцѣ, а на крыльяхъ по лазоревому пятнышку. Она то касалась воды или прибрежныхъ травокъ, то подымалась вверхъ, до самыхъ ивовыхъ вѣтвей. Разъ она слетѣла прямо къ убитой уточкѣ и недвижно продержалась надъ нею нѣсколько секундъ. Въ это самое время снова раздался жалобный голосъ: «Бѣдный утеночекъ! бѣдный малюточка!»

И когда стрекоза поднялась и стала перелетать болото, приближаясь къ Жану, голосъ прибавилъ:
— Ты убилъ его, злой мальчикъ!

Потомъ опять все смолкло, а стрекоза принялась описывать круги надъ водою.

Жанъ убѣдился, что говорить никто другой, какъ стрекоза. Однакоже, собравшись неможко съ духомъ, онъ крикнулъ дрожащимъ голосомъ:

— Кто говоритъ тутъ?

Послѣ нѣкотораго молчанія голосъ отвѣчалъ:

«Волшебница... утиная волшебница.»

Жанъ нагнулъ голову — лицо его все покрылось краскою; однакоже онъ снова спросилъ:

— Гдѣ же ты?

«Ищи!» было ему отвѣтомъ.

Тогда мальчикъ робко поднялъ глаза и, глядя на порхавшую стрекозу, проговорилъ:

— Я тебя вижу!

И вслѣдъ за тѣмъ онъ въ смущеніи опустилъ голову на грудь.

— Злой мальчикъ! снова послышалось школьнику: — что ты надѣлалъ сегодня?

Жанъ не отвѣчалъ.

Невидимый голосъ продолжалъ: — Ты не послушался матери; — ты не былъ въ школѣ; — ты ушибъ собаку; — ты разорвалъ и потерялъ книгу; — ты прибилъ бѣднаго осла; — ты убилъ маленькаго утенка.

Противъ этого возражать было нечего: все была горькая правда. Смущенія Жана нельзя описать. Ему казалось, что всѣ насѣкомыя, населявшія воду и берега болота и носившіяся надъ его головою, кричали ему хоромъ: — злой! злой! злой!

«Госпожа утиная волшебница! я не буду злымъ, даю вамъ честное слово!» воскликнулъ Жанъ, поднявъ голову: — «я не буду больше огорчать матушку и сейчасъ же отправлюсь въ школу!»

И съ этими словами онъ пошелъ прочь отъ болота. Едва сдѣлалъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ услышалъ, что позади его что-то упало на берегъ. Не зная что это такое, онъ остановился въ испугѣ, не смѣя обернуться.

— Подыми свою книгу! послышался ему знакомый голосъ.

Онъ оглянулся и увидалъ на травѣ книгу, которую отняла у него собака, какъ вы помните, вѣроятно, — и которая упала теперь на траву... откуда? — неизвестно! — Въ тоже время Жанъ замѣтилъ, что убитый утенокъ исчезъ.

Герой нашъ поднялъ книгу съ какимъ-то почтениемъ и поспѣшилъ въ школу.

Опять голосъ Феи.

Очень понятно, что Жанъ Беренъ находился въ сильномъ смущеніи. Конечно, онъ слыхалъ о волшебницахъ, о которыхъ толкуютъ въ сказкахъ, но онъ въ нихъ не вѣрилъ и никогда, ни съ нимъ самимъ, ни съ его товарищами, ни съ кѣмъ другимъ, никогда не приключалось того, что приключилось съ нимъ теперь. Въ сказкахъ всегда говорится о происшествіяхъ, случившихся неизвѣстно когда, неизвѣстно гдѣ, да и никто и не знавалъ никогда героевъ или свидѣтелей этихъ происшествій. Поэтому, не мудрено, что можно было сомнѣваться въ достовѣрности сказочныхъ фактовъ, тѣмъ болѣе, что они рѣшительно противурѣчили законамъ природы и здраваго смысла... Но теперь?.. теперь все случилось съ нимъ самимъ, Жаномъ Беренъ!.. Какъ же это? — значить, есть волшебницы?

Такъ рассуждалъ Жанъ, посматривая на книгу, которая была для него какъ бы вещественнымъ доказательствомъ существованія волшебницъ. Книжка, дѣйствительно, была его — вонъ, и имя его на корешкѣ... Какимъ же образомъ она очутилась на берегу болота, когда ее схватила въ зубы собака?

Жану стало досадно, что онъ бросилъ оторванный листокъ и поэтому онъ отправился къ тому мѣсту, гдѣ его оставилъ, но, увы! листка тамъ уже не было.

Наконецъ онъ дошелъ до школы; классъ уже давно начался, поэтому Жанъ хотѣлъ войти въ комнату

тихохонько и незамѣтно проскользнуть къ своему мѣсту; это ему не удалось: не смотря на всевозможную осторожность, щеколда стукнула, дверь заскрипѣла на петляхъ и всѣ школьники повернули головы, а г. Томась, перелистывавшій книгу, поднялъ глаза.

— А! милости просимъ, господинъ Жанъ Беренъ! сказалъ онъ: — не церемоньтесь, пожалуйста къ намъ, — ужь давно пора! Вотъ два часа, какъ мы занимаемся грамматикой и географіей, но вы не заблаго-разсудили заняться этими предметами... Нѣтъ, Жанъ, продолжалъ школьный учитель: — я ужь не стану наказывать тебя за лѣнность: тебя накажетъ собственное невѣжество — повѣрь мнѣ!

Жанъ опустилъ голову и не отвѣчалъ. Да и что было ему отвѣчать?

— Ну, Жанъ, снова сказалъ учитель: — такъ какъ ты еще ничего не дѣлалъ, такъ прочитай хоть урокъ изъ исторіи по книгѣ... страница 31.

Какъ нарочно, страница 31 была та самая страница, которую бросилъ нашъ школьникъ послѣ схватки съ собакой.

Онъ весь покраснѣлъ и молчалъ.

— Ну же, Жанъ, мы ждемъ, проговорилъ г. Томась.

— Эта страница уменя вырвана.

— Кто же ее вырвалъ?

— Собака.

— Бьюсь объ закладъ, что если дѣйствительно собака, такъ ты, вѣрно, разозлилъ ее.

— Разозлилъ, проговорилъ Жанъ съ покорностью, которой прежде не замѣчалъ въ немъ школьный учитель.

Томасъ, пораженный не только сконфуженнымъ видомъ мальчика, но и откровенностію, съ какою онъ признался въ своемъ проступкѣ, смягчился, а надо вамъ сказать, что Жану до настоящаго времени солгать — было не почемъ.

— Въ добрый часъ! произнесъ учитель: — по крайней мѣрѣ, ты не запираешься... Да отчего же ты, мой милый, не поднялъ листокъ-то?

— Возвращаясь съ утиного болота, я искалъ его повсюду, но не нашелъ.

— Такъ ты ходилъ на болото... за чѣмъ?

— Ни за чѣмъ, г. Томасъ, — такъ ходилъ, игралъ...

— Въ играхъ дурного ничего нѣтъ, но на все есть свое время, а ты именно посвятилъ играмъ часть урока... Еслибъ ты зналъ, что послѣ работы несравненно пріятнѣе играть, такъ ты никогда не пропускалъ бы утреннихъ классовъ... Такъ какъ твоя книга разорвана, такъ возьми у сосѣда и найди 31-ю страницу.

Классъ прошелъ обыкновеннымъ порядкомъ; наконецъ учитель распустилъ школьничковъ и, обратившись къ нашему герою, сказалъ: — погоди, Жанъ, минутку, — я дамъ тебѣ новую книгу.

Мальчики шумно и весело бросились изъ комнаты, а Жанъ остался одинъ на своемъ мѣстѣ. Мѣсто его было подлѣ окна, которое въ настоящую минуту было полуоткрыто. Жанъ сидѣлъ задумавшись и гля-

дѣлъ на одну точку, а учитель, между тѣмъ, укладывавъ въ ящикъ тетради и книжки, которыя вынулъ передъ классомъ.

Вдругъ въ ухахъ Жана раздался тоненькій голосокъ, отъ котораго онъ весь вздрогнулъ.

— Вотъ твой листокъ! произнесъ невидимый голосъ.

И въ ту же минуту пропавшій листокъ упалъ съ окошка на полъ, почти къ ногамъ Жана. Быстро поднявъ голову, Жанъ взглянулъ въ окно, но никого не увидалъ, — только рядъ молодыхъ акацій, росшихъ передъ школою, да хорошенькую желтую бабочку, которая вилась у окна; она то влетала немного въ комнату, то опять уносилась на воздухъ и наконецъ исчезла совсѣмъ.

Жанъ былъ убѣжденъ, что это утиная волшебница, принявшая теперь видъ бабочки и принесшая ему вырванный листокъ. Онъ поднималъ его съ пола и убѣдился, что дѣйствительно это тотъ самый, котораго недостаетъ въ его книгѣ. Это сильно поразило Жана и онъ съ минуту сидѣлъ, какъ ошеломленный.

Между тѣмъ учитель убравъ свои бумаги. Онъ не слыхалъ голоса предполагаемой волшебницы; онъ былъ нѣсколько глухъ, а голосокъ ея былъ необыкновенно нѣженъ, поэтому ничего нѣтъ мудренаго, что звуки ея не достигли до учителя.

— Ну, Жанъ, сказалъ онъ школьнику: — вотъ тебѣ новая книга: надѣюсь, что ты ее будешь беречь — не такъ, какъ эту.

«Да ужь не нужно, г. Томась, возразилъ Жанъ: листокъ нашелся.»

— А! тѣмъ лучше! его надо приклеить поакуратнѣе.,.

«Хорошо, г. Томась, приклею...»

И Жанъ вышелъ изъ школы.

(Окончаніе въ слѣдующ. Лѣ.)

КАРТИНЫ СЪВЕРНОЙ СКАНДИНАВИИ (*).

I.

Кораблекрушеніе.

Природа противоположныхъ сторонъ Скандинавскаго полуострова, восточной и западной, — совершенно различна. Въмѣсто величественныхъ горъ, украшающихъ западный берегъ, въ восточной части стелются холмистыя равнины, по которымъ большія суходолныя рѣки катятъ свѣтлыя волны въ Балтійское море. Но и здѣсь представляются въ привлекательныхъ красивыхъ ландшафтахъ шхеры, холмы и берега рѣкъ. Отлогости возвышенностей отличаются необыкновенною свѣжестью зелени; лиственные лѣса сливаются свой яркозеленый цвѣтъ съ мрачною зеленою хвойныхъ деревьевъ; въ очертаніяхъ отдаленныхъ предметовъ, въ массахъ лѣсовъ, изгибахъ береговъ и долинъ, глазъ видитъ какую-то мягкость линій.

Но не близко отъ берега моря встрѣчаетъ пришелецъ эти привлекательныя картины; онъ долженъ спер-

(*) Изъ сочиненія шведскаго писателя Меллива.

ва познакомиться съ прибрежными пустынями, около которыхъ такъ много разбивается кораблей.

Въ 1829 году, среди самаго жаркаго лѣта, разразилась въ Норботніи страшная буря. Разрушительный ураганъ, поваливъ въ Финляндіи цѣлые лѣса, кинулся черезъ Ботнической заливъ на шведскій берегъ, продолжая дѣло опустошенія; въ дикой ярости онъ схватилъ всѣ находившіеся тогда въ плаваніи суда и бросилъ ихъ на утесы шведскихъ шхеръ.

Большое трехмачтовое судно, вышедшее за день до бури изъ Бьернеборга, находилось на пути, избранномъ ураганомъ. Не разъ ходилъ красивый корабль по этому морю, смѣло разсѣкая его волны и пользуясь по произволу силою вѣтра; но теперь силы природы одолѣли его. Скоро потерялъ онъ реи; лодки, при немъ находившіяся, унесло волнами, и онъ былъ выброшенъ на покрытыя пѣною каменныя скалы.

Капитанъ корабля, старый и опытный морякъ, считалъ судно погибшимъ; штурманъ, хорошо образованный молодой человекъ, неимѣвшій однако опытности, совершенно растерялся. Финскіе матросы, непоколебимые въ повиновеніи, стояли, держась за такелажъ и борты, ожидая приказанія старшихъ. Отвѣтственность за жизнь и смерть лежала, по мнѣнію ихъ, на капитанѣ — и потому они предоставляли, какъ самый корабль, такъ и грузъ его и пассажировъ, въ полное распоряженіе стараго, бывалаго начальника.

На обреченномъ гибели кораблѣ находился человекъ, которому въ первый разъ въ жизни пришлось видѣть море въ великолѣпной картинѣ бури. Это былъ

пассажиръ, красивый юноша; блѣдный отъ волненія, смотрѣлъ онъ на яростно вздымавшіяся волны и, держась за мачту, прислушивался къ новому для него голосу бури. Капитанъ погибающаго корабля былъ другомъ покойнаго отца молодого человѣка, который, кончивъ университетскій курсъ, предпринялъ путешествіе за границу. Увы! предположенная поѣздка къ берегамъ Средиземнаго моря теперь казалась ему несбыточною; онъ полагалъ, что отправится туда, откуда никто и никогда не возвращался. Когда корабль былъ выброшенъ на камни и смерть махнула крыломъ своимъ надъ людьми, находившимися на суднѣ, Торстенъ (такъ звали молодого человѣка) хладнокровно приготовился къ предстоящему бѣдствію — кораблекрушенію. Онъ бережно уложилъ въ карманы важнѣйшія свои бумаги и деньги; положилъ подлѣ себя ягдташъ и ружье, внимательно осмотрѣвъ его. Въ самомъ ожиданіи смерти воображеніе его не могло отогнать мысли о романическихъ приключеніяхъ; онъ думалъ объ опасностяхъ, съ которыми можетъ встрѣтиться на берегу, если ему удастся спастись.

Корабль ударился о скалу, недалеко отъ мыса, называемаго Острымъ. Мачты сломились и два шквала, быстро слѣдовавшіе одинъ за другимъ, приподняли корабль съ мели; но при этомъ порывистомъ движеніи, выломилось днище судна. Къ счастью, грузъ состоялъ изъ дерева для подѣлокъ, и палуба не погрузилась въ воду, поддерживаемая снизу; постепенно вынесло корабль на болѣе тихую воду, и волненіе

прибивало его къ берегу, гдѣ на урѣзахъ скалъ кипѣли волны.

Видъ берега, на которомъ, по выраженію моряковъ, горять бурныя волны, угрюмъ и страшенъ. Здѣсь представляются глазамъ одни голые утесы, покрываемые пѣною. На нихъ садятся для краткаго отдыха, испуская зловѣщіе крики, морскія птицы. Зеленъ лѣсовъ, въ отдаленіи, принимаетъ синій цвѣтъ, вершины деревьевъ скрываются за движущимися горами волнъ и пѣны.

Погибающіе финляндцы держались за остатки корабля, съ чувствомъ надежды на спасеніе смотрѣли они на приближающійся берегъ, усѣянный шхерами и пропастями. Торстенъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ минуту, когда можно будетъ сойти съ палубы; онъ вслушивался, какъ старый капитанъ ободрялъ людей, уговаривалъ ихъ не унывать и держаться на палубѣ, походившей теперь на какой-то плотъ.

Вечерѣло; буря затихла; насталъ почти штиль. Но эта тишина для погибающихъ опаснѣе самой бури: вѣтеръ спалъ, но море колебалось страшною зыбью. Волны поднимали свои головы, покрытыя пѣною, и какъ будто сговорились непремѣнно разрушить спасительный плотъ; казалось, что какой-то исполинъ подставилъ подъ него свою спину и, упершись въ дно моря, силится приподнять и раздробить въ мелкія щепы остатки погибшаго корабля. То здѣсь, то тамъ разрывались доски палубы; обломки и щепы всплывали и, гонимые зыбью, крутились между людьми, державшимися за доски; отчаяніе овладѣвало уже нѣ-

которыми; они не рѣшались броситься въ волны, но не имѣли уже возможности и удерживаться на обломкахъ: ихъ давили отрывающіяся бревна и доски. При закатѣ солнца волненіе и зыбь на столько унялись, что опытные люди съ необходимыми снастями рѣшились пуститься съ берега въ море. Тогда у самаго Остраго мыса, въ затишьи шхеръ, показалась лодка, крѣпкія руки, ловко владѣя веслами, направляли ее противъ волнь, на встрѣчу погибающимъ; въ лодкѣ сидѣли рыбаки, для которыхъ кораблекрушеніе было зрѣлищемъ — хотя не всеневнымъ, но обыкновеннымъ.

Спасавшіеся на палубѣ скоро увидѣли приближающихся избавителей, съ нѣмымъ нетерпѣніемъ ожидали они минуты спасенія. Можетъ быть, посторонній наблюдатель принялъ бы молчаніе и неутомимую бодрость, съ которыми эти мощные люди держались за обломки, за равнодушіе и безчувственность; но только наружный холодъ скрывалъ настоящее выраженіе лицъ; подъ грубой и холодной оболочкой финна скрывалось невыразимое страданіе.

Когда рыбачья лодка подходила къ обломкамъ палубы, можно было опасаться сильнаго удара; но финскіе матросы такъ ловко и искусно встрѣтили несущуюся лодку, что *вышелъ*, какъ говорятъ моряки, *отличный привалъ*. Капитанъ объявилъ прибывшимъ, что строго запрещаетъ всякую поспѣшность, которая теперь можетъ быть гибельна; никто изъ людей безъ его приказанія не долженъ войти въ лодку; старикъ не потерялъ присутствія духа, ни распорядительности.

Лодка могла вмѣстить только половину экипажа; онъ приказалъ штурману первому войти въ нее и принимать только тѣхъ, кого онъ назоветъ. Съ прочими хотѣлъ капитанъ еще держаться на обломкахъ, и дожидаться возвращенія лодки. Ни одного слова возраженія не было слышно; въ эти предсмертныя минуты приказанія капитана исполнялись также точно, какъ и въ обыкновенное время, при самомъ благополучномъ плаваніи. Штурманъ Геггъ перешелъ въ лодку, принявъ переданныя ему важныя бумаги, спрятанныя въ жестяномъ футлярѣ, и затѣмъ, по вызову капитана, люди стали сходить съ палубы. Въ числѣ вызванныхъ былъ и молодой Тростень.

Оставшіеся должны были провести на обломкахъ еще по крайней мѣрѣ два часа; впрочемъ здѣсь были теперь люди, большею частью съ малолѣтства закаленные въ опасностяхъ; каждый изъ нихъ не разъ и не два встрѣчалъ смерть и смѣло смотрѣлъ ей въ глаза.

«За весла ребята! закричалъ капитанъ: — навались бодро и скорѣй назадъ; возвращайтесь, пока не разбило палубу, ежели хотите найти вашего стараго капитана въ живыхъ. Прощайте, Богъ съ вами. Штурманъ! зорко смотрѣть въ какую сторону насъ уносить!»

— Съ Божіей помощью возвращусь такъ скоро, какъ только возможно, отвѣчалъ штурманъ: — отваливай!

Живо отдѣлилась лодка отъ палубы, на которой остались капитанъ и его отборные молодцы. Можетъ быть, кое-кто изъ нихъ и слѣдилъ за отплывавшими

мрачнымъ взоромъ, но никто не сказалъ ни слова. Волны продолжали свое однообразное движеніе; снова раздался громкій трескъ обламывающихся досокъ палубы, ненадолго заглушенный говоромъ и движеніемъ людей, переходившихъ въ лодку.

На Остромъ мысѣ, надъ скалами, образовавшими затонъ столь малый, что въ немъ едва могли скрываться двѣ лодки, стояла хижина рыбаковъ. Наружность этого жилища была непривлекательна; избушка, срубленная изъ неровныхъ бревенъ, носила на себѣ отпечатокъ бѣдности.

Едва влетѣла лодка въ затонъ, какъ штурманъ поспѣшно спустилъ людей и объявилъ, что онъ сію же минуту съ лучшими гребцами опять отправляется въ море. Начальство надъ своими людьми поручилъ онъ Торстену, а самъ, не думая ни о подкрѣпленіи себя пищею, ни о перемѣнѣ платья, взялъ еще двухъ свѣжихъ гребцовъ, случайно тутъ бывшихъ, и отправился для спасенія капитана и остальныхъ товарищей.

Торстенъ приказалъ людямъ идти въ избу; пожилыя женщины, тамъ жившія и ожидавшія лодки со спасенными, вышли на берегъ и радушно предлагали пищу и всякую помощь; онѣ съ радостью повели измокшихъ моряковъ въ хижину; тамъ пылалъ привѣтливо огонь и кипѣлъ котель.

Прежде всего для прибывшихъ нуженъ былъ отдыхъ. Принесли снопы соломы, и моряки, повѣсивъ платье передъ огнемъ, кинулись на постели. Торстенъ, отдавъ женѣ рыбака платье и бѣлье для просушки, тоже легъ на указанную ему кровать; вскорѣ всѣ спа-

сенные уснули. Часа через два прибылъ и капитанъ съ остальными людьми; проснувшись при ихъ приходѣ, Торстенъ радостно ихъ привѣтствовалъ. Штурману предложили мѣсто на кровати подлѣ Торстена; капитанъ улегся на скамьѣ, а прочіе, какъ попало. Семейство рыбака, оставивъ избу въ распоряженіе пришельцевъ, удалилось въ сарай.

Несмотря на усталость, сонъ Торстена былъ тревоженъ, странные сны не давали ему покою и наконецъ это состояніе духа выразилось зловѣщимъ, бессознательнымъ крикомъ. Штурманъ Геггъ проснулся отъ этого крика, онъ схватилъ Торстена за руку и разбудилъ его.

— Какой страшный сонъ испугалъ тебя? спросилъ его штурманъ.

— Мнѣ снилась моя мать, отвѣчалъ Торстенъ, припоминая: — когда я стоялъ въ послѣднія минуты ея жизни подлѣ нея...

— Когда умерла твоя мать? спросилъ штурманъ.

— Теперь тому пятнадцать лѣтъ; мнѣ было тогда семь лѣтъ. Ты кажется, знаешь печальную участь моихъ родителей?

— Да, знаю! Не будемъ вспоминать этихъ горестныхъ происшествій: теперь не время; — намъ обомъ нуженъ отдыхъ. Ты освободился отъ тяжелаго сна; заснемъ снова, чтобы завтра встать съ свѣжими силами.

— Торстенъ кивнулъ головой и опустился на кровать; но смутныя воспоминанія тяготѣли надъ нимъ.

Онъ мысленно пробѣгалъ свое прошедшее, останавливаясь на самыхъ печальныхъ картинахъ дѣтства.

Онъ былъ сынъ бѣднаго финскаго пастора, погибшаго во время войны въ Финляндіи. Война эта отличалась особенной яростью. Пожары, убійства, грабежи были подвигами казаковъ въ Финляндіи. Отецъ Торстена получилъ извѣстіе отъ одного знакомаго, что Русскіе, послѣ сраженія при Оровайсѣ, снова пройдутъ черезъ мѣсто жительства пастора. Но не считая за преступленіе вѣрность своему королю, онъ остался въ своемъ жилищѣ съ женою и дѣтьми. Однажды на дворъ въѣхалъ небольшой отрядъ казаковъ. Безъ церемоніи начали они хватать все, что могли унести съ собою, разрушая все остальное, съ какою-то дикою радостью.

Съ скорбью и негодованіемъ смотрѣлъ пасторъ на гибель трудно нажитаго имущества, предвидя нищету для жены и дѣтей. Въ ожесточеніи вырвалъ онъ изъ рукъ одного казака кочергу, которою тотъ разбивалъ фарфоръ и другую посуду. Раздраженный казакъ нанесъ ему нѣсколько ударовъ нагайкой по покрытой сѣдинами головѣ и ударомъ кулака въ грудь повергъ на землю: старикъ упалъ навзничъ и при паденіи ударился вискомъ объ уголь печи. Несчастная жена его, свидѣтельница этого страшнаго происшествія, имѣла еще столько присутствія духа, что, схвативъ двоихъ дѣтей, кинулась въ окно и скрылась во ржи. Тамъ встрѣтила она одного работника, который рѣшился идти въ домъ и вывести остальныхъ дѣтей. Но каково

было отчаяніи матери, когда работникъ привелъ только двоихъ: третій ребенокъ, дѣвочка, неизвѣстно куда дѣвался. Сидя съ плачущими малютками, несчастная вдова видѣла разрушеніе своего жилища. Опустошивъ домъ, казаки подожгли его и съ криками и гиканьемъ понеслись дальше. Вѣрный слуга досталъ у одного доброго крестьянина лошадь, скрытую въ лѣсу во время военныхъ дѣйствій, и отвезъ бѣдную пасторшу въ Брагештадтъ, гдѣ она думала найти пріютъ у своихъ богатыхъ родственниковъ. Приняли ее не такъ радушно, какъ она ожидала, и кромѣ того несчастная женщина вскорѣ потеряла троихъ дѣтей отъ свирѣпствовавшей тогда дѣтской болѣзни. Она сама слегла, томимая горемъ и заботами; въ отчаяніи, что, несмотря на всѣ старанія, не могла отыскать пропавшую дочь, несчастная женщина умерла, оставивъ бѣднаго Торстена, больного, голоднаго, безъ защиты и пріюта. Семейство одного пастора, нашедшееся въ подобномъ же бѣдномъ положеніи, приняло мальчика; пасторъ былъ другомъ его отца и смотрѣлъ на Торстена, какъ на родного сына. Въ то время минуло ему семь лѣтъ. Всѣ страшныя картины имъ видѣнныя, всѣ пережитыя происшествія неизгладимо запечатлѣлись въ его памяти. Благодаръ его, по окончаніи войны, получилъ маленькій пасторатъ, овдовѣлъ и женился на другой; новая хозяйка скоро сумѣла выжить изъ дому бѣднаго Торстена. Съ той поры старый пасторъ могъ иногда лишь въ тайнѣ помогать мальчику, чтобы дать ему возможность продолжать ученіе. Это послу-

жило въ пользу Торстену; онъ пріучился жить въ одиночествѣ и пріобрѣлъ необходимыя для жизни стойкость и независимость въ убѣжденіи.

Буря затихла; капитанъ собралъ лучшихъ матросовъ, штурмана и Торстена на совѣщаніе о томъ, что дѣлать съ остатками корабля.

Рѣшено было спасти все, что возможно, и для того остаться здѣсь на неопредѣленное время и войти въ сношенія съ процвѣтавшимъ тогда обществомъ водолазовъ (*).

Торстенъ вздумалъ воспользоваться временемъ, пока капитанъ будетъ собирать остатки груза, и объѣхать ту часть Швеціи, куда забросила его судьба.

Городъ Сундваль лежалъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ моря. Торстенъ собралъ отъ рыбаковъ свѣдѣнія о мѣстоположеніи, дорогѣ, ведшей въ городъ, и деревняхъ, лежащихъ по пути. Повѣсивъ черезъ плечо ягдташъ съ необходимыми вещами и бѣльемъ и взявъ ружье, юноша отправился въ путь. Капитанъ и штурманъ дружески пожали ему руку на прощанье.

Лѣтній воздухъ живительно дѣйствовалъ на организмъ молодого человѣка; онъ чувствовалъ себя свободнымъ, сильнымъ и счастливымъ, дикая красота природы доставляла ему полное наслажденіе.

Не далеко отъ берега моря стоялъ красивый домъ съ разными пристройками; по наружности можно было

(*) Въ одномъ изъ слѣдующихъ №№ «Подснежника» будетъ помѣщена статья, одного изъ нашихъ талантливыхъ со- трудниковъ, — о водолазахъ.

принять его за крестьянскій; приближаясь къ нему, Торстенъ увидѣлъ множество лошадей, крестьянъ, телегъ и догадался, что это постоялый дворъ.

Стоявшіе на дворѣ крестьяне съ нѣкоторымъ удивленіемъ смотрѣли на молодого человѣка, пришедшаго пѣшкомъ; этотъ способъ путешествія казался имъ необыкновеннымъ; во взглядахъ и выраженіи ихъ лицъ Торстенъ не замѣтилъ ни малѣйшаго расположенія къ себѣ: они смотрѣли на него недружелюбно и подозрительно. Только въ собственномъ своемъ домѣ, у семейнаго очага, принимаетъ лицо шведскаго крестьянина выраженіе доброты и гостепріимства, ему свойственныхъ; только дома радостно встрѣчаетъ онъ пришельца, и угощаетъ его всѣмъ, что есть у него лучшаго.

Торстенъ осмотрѣлся и спросилъ, гдѣ войти въ домъ. Одинъ изъ крестьянъ показалъ ему входъ въ общую комнату, но онъ при этомъ замѣтилъ, что приходъ его обратилъ вниманіе крестьянъ; они стали шептаться.

Между телегами на дворѣ стояла крытая коляска; при входѣ въ общую комнату, Торстенъ увидѣлъ проѣзжихъ, которымъ она принадлежала.

На стулѣ близъ окна, завернувшись въ пеструю шаль, сидѣла женщина. Она встрѣтила молодого путешественника быстрымъ взглядомъ темноглубыхъ блестящихъ глазъ. Лицо ее было изнурено страданіями; приподнятая верхняя губа придавала физиономіи ея выраженіе презрѣнія. На вѣжливый поклонъ Тор-

стена она отвѣчала только легкимъ движеніемъ бровей, голова ея осталась неподвижна.

Онъ замѣтилъ, что пришелъ не въ пору. Попросивъ у хозяйки стаканъ молока и сѣвъ кусокъ хлѣба, онъ вышелъ изъ дому, чтобы осмотрѣть мѣстоположеніе. Во всѣ стороны открывались прекрасныя виды. Но видъ на большой заливъ былъ красоты неописанной. Зеркальная поверхность воды разстилалась въ широкихъ бухтахъ со скалистыми берегами, усѣянными деревьями. Волнистыя высоты были покрыты густыми рощами сосенъ съ темнозелеными вершинами; кое-гдѣ просвѣчивающая яркая зелень березъ, широкіе луга и пашни придавали мѣстности характеръ суровой прелести, свойственный вообще видамъ сѣверной Скандинавіи.

Пройдя нѣсколько шаговъ, Торстенъ остановился, чтобы разсмотрѣть группу, представившуюся ему на небольшомъ возвышеніи близъ дороги. Тамъ сидѣла женщина, съ альбомомъ на колѣняхъ; она срисовывала лежащей передъ нею ландшафтъ. Подлѣ нея сидѣла другая женщина; это была молодая лапландка въ лѣтней одеждѣ. Она заняла мѣсто цовыше рисующей и съ живымъ любопытствомъ слѣдила глазами за ея карандашемъ. Торстенъ со стороны незамѣтно приблизился къ нимъ. Артистка была красива; нѣжныя и благородныя черты лица ея ярко отдѣлялись на темной тѣни дерева, подъ которымъ она сидѣла. Зеленая шелковая шляпа была откинута назадъ и изъ подъ нея выбивались локоны черныхъ волосъ. Голова лапландки была покрыта національною шапкою синяго

и краснаго цвѣтовъ; лицо ея представляло черты пріятныя и, можно сказать, благородныя; въ нихъ было выраженіе тихое и спокойное, вмѣсто выраженія дикости и безпокойства, что такъ обыкновенно въ лицахъ кочующихъ дикарей.

Торстенъ осторожно приблизился къ группѣ.

Быстрые глаза лапландки тотчасъ его замѣтили, она сказала нѣсколько словъ артисткѣ, которая въ это время начала складывать альбомъ.

Торстенъ подошелъ и вѣжливо поклонился.

— Простите, сказалъ онъ: — я не имѣлъ намѣренія помѣшать вамъ.

— Я уже кончила, отвѣчала она, съ легкимъ и холоднымъ поклономъ; потомъ повернулась къ лапландкѣ, кивнула ей головой, чтобы та слѣдовала за ней, и пошла къ постоялому двору.

Между тѣмъ молодой человѣкъ рѣшился продолжать путь по этой красивой мѣстности, по берегу рѣки Индаля. Онъ заходилъ въ два—три крестьянскіе дома, гдѣ принимали его гостепріимно и не хотѣли брать платы за кушанье. Путешествіе начинало ему нравиться; онъ прошелъ приходы Юстартъ и Индаль, все держась берега рѣки Индаля.

Однажды, когда онъ подходилъ къ границѣ Линденскаго прихода, увидѣлъ онъ небольшую толпу людей; онъ принялъ ихъ издали за цыганъ; они сидѣли на солнцѣ, на небольшомъ возвышеніи у берега озера, подходящаго къ самой дорогѣ, и завтракали. Старикъ, двое мужчинъ, мальчикъ, двѣ старухи, три молодыя женщины и нѣсколько ребятъ, да съ полдюжины на-

выюченныхъ лошадей составляли странную группу. Мужчины были одѣты въ изодранныя рубища; взгляды ихъ были мрачны и недоброжелательны; всѣ они были высокаго роста; этотъ признакъ не позволялъ принять ихъ за цыганъ, которые большею частью малорослы. Одна изъ молодыхъ женщинъ была очень красива, хотя красота ея скрывалась большимъ темнымъ платкомъ, надвинутымъ на лобъ и глаза. Всѣ эти люди казались какъ-то подозрительными и не безопасно было, повидимому, одинокому путнику встрѣтиться съ ними.

Разсмотрѣвъ ихъ, Торстенъ рѣшился однакоже подойти. Простое чувство любопытства побудило его сблизиться съ ними. Онъ весело подошелъ къ сидѣвшимъ и пожелалъ имъ добраго утра. Старикъ съ удивленіемъ взглянулъ на него и угрюмо отвѣчалъ на привѣтствіе. Прочіе молча осматривали пришельца. Въ то время рѣже, чѣмъ теперь, можно было встрѣтить въ Швеціи человѣка, путешествующаго пѣшкомъ. Хотя Торстенъ былъ хорошо одѣтъ, но способъ его путешествія указывалъ на низкую степень, занимаемую имъ въ обществѣ; сидѣвшіе люди смотрѣли на него безъ всякаго уваженія.

— Я совершенно не знаю здѣшнихъ мѣстъ, сказалъ Торстенъ: — куда лежитъ путь вашъ, добрые люди?

— Мы отправляемся въ Норвегію, отвѣчалъ старикъ на какомъ-то ломаномъ нарѣчій.

— Вы, вѣрно, можете указать мнѣ дорогу, продолжалъ Торстенъ: — Я токарный подмастерье и ѣхалъ

въ Англию, чтобы поучиться зарабатывать хлѣбъ; но вчера разбило судно, на которое меня было приняли. Теперь я пробираюсь въ какой нибудь городъ, чтобы разузнать, какъ бы выбраться назадъ, въ Финляндію.

Старикъ недовѣрчиво взглянулъ на его ружье и ягдташъ, однако ничего не отвѣчалъ.

Торстенъ вынулъ фляжку съ водкой, попросилъ старика выпить и передать другимъ; мужчины и женщины выпили, даже маленькимъ дали по глоточку; одна только красивая дѣвушка отказалась.

Когда старикъ обратился къ одной изъ женщинъ и сказалъ ей нѣсколько словъ по фински, Торстенъ съ живостью воскликнулъ, что онъ ихъ землякъ. Начали говорить по фински, и обращеніе старика и женщинъ перемѣнилось: всѣ стали дружелюбны и доброжелательны; только молодые мужчины не отбросили своей холодной угрюмости и молча осматривали Торстена. Торстенъ предложилъ еще разъ круговую изъ фляжки и за тѣмъ мало-по-малу совершенно уничтожилась первоначальная непріязненность; скоро онъ разговорился съ новыми своими знакомыми, какъ старинный пріятель. Однако, онъ не оказывалъ ни малѣйшаго вниманія молодымъ женщинамъ, не зная, какъ обращаются съ ними мужчины.

Когда Торстенъ приглядѣлся къ окружавшимъ его людямъ и одумался, ему показалось, что онъ попалъ въ общество, не совсѣмъ для него приличное; но его занимало это неожиданное знакомство, тѣмъ болѣе, что люди эти были его земляки. Ему любопытно было видѣть, какъ живутъ здѣсь финскіе переселенцы, пре-

имущественно отправлявшіеся въ энтландскіе и вермландскіе мѣса, для выжиганія угля. Это занятіе въ то время было очень выгодно. Ему показалось очень интереснымъ нѣсколько времени прослѣдить за этими выходцами, не смотря на ихъ подозрительный видъ, — и поэтому онъ рѣшился отправиться съ ними въ путь и пройти хоть нѣсколько миль, а потомъ вернуться въ Сундваль для свиданія съ добрымъ капитаномъ.

Путники собирались уже въ дорогу, навьючивая на лошадей мѣшки и разныя вещи, какъ вдругъ подъѣхалъ къ нимъ на тележкѣ, съ мальчикомъ вмѣсто кучера, какой-то человекъ. Онъ соскочилъ съ повозки и подошелъ къ людямъ. Когда старикъ замѣтилъ на платьѣ пріѣхавшаго форменныя пуговицы, показывавшія званіе лэнсмана, то, вѣжливо снявъ шляпу, подошелъ къ нему. Между тѣмъ мужчины спѣшили укладываться, а женщины, собравъ и увязавъ свои вещи, повѣсили дѣтей за плечи.

Лэнсманъ съ раздражающею и грубою надменностью, которую онъ, какъ и многіе другіе, считалъ необходимою принадлежностью своего званія, спросилъ у путниковъ паспорта, проклиная всѣхъ праздношатающихся. Старикъ не отвѣчалъ на ругательства, но Торстена бѣсила дерзость лэнсмана, который бранился, не имѣя еще въ рукахъ бумагъ и не зная, что за люди, съ которыми онъ говоритъ.

Одинъ изъ молодыхъ мужчинъ взошелъ на пригорокъ какъ бы для того, чтобы взглянуть не идетъ ли кто, а другой безпокойно осматривался и по време-

намъ, какъ бы случайно, пододвигалъ къ бранящемуся лэнсману лежавшую на землѣ дубину.

Лэнсманъ замѣтилъ Торстена, поставившаго ружье свое подъ деревомъ. Важный чиновникъ земской полиціи, увидѣвъ хорошо одѣтаго молодого человѣка, на мгновеніе какъ бы одумался, но потомъ подошелъ къ нему быстрыми шагами, схватилъ за воротъ и потащилъ къ тележкѣ.

— Ты бѣглый, закричалъ онъ: — я знаю тебя, мошенникъ!

Торстенъ хотѣлъ вырваться, но лэнсманъ былъ здоровый малый и не выпускалъ своей добычи; началась борьба, въ которой сильный лэнсманъ, вѣроятно, одержалъ бы верхъ. Но въ это время стоявшій на пригоркѣ молодецъ подаль знакъ, тогда другой, схвативъ палку, нанесъ лэнсману сильный ударъ, отъ котораго тотъ повалился на землю. Мальчикъ, сидѣвшій на тележкѣ, увидѣвъ это, стегнулъ лошадь и ускакалъ.

Торстенъ съ ужасомъ смотрѣлъ на повалившагося лэнсмана, который однако скоро открылъ глаза. Ударившій его снова замахнулся, но Торстенъ остановилъ его и отвелъ ударъ.

Лэнсманъ приподнялся, хотя съ трудомъ; Торстенъ схватилъ ружье.

— Господинъ лэнсманъ, сказалъ онъ: — еслибы ты вѣжливо спросилъ меня о моемъ званіи, то я съ должнымъ твоему званію уваженіемъ показалъ бы тебѣ мои бумаги; но такіе грубые и своевольные притѣснители могутъ винить только самихъ себя, если

встрѣтить побои. Убирайся отсюда и благодари Бога, что тебя не отдѣлали еще лучше; на будущее время будь повѣжливѣе!

Лэнсманъ пробормоталъ что-то сквозь зубы и пошатываясь побрелъ по дорогѣ.

Въ это время, стоявшій на-сторожѣ финнъ сбѣжалъ съ пригорка.

— Вдали видны люди, сказалъ онъ поспѣшно.

Старикъ тотчасъ же схватилъ посохъ съ желѣзнымъ наконечникомъ и торопливо сталъ углубляться въ лѣсъ, шедшій съ правой стороны дороги. Мальчикъ и мужчины повели лошадей, на которыхъ посадили двухъ старухъ, а молодыя женщины пошли за нимъ; Торстенъ съ ружемъ за плечами заключалъ шествіе.

Едва успѣли они скрыться въ чащѣ лѣса, какъ на дорогѣ послышался шумъ отъ нѣсколькихъ повозокъ. Какъ казалось, онѣ вдругъ остановились около берега затона.

— Теперь не зѣвать! сказалъ старикъ: — никто не отставай. Идти скоро и молчать.

Онъ ускорилъ шаги и гуськомъ, какъ дикари Америки, маленькій отрядъ тронулся черезъ лѣсистую пустыню. Казалось, старикъ шелъ подъ вліяніемъ какого-то вдохновенія. Онъ быстро подвигался впередъ, выбирая дорогу между кочками и пнями, такъ, что люди и лошади могли слѣдовать за нимъ безъ малѣйшаго затрудненія. Идя за своимъ вожатымъ, Торстенъ призадумался. Онъ замѣшался въ скверную исторію, попалъ въ непріятное общество... Ему слѣдовало показать свои бумаги лэнсману и остаться съ

нимъ, а не присоединяться къ подозрительнымъ людямъ, которыхъ онъ вовсе не зналъ... Но теперь ему казалось неудобнымъ возвратиться: можно было навлечь на себя еще большія неприятности и затрудненія, такъ какъ и онъ вмѣстѣ съ этими людьми оказалъ сопротивленіе лэнсману. Онъ рѣшился пока остаться съ новыми путниками, и разлучиться съ ними тотчасъ же, какъ только замѣтитъ съ ихъ стороны что нибудь дурное.

Лѣсъ становился все чаще и темнѣе; путники болѣе и болѣе удалялись отъ заселеннаго берега рѣки. Кое-гдѣ виднѣлись порубки, угольные ямы, остававшіяся послѣ выжига, но жилья не было никакого. Путники поспѣшно проходили между холмами и трапинами, перебирались черезъ ручьи. Раза два старикъ останавливался для отдыха, и въ это время на пригоркѣ стоялъ кто нибудь изъ мужчинъ на сторожѣ. Такъ шли они до вечера; тогда старикъ рѣшился отдохнуть хорошенько послѣ утомительнаго поспѣшнаго бѣгства.

— Намъ нужно будетъ нѣсколько ночей провести подъ открытомъ небомъ, сказалъ онъ: — строгій лэнсманъ испортитъ наше путешествіе; ежели мы будемъ почевать въ жилыхъ мѣстахъ, тотчасъ нападутъ на нашъ слѣдъ. Для насъ это ничего, но каково будетъ этому молодому человѣку. Онъ вѣрно не привыкъ къ такимъ лишеніямъ. Если онъ хочетъ отправиться за границу, то лучше всего перебраться ему въ Норвегію. Однако, тогда нужно ему идти съ нами до нашего дома и потомъ, Андерсъ, ты можешь отвести его че-

резъ горы въ Рерозъ. Тамъ найдетъ онъ возможность отправиться, куда ему нужно.

— Не велика бѣда провести нѣсколько ночей на воздухѣ, отвѣчалъ Торстенъ: — это случалось мнѣ не разъ. Однако, я еще не знаю вашихъ именъ, добрые спутники.

Старикъ сказалъ, что имя его Оликайнеиъ, одна изъ старуха — его жена, а другая невѣстка. Мужчины были его сыновья, двѣ молодыя женщины ихъ жены, а третья дѣвушка пріемышъ его невѣстки. «Она немного чужда, прибавилъ онъ шопотомъ: — потому что сестра моя; искусная колдунья, выучила ее разнымъ чародѣйствамъ; несмотря на молодость (ей только семнадцать лѣтъ), она умна, какъ старый человѣкъ. Имя ея Болля (сокращенное Ингеборги). Сестра часто предсказываетъ ей, что она будетъ счастлива, что у ней будутъ богатые родные и что не всегда она будетъ простая угольщица. Только не пришло еще время, говорить она.» Потомъ старикъ объяснилъ, что все семейство подрядилось на обжиганіе угля для фабрики, хозяйнъ которой, пользуясь неурожайнымъ годомъ, за ничтожную плату набралъ себѣ работниковъ; — что теперь они тайно отъ него ушли съ работы, чтобы зацѣпиться кое-чѣмъ около морского берега, гдѣ и хлѣбъ дешевле. Все это просилъ старикъ сохранить въ тайнѣ, чтобы на фабрикѣ не провѣдали объ ихъ мѣстопребываніи. Андерсъ, старшій его сынъ, долго водился съ барышниками и мѣнялъ лошадей; на пути онъ много могъ зарабатывать; другой сынъ, Пѣръ, мѣнялъ товары и торговалъ на ярмаркахъ въ Феллуиъ,

Рерозѣ, Гефле и другихъ городахъ. Изъ этого разсказа Торстенъ заключилъ, что онъ попалъ не въ шайку праздношатающихся, и ему казалось, что нѣтъ ничего дурного провести съ этими людьми нѣсколько дней.

Торстена поразила необыкновенно-почтенная наружность Оликайна и та почтительность, которую всѣ стали оказывать старику, какъ только свернули съ большой дороги.

Одна только старая его невѣстка, мать Болли, почти не обращала на него никакого вниманія: сидя на лошади, безпрерывно ворчала она, тогда какъ всѣ прочіе, согласно данному старикомъ приказанію, хранили глубокое молчаніе.

Въ долину, окруженной круглыми скалами, близъ чьей-то старой угольной ямы, выбралъ старикъ мѣсто для ночлега. Мужчины развьючили лошадей и повели ихъ поить къ ручью, журчавшему недалеко. Женщины развели огонь на днѣ ямы, принесли котель, и жена Оликайна занялась приготовленіемъ ужина. Молодые женщины ухаживали за дѣтьми и укладывали ихъ на мху, на-скоро собранномъ по близости.

Путники находились теперь на границѣ между Медельпадомъ и Онгерманландомъ. Торстенъ вкарабкался на утесы, чтобы насладиться великолѣпнымъ зрѣлищемъ дикой природы. Картина огромнаго, густого лѣса, при закатѣ солнца, представлялась угрюмою, но величественно прекрасною. Торжественная тишина прерывалась только легкимъ шумомъ вѣтвей. Когда Торстенъ съ высоты, на которой стоялъ, осматривался

кругомъ, то взорамъ его представлялось необъятное лѣсистое пространство; пурпуръ вечерней зари сливался вдаль съ синевою вершинъ лѣса. Въ долину, разстилавшейся подъ его ногами, царствовала уже темнота и красное пламя костра ярко освѣщало громадные пни деревьевъ и людей, покрытыхъ рубищами и сидѣвшихъ около огня. Картина была достойна кисти великаго художника.

Когда Торстенъ спустился въ долину, лошади возвращались уже съ водопоя. Шумъ ихъ копытъ испугалъ тетерева, выбравшаго эту долину для ночного отдохновенія; но едва взлетѣлъ обезпокоенный житель лѣса, какъ мѣткій выстрѣлъ Торстена поразилъ его, и онъ упалъ на землю около того мѣста, гдѣ стряпала старуха. Старикъ, услышавъ выстрѣлъ, не сказалъ ни слова, но быстро вскочивъ, побѣжалъ на скалы; онъ успокоился, осмотрѣвъ мѣстность и найдя, что все тихо.

Торстенъ, чувствуя, что имѣетъ теперь тоже право на ужинъ, приблизился къ огню; онъ украсилъ трапезу, предложивъ остатокъ находившейся во флажкѣ водки; это еще больше расположило къ нему его спутниковъ.

Въ семействѣ угольщиковъ былъ обычай, чтобы предъ ѣдой мальчикъ читалъ вслухъ нѣсколько молитвъ; послѣ чтенія старуха раздала каждому его долю пищи; всѣ ѣли скоро и въ молчаніи; послѣ ужина опять было прочитано нѣсколько молитвъ.

Женщины и дѣти улеглись спать; старикъ указалъ Торстену мѣсто подлѣ себя; они легли на разостлан-

ный мохъ и накрылись даннымъ одною изъ женщинъ шерстянымъ одѣяломъ. Сыновья старика отвели лошадей глубже въ долину и остались при нихъ. Огонь погасъ и скоро все кругомъ затихло.

Несмотря на усталость, Торстенъ не могъ заснуть. Задумчиво смотрѣлъ онъ на июльское небо, въ которомъ кое-гдѣ мерпали звѣзды; разнообразныя видѣнія носились надъ юною его головою, наконецъ онъ заснулъ.

Рано утромъ всѣ поднялись и послѣшно стали приготовляться въ путь; Пэръ и Андерсъ старательно разбросали мохъ и головешки, чтобы уничтожить слѣды ночлега. «Мы пойдемъ черезъ Рагунду», сказалъ старикъ, — «гдѣ и переправимся черезъ рѣку, не далеко отъ поселеній въ западномъ Эмтландѣ; тамъ наше жилище. Намъ необходимо взять эту дорогу, чтобы избѣжать населенныхъ мѣстъ и преслѣдованія. Черезъ рѣку мы перейдемъ у «Мертваго Потока», прибавилъ онъ, выступая впередъ, и по данному имъ знаку всѣ двинулись въ дорогу.

II.

Въ лѣсу.

Два дня шли путники лѣсомъ, покрывающимъ возвышенный хребетъ между Онгерманландомъ и Индаль-Эльвомъ. Только угольщики, опытные въ ходьбѣ по лѣсамъ, могли свободно пробираться въ этихъ дремучихъ чащахъ, гдѣ никогда еще не раздавался стукъ топора. Огромныя мачтовыя деревья высились между поваленными бурей пнями. Старикъ объявилъ, что вечеромъ пройдутъ черезъ Рагунду и что придется преодолѣть не мало трудностей.

Торстенъ, глубоко сочувствуя красотамъ природы, былъ очень доволенъ своимъ положеніемъ: онъ имѣлъ случай наслаждаться чудными видами, очаровательными въ дикой ихъ красотѣ. Онъ попросилъ старика растолковать ему, что за мѣсто Рагунда и на какія трудности намекалъ онъ.

Старикъ объяснилъ, что имъ надобно перейти черезъ «Мертвый Потокъ». Лѣтъ двадцать слишкомъ тому назадъ яростно бушевалъ онъ, а теперь совершенно пересохъ. Дѣло рукъ человѣческихъ произвело въ 1796 году переворотъ въ теченіи значительной рѣки Рагунды. Давно уже раздумывали о томъ, чтобы дать ложу ея другое направленіе для выгодъ судоходства. Одинъ богатый купецъ Гуссъ, прозванный въ народѣ «Дикимъ», составилъ общество для исполненія проэкта. Но едва начали люди работу, какъ природа окончила ее по своему. Неожиданно произо-

шло въ Рагундѣ возвышеніе воды, которая страшною массою кинулась въ начатый каналъ, расширила его, увлекая глыбы земли, песку и камней, и въ какіе нибудь два часа образовалось ложе, по которому наводненіе нашло себѣ дорогу во внутрь страны. Это случилось 6-го іюня 1796 года. Вода сорвала одинъ лѣсистый холмъ, имѣвшій въ объемѣ до двадцати туннландовъ (*), перекинула его на тысячу локтей впередъ, въ узкое мѣсто рѣки, называемое «Чернымъ Яромъ», смяло и сбило въ поперечную плотину. Это, устроенная природою, плотина, была причиной страшнаго наводненія; но недолго могла она устоять противъ напора воды, которая съ трескомъ и рокотомъ прорвала два часа назадъ ею же устроенное препятствіе и кинулась впередъ, опустошая все встрѣчавшееся на пути. Къ счастью, это произошло въ лѣтнюю, свѣтлую ночь, хижины рыбаковъ, лѣсопильни, мосты, все было сорвано и унесено. Замѣчательно, что въ эту ночь ни одинъ человѣкъ не утонулъ. Въ послѣдствіи отъ обваловъ земли по берегамъ погибло нѣсколько людей. Когда началось наводненіе и казалось, что рѣка приметъ предположенное по проекту направленіе, дикая радость обуяла «Дикаго» Гусса; онъ кинулся на лошадь и поскакалъ по берегу, крича въ селеніяхъ: «Уходите! Рагунда идетъ за мною!» Послѣ, сѣвъ въ лодку, онъ хотѣлъ первый проѣхать по новому ложу, но лодку разбило и онъ погибъ при этомъ опытѣ.

Торстенъ внимательно слушалъ разсказъ Оликай-

(*) *Туннландъ* — пространство земли въ 14000 квадратн. локтей.

нена. Съ тѣхъ поръ, продолжалъ старикъ, старое русло совершенно пересохло; печалень видъ обточенныхъ водою скалъ; никакая растительность не принимается по берегамъ, и потому мѣсто получило названіе «Мертваго потока».

Около заката солнца путники пришли въ такую часть лѣса, гдѣ видѣлись слѣды порубокъ и кое-гдѣ были разбросаны загороженные мѣста, засѣянные рѣпою. Въ лѣсу стало свѣтлѣе; не подалеку находился пространный затонъ рѣки; отраженіе свѣтлаго неба въ струяхъ воды способствовало освѣщенію лѣса. Здѣсь путники остановились и Оликайненъ осторожно сталъ взбираться на утесъ, для осмотра окрестностей. «Позволь мнѣ идти съ тобою, сказалъ ему тихо Торстенъ:—я буду такъ же остороженъ, какъ и ты, отецъ Оликайненъ!»

Старикъ кивнулъ головою въ знакъ согласія и они полѣзли на крутую лѣсистую возвышенность; близъ ея подошвы шла большая дорога. Вдругъ старикъ шепнулъ Торстену: «Молчи!» и осторожно сталъ вглядываться, скрываясь между кустами и утесами.

На дорогѣ стояли двѣ повозки. Одна изъ нихъ была старомодная, крытая коляска, другая, повидимому, предназначалась для вещей. Ямщики стояли у лошадей, лакей отворилъ дверцы и спустилъ подножку коляски. Изъ нея вышла стройная женщина, а съ другой повозки ловко и живо соскочила лапландка.

— Это опять тѣже;—я видѣлъ и ее, и эту лапландку, незадолго до встрѣчи съ вами, прошепталъ Торстенъ.

— Если онѣ увидятъ насъ, мы пропали, тихо возразилъ старикъ.

Оба отскочили отъ края утеса и когда вошли въ чашу лѣса, гдѣ никто уже не могъ видѣть и слышать ихъ, Оликайненъ уменьшилъ шаги и обратился къ Торстену.

— Какъ можешь ты знать ее? воскликнулъ онъ, осматривая юношу пронзительнымъ взоромъ.

Торстенъ разсказалъ о своей встрѣчѣ близъ постоялаго двора.

Старикъ успокоился.

«Онѣ насъ знаютъ,» сказалъ онъ.

— Кто же это? спросилъ Торстенъ.

— Это владѣтельница Фуруборгскаго завода! Она не знаетъ и не должна знать, что мы уходили оттуда; онѣ раньше насъ будутъ дома.

— Какъ ея фамилія, и кто эта лапландка?

— Старую зовутъ «ваша милость», а молодую «барышней»: вотъ все, что я знаю, а лапландка эта — Сири, которую мы всѣ уважаемъ и любимъ, — я послѣ разскажу за что.

Старикъ приказалъ, чтобы никто не трогался съ мѣста, покуда не уѣдутъ «госпожи». Торстенъ молча сѣлъ подлѣ другихъ; ему очень хотѣлось бы познакомиться съ владѣтельницей замка, но и безъ того его спутники стали перешептываться и бросать подозрительные взгляды на молодого человѣка.

Андерсъ поднялся для осмора на утесъ. Часа черезъ два послышался съ дороги шумъ отъѣзжающихъ экипажей, и путники снова двинулись въ походъ.

По скрывавшейся въ разщелинѣ утеса тропинкѣ,

извивавшейся между кустами, старикъ пошелъ впередъ; неопытный глазъ не могъ бы отыскать въ этихъ громадахъ камней удобнаго прохода. Сынвья вели лошадей, а Торстенъ и Болля шли позади.

Поспѣшно перешли они черезъ дорогу и стали приближаться къ «Мертвому потоку». Короткая лѣтняя ночь смѣнилась утреннею зарею, освѣщавшею представившееся зрѣлище.

Посреди мрачнаго лѣса лежала долина, обставленная дикими, беспорядочно раскиданными утесами; здѣсь не было никакой растительности, никакой зелени, казалось, рука смерти исполинскимъ перстомъ очертила эту мѣстность. Обточенные водою утесы представляли странные образы, какъ бы нарочно выдвинутые изъ земли, чтобы дать понятіе о формахъ скалъ какого-то дальняго, нездѣшняго міра.

Здѣсь стремились прежде быстрыя струи необузданнаго потока, здѣсь раздавался его рокотъ, какъ вздохи подземныхъ силъ; но теперь царствовала могильная тишина. Голыя скалы стояли въ странныхъ группахъ, какъ живыя существа, мгновенно окаменѣвшія. Торстенъ съ какимъ-то невольнымъ ужасомъ осматривалъ эту дикую, угрюмую мѣстность; онъ никогда не видалъ ничего подобнаго.

Едва усталые путники отдохнули нѣсколько минутъ, какъ старикъ подаль знакъ и всѣ двинулись въ путь.

По разщелинѣ утеса поднялись на другую сторону «Мертваго потока», достигли берега Рагунды и, пройдя вдоль его, опять углубились въ лѣсъ.

Нѣсколько дней продолжалось такимъ образомъ путешествіе; бодро и постоянно впереди шель Оликай-ненъ; прочіе въ порядкѣ слѣдовали за нимъ. Торстенъ замѣтилъ, что чѣмъ далѣе уходили они въ лѣсъ, тѣмъ довѣрчивѣе дѣлалась къ нему семья угольщиковъ. Когда путь лежалъ по близости отъ большой дороги, или приходилось переходить черезъ мосты на широкихъ рѣкахъ, то мѣста эти проходили всегда ночью, съ величайшими предосторожностями, чтобы не быть открытыми.

Однажды вечеромъ остановились для отдыха у какого-то пустого навѣса, принадлежащаго къ отдаленному крестьянскому жилью. Пока приготовляли ужинъ, Торстенъ толковалъ съ женщинами. Онѣ смотрѣли на него дружелюбно, но на всѣ разпросы отвѣчали коротко и отрывисто. Изъ всего семейства, разговорчивѣе другихъ былъ мальчикъ; Торстенъ приобрѣлъ его дружбу, выучивъ его стрѣлять и давая иногда ружье поохотиться. Впрочемъ, рассказы мальчика мало разъясняли исторію семейства угольщиковъ; онъ больше болталъ о своей охотѣ и описывалъ впечатлѣнія теперешняго путешествія, перваго, которое пришлось ему сдѣлать.

Торстенъ съ участіемъ смотрѣлъ на Боллю: ему жаль было, что такая хорошенькая, нѣжная дѣвочка находилась посреди угольщиковъ; въ ней замѣтно было какое-то благородство. Иногда Торстену казалось, будто ея черты знакомы ему, будто онъ гдѣ-то видѣлъ ее, но когда же? онъ никогда не бывалъ въ этихъ мѣстахъ. Онъ удивлялся также, почему Боллю считали помѣшанной, — правда, она какъ-то странно

вела себя, была грустна, молчалива, въ ней совсѣмъ не было рѣзвости, свойственной ея лѣтамъ; обыкновенно шла она позади другихъ женщинъ, иногда только подходила къ Торстену, подносила ему берестовую коробку, наполненную ягодами, собранными ею по дорогѣ, или подавала ему какой нибудь цвѣтокъ, забывъ, что онъ охотно разсматривалъ растенія. Онъ ласково благодарилъ ее, но никогда не удавалось ему завести съ ней разговоръ.

Въ этотъ вечеръ старикъ объявилъ, что надобно перейти пространство между Рагундою и Гаммердалемъ и что дорога будетъ трудна. Торстенъ увѣрилъ его, что путешествіе пріятно и еще не утомило его.

На слѣдующее утро, едва показалась заря, путники уже были готовы въ дорогу. По приказанію Оликайна, каждый запасся хорошей дубиной. Густыя облака покрывали небосклонъ; старикъ сказалъ, что надобно ожидать дождя и грома. «Но пока солнце взойдетъ высоко, мы уже будемъ въ своемъ лѣсу», прибавилъ онъ.

Лошади хорошо выкормились за ночь и шли бодро, словно раздѣляя съ путниками желаніе скорѣе добраться до дому. Старикъ, какъ и прежде, занялъ мѣсто впереди и пошелъ по направленію къ западу.

Сначала нужно было пройти нѣкоторое пространство по волнистой и безлѣсной мѣстности, которая замыкалась огромнымъ мшистымъ болотомъ, а по ту сторону болота открывалась возвышенная равнина, покрытая дремучимъ лѣсомъ.

Когда маленькій караванъ спускался къ болоту, пошелъ дождь, ударилъ громъ и раскатъ его съ

ужасающимъ трескомъ прокатился по возвышенностямъ, передаваемый эхомъ.

Всѣ невольно оглянулись. Молнія ударила въ одинокую старую сосну и вѣтви ея задымились и заискрились; однако дождь загасилъ начинавшійся пожаръ.

— Гмъ, пробормоталъ старикъ: — громъ катается сегодня низко! Болото намокаетъ; ежели намъ не удастся скоро перейти его, мы можемъ завязнуть.

До этого Торстенъ былъ въ какомъ-то тоскливомъ расположеніи духа, но, услышавъ слова старика, онъ ободрился; ожиданіе опасности оживило его. Мужчины и ихъ жены повели лошадей подъ уздцы; на остальныхъ двухъ ѣхали старухи. Болля приостановилась, Торстенъ подошелъ къ ней.

— Не оступись, сказала она: — иди по моимъ слѣдамъ; невѣрный шагъ здѣсь можетъ быть гибеленъ; легко провалиться, тутъ есть бездонныя трясины; вытащить упавшаго невозможно.

— Какая ты храбрая, Болля, сказалъ ей Торстенъ.

— Мнѣ не въ первый разъ, я привыкла, отвѣчала дѣвочка отрывисто.

Старикъ хорошо зналъ дорогу; съ удивительною вѣрностью выбиралъ онъ твердыя мѣста между кочками и кустами брусники. У него были, конечно, примѣты невидимыя для другихъ, по крайней мѣрѣ для Торстена. Иногда старикъ останавливался: посохомъ пробовалъ крѣпость кочекъ, рассматривалъ лѣсъ впереди и задумчиво оглядывался назадъ. Сообразивъ и осмотрѣвшись, онъ снова бодро пускался въ путь.

Кочки, размоченныя дождемъ, сдѣлались скользки;

земля между ними тоже намокла, такъ что при каждомъ шагѣ казалось, что ноги не встрѣчаютъ опоры. Вся окрестность какъ бы дрожала. Лошади пугались блеска молніи и прижимались другъ къ другу при ударахъ грома. Требовалась величайшая осторожность, чтобы не дать имъ сбиться съ дороги, которую указывалъ Оликайненъ.

Нѣсколько разъ Торстенъ былъ въ опасности поскользнуться, но Болля, слѣдившая за нимъ, тотчасъ протягивала ему конецъ дубины и онъ, ухватясь за него, приходилъ снова въ равновѣсіе. Онъ удивлялся съ какой необыкновенной ловкостью и свободой эта странная дѣвочка перебиралась по кочкамъ.

Съ невѣроятными усиліями добрались путники уже до половины болота, какъ вдругъ старикъ снова остановился. Долго осматривался онъ и наконецъ подозвалъ Андерса и Пэра. Болля и Торстенъ должны были держать лошадей. Тихо разговаривалъ старикъ съ сыновьями, такъ что Торстенъ не могъ ничего слышать; наконецъ онъ сказалъ громко:

— Болото размокло; намъ надобно вернуться назадъ. Господи, помоги намъ: темно идти назадъ, но еще темнѣе идти впередъ!

— Нѣтъ, намъ надобно идти впередъ, вскричала мать Болли. Пусти меня, я знаю дорогу! Развѣ ты забылъ ключи съ той стороны; они уже навѣрное теперь залили дорогу позади насъ. Можетъ быть, намъ удастся пройти впередъ, — а назадъ уже невозможно!

Старуха поспѣшно соскочила съ лошади и подвела

ее къ старику; моргая красными своими глазами, она вглядывалась въ сѣрый покровъ проливного дождя. Снова стали совѣтоваться.

— Сойди и ты съ лошади, старуха, сказалъ женѣ своей Оликайненъ: — невѣстка говоритъ, что надобно идти впередъ. Если она не ошибается, то въ этой сторонѣ виднѣется опушка лѣса.

Медленно стали путники подвигаться впередъ.

— Не подходите близко другъ къ другу: можно провалиться, вскричалъ Андерсъ: — не наступайте на тѣ кочки, на которыя ступаютъ лошади.

При этихъ словахъ онъ взялъ поводъ отъ Торстена и самъ повелъ лошадь. Дождь такъ размочилъ поверхность болота, что кочки казались плавающими; лошади устали и были безпокойны; онѣ пріостанавливались при каждомъ скачкѣ съ одной кочки на другую. Нужно было много осторожности, силы и привычки, чтобы управлять ими. Женщины, съ дѣтьми за плечами, неутомимо шли впередъ. Болѣе другихъ устала мать Болли, такъ что дѣвочка должна была вести ея лошадь; наконецъ старуха совсѣмъ утомилась и принуждена была снова ѣхать, какъ ни было это опасно.

Наконецъ сквозь сѣтку дождя стала замѣтна опушка лѣса; но окраина болота представляла массу жидкой грязи; нужно было подвигаться съ величайшею осторожностью; Оликайненъ стоялъ уже на твердыхъ корняхъ деревьевъ, какъ вдругъ вскрикнула Болля. Лошадь, которую она вела, провалилась передними ногами между двумя кочкамъ; Торстенъ подбѣжалъ

и снялъ съ нея старуху; та поспѣшно пошла къ твердому берегу. Андерсъ закричалъ Боллѣ, чтобы она не трогала лошади пока всѣ не будутъ въ безопасности. Но когда животное почувствовало, что его втягиваетъ въ трясины, оно стало биться, чтобы выскочить, и движеніями ногъ еще болѣе разбивало верхнюю кору болота, состоявшую изъ растеній и мха. Торстенъ пропустилъ свою дубину подъ грудь лошади, чтобы ее не могло втягивать въ глубину. Оликайненъ прибѣжалъ сюда и тоже поставилъ свою дубину; между тѣмъ Андерсъ, которому удалось уже вывести другихъ лошадей, вмѣстѣ съ братомъ поспѣшно срубили нѣсколько молодыхъ деревьевъ и притащили ихъ къ провалившейся лошади. Послѣ ужасныхъ усилій удалось ее вытащить и провести къ лѣсу; она дрожала отъ холода и усталости. Дождь шелъ непрерывно и теперь подъ деревьями, съ которыхъ лилась вода потоками, онъ сталъ еще ощутительнѣе. Удары грома стали сильнѣе и чаще, видно было, какъ молнія нѣсколько разъ ударила въ лѣсъ. Старыя сосны трещали и звуки бури, передаваемые эхомъ въ лѣсу, наводили ужасъ.

Между тѣмъ день уже склонялся къ вечеру; дождь уменьшился и наконецъ пересталъ, но съ деревьевъ еще лилась вода. Старикъ сказалъ, что по близости нѣтъ лучшаго мѣста для ночлега и потому надобно почевать въ лѣсу. Лошади были утомлены и рѣшено было тутъ же остановиться для отдыха.

Не легко было развести огонь, но Пэръ и Андерсъ устроили родъ шалаша изъ еловыхъ вѣтвей, и подъ

нимъ начали разгораться дрова. Вынули котель, но съѣстныхъ припасовъ было очень мало. Торстенъ промокъ насквозь, ружье его тоже было подмочено. Болля куда-то исчезла, но черезъ нѣсколько времени возвратилась съ значительнымъ запасомъ морошки, набранной въ болотѣ.

Подкрѣпивъ силы, стали приготовляться къ ночлегу; нанесли еще ельнику, и вѣтви, обсушенные огнемъ, разостлали такъ, чтобы всѣмъ было сухо лежать. Лошадей тоже подвели къ огню обогрѣться. Началъ подувать вѣтеръ; за ненастнымъ днемъ наступала ясная, лѣтняя ночь.

Торстенъ спокойно заснул около полуночи, но вскорѣ былъ пробужденъ зловѣщимъ шумомъ деревьевъ. Онъ приподнялся и осмотрѣлся. Все было покрыто сумракомъ сѣверной ночи. Нѣсколько звѣзд мелькало на небѣ; въ кострѣ, горѣвшемъ съ вечера, еще пламенѣли угли. Но вдругъ съ той стороны, гдѣ были лошади, раздался топотъ и безпокойное фырканье. Торстенъ всталъ и на него пахнуло густымъ дымомъ. Онъ громко закричалъ, чтобы разбудить своихъ спутниковъ; мгновенно всѣ были на ногахъ. Люди поспѣшили къ лошадямъ. Отъ разложеннаго тамъ огня загорѣлась ближняя ель, теперь объятая пламенемъ, отъ нея начали уже горѣть сосѣднія деревья, кора деревьевъ чернѣла и тлѣла, и трескъ и шипѣнье разгоравшихся пней болѣзненно отзывались въ душѣ; казалось, они рошцуть на свою судьбу и какъ бы со стономъ отдаются въ жертву огню. Лошадей отвели и тотчасъ же стали навьючивать.

— Лѣсъ еще сыръ отъ дождя, замѣтилъ старикъ: — мы успѣемъ пройти, пока пожаръ не обогналъ насъ.

Поспѣшно пустились въ дорогу. Оликайненъ шелъ впереди, Торстенъ позади всѣхъ; онъ часто оглядывался на распространявшійся пожаръ. Казалось, что огонь переходилъ со скоростью электричества: едва касался онъ нѣжныхъ вѣтвей дерева, онѣ быстро загорались, какъ бы отъ молніи; пламя взлетало спирально къ вершинѣ, тотчасъ же покрывавшейся облакомъ густого дыма; когда вѣтеръ относилъ дымъ, виднѣлись голыя, пламенѣющія вѣтви. Огонь быстро перескакивалъ съ дерева на дерево, поднялся вѣтеръ, и пожаръ началъ сильно распространяться. Дымъ сгущался около убѣгающихъ путниковъ, и въ немъ начали носиться искры, разносимыя вѣтромъ, отрывавшимъ мелкія части горѣвшей коры отъ деревьевъ.

— Не отставать, кричалъ по временамъ Оликайненъ: — становится хуже, чѣмъ я ожидалъ. Назадъ черезъ болото идти нельзя. Не растягивайтесь и не теряйте слѣду!

— Намъ необходимо добраться до бревенчатой кладѣ, сказалъ Андерсъ: — она должна быть близко.

«Огонь забѣгаетъ, впередъ! закричалъ старикъ: — погоняйте лошадей!»

Онъ побѣжалъ съ быстротою юноши, всѣ кинулись за нимъ, напрягая силы. Наконецъ старикъ крикнулъ:

— Вотъ кладь!

Болото, окружавшее на огромномъ протяженіи лѣсъ,

раздѣляло его на двѣ неровныя части. Въ самомъ узкомъ и мелкомъ мѣстѣ была положена бревенчатая кладь. По этому мосту, не совсѣмъ безопасному, потому что бревна не были связаны между собою, а просто уложены между камнями и кочками, торчавшими изъ воды, должны были теперь перейти и люди и лошади.

— Сведите лошадей въ воду, сказалъ старикъ: — здѣсь мелко и грунтъ довольно крѣпокъ; тогда посмотримъ, что дѣлать.

Приказаніе Оликайнена тотчасъ было исполнено; лошадей подвели къ кладѣ, развьючили, и сыновья его перенесли вьюки на ту сторону. Но на это нужно было время; пожаръ обхватывалъ лѣсъ и приближался. Потомъ повели лошадей то вбродъ, то вплавь, въ безопасное мѣсто.

Торстенъ принималъ живое участіе въ работѣ; онъ велъ послѣднюю лошадь, впереди его шла Боля. Вдругъ раздался необыкновенный звукъ. Это былъ ревъ медвѣдицы, которая съ тремя медвѣжатами показалась на берегу, ища спасенія отъ преслѣдовавшаго ее огня.

При ужасныхъ явленіяхъ природы, дикіе звѣри какъ будто теряютъ свою сварливость. Они въ страхѣ приближаются къ людямъ, сознавая ихъ превосходство и какъ бы прося у нихъ помощи. Испуганная медвѣдица, вѣроятно, не разъ проходившая по кладѣ, кинулась теперь на нее, несмотря на присутствіе людей. Медвѣжата были еще слабы: одного несла она въ зубахъ, какъ дѣлаютъ собаки, и по одному держала въ лапѣ. Въ этомъ проявленіи материнскаго

чувства было что-то трогательное, но вмѣстѣ и что-то ужасное, когда она, идя на заднихъ лапахъ, быстро кинулась по кладѣ, приближаясь болѣе и болѣе къ опередившимъ ее людямъ.

Ружье Торстена было на другой сторонѣ: — онъ былъ беззащитенъ. Онъ проворно вскочилъ на лошадь, схватилъ Боллю, посадилъ ее подлѣ себя, бросилъ поводъ и лошадь по инстинкту быстро кинулась отъ кладѣ.

Торстенъ оборотился къ медвѣдицѣ, проворно подвигавшейся впередъ по бревнамъ; она была отъ него уже въ нѣсколькихъ саженьяхъ; онъ рѣшился кинуться въ воду и вплавь достигнуть берега.

Едва исполнилъ онъ свое намѣреніе, какъ раздался выстрѣлъ: Андерсъ нашелъ ружье Торстена, но, къ несчастью, оно было заряжено дробью: весь зарядъ попалъ въ морду медвѣдицы; медвѣжонокъ, котораго несла она въ зубахъ, былъ убитъ; сама она была оцарапана, но неопасно; лишь только почувствовала она боль, какъ остановилась, бережно положила медвѣжатъ на бревно и, испустивъ страшный ревъ, стала осматриваться пылающимъ взоромъ. Но скоро ярость ея прошла и смѣнилась какъ бы мольбою: новый ревъ ея былъ полонъ такого смятенія и страха, что у плившаго Торстена, находившагося къ ней ближе другихъ, застыла кровь; послѣ того медвѣдица начала лизать и обнюхивать мертваго медвѣженка.

Но Андерсъ, какъ опытный охотникъ, не разтрогался жалобнымъ ревомъ медвѣдицы; онъ схватилъ

топоръ и бросился ей на встрѣчу. Братъ его слѣдовалъ за нимъ. Медвѣдица, видя жестокость враговъ и чувствуя, что вплавь не можетъ спасти разомъ своихъ дѣтенышей, рѣшилась защищаться. Она приподнялась, шерсть на ней стала дыбомъ и кровавые глаза устремились на безстрашныхъ противниковъ, теперь медленно и осторожно приближавшихся съ поднятыми топорами.

Между тѣмъ она посматривала и на воду съ глухимъ рычаньемъ, облизывая медвѣжатъ. Наконецъ она схватила одного дѣтеныша и соскочила въ воду.

Андерсъ тотчасъ же схватилъ остальныхъ медвѣжатъ и передалъ ихъ брату. Они были еще слѣпые, живой жалостно завизжалъ. Услышавъ визгъ, медвѣдица поворотилась къ кладѣ. Когда она хотѣла вскочить на нее, ловкій ударъ топоромъ раскололъ ей черепъ; послѣдній медвѣжонокъ выпалъ изъ ея лапы. Андерсъ тотчасъ же задушилъ и его и другого. Побѣдители съ радостью потащили къ берегу великолѣпную добычу.

Торстенъ благополучно добрался до берега. Къ счастью, ягдташъ Торстена былъ на сухомъ мѣстѣ и онъ могъ переменить мокрое платье. Братья живо содрали шкуру съ медвѣдицы, вырубили лучшія мѣста мяса и спрятали ихъ съ медвѣжатами въ мѣшокъ. Послѣ этого поспѣшили удалиться отъ страшно разгоравшагося пожара: небо горѣло краснымъ заревомъ, и всѣ окружающіе предметы свѣтились темнокраснымъ отливомъ огня.

— Сюда вѣрно придутъ люди, сказалъ старикъ:

— и намъ лучше съ ними не встрѣчаться. Мы можемъ потерять гораздо больше, чѣмъ намъ бы хотѣлось.

Торстенъ сообразилъ, что сталъ соучастникомъ страшнаго преступленія — поджога лѣса; конечно, пожаръ могли приписать вчерашней грозѣ, но въ самомъ дѣлѣ онъ былъ слѣдствіемъ непростительной небрежности. Однако онъ отогналъ отъ себя преждевременныя опасенія, осмотрѣлъ картину пожара, свѣтъ котораго смѣшивался со свѣтомъ восходящаго солнца, зарядилъ ружье и бодро пошелъ за путниками, слѣдовавшими въ обыкновенномъ порядкѣ.

Пришлось переходить черезъ невысокій, но крутой каменистый хребетъ; здѣсь не было протоптанныхъ тропинокъ и дорога была трудна. Старикъ совершенно отклонился отъ пути, ведшаго къ знакомой намъ кладѣ. Теперь начали показываться мѣста обитаемыя; видны были порубки лѣса; кое-гдѣ лежали обтесанные бревна.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ утомительнаго похода, путники отдохнули у подошвы одной пустынной горы; огня не разводили; пищи не приготавливали.

Когда отдохнули, снова пустились въ путь; чѣмъ ближе шло время къ вечеру, тѣмъ поспѣшнѣе шли путники.

— Къ ночи хотятъ быть дома, пояснила Торстену Болля.

Наконецъ передъ закатомъ солнца подошли къ холму, на которомъ виднѣлись четыре бревенчатыя постройки. По одну сторону возвышеннаго холма синѣлъ густой непроходимый лѣсъ, по другую сторону,

на сколько могло простираться зрѣніе, виднѣлась мшистая болотистая равнина, покрытая небольшими возвышеніями съ одинокими кустами; впереди, далеко на горизонтѣ, виднѣлся лѣсъ. Не далеко отъ устья начинался каменистый хребетъ, уходившій въ глубину лѣса. По обѣимъ сторонамъ равнины поднимались отдаленныя цѣпи горъ. Бѣлыя пятна на ихъ вершинахъ показывали, что онѣ находятся въ предѣлахъ снѣговъ.

Когда подошли къ жилищу, Пэръ и Андерсъ поспѣшили развьючить лошадей и убрать ихъ, женщины втаскивали лещи. Торстенъ остановился, рассматривая открывшуюся передъ нимъ мѣстность. Боля подошла къ нему и предложила войти въ комнату, которая предназначалась для него. Она обѣщала также сказать ему, когда будетъ готова баня, которую магъ ея затопила.

Съ удивленіемъ вошелъ Торстенъ въ небольшую, но уютную комнату, въ которую падали лучи заходящаго солнца. Въ ней царствовалъ величайшій порядокъ, и она была убрана со вкусомъ. На стѣнѣ висѣло зеркало; лежавшія на столѣ вещи были довольно цѣнны. Постель была покрыта чистымъ и тонкимъ бѣльемъ; она была чрезвычайно привлекательна для человѣка, столько ночей сряду не раздѣвавагося; желаніе отдохнуть заглушало и голодъ, и влеченіе къ обѣщанной банѣ.

Отдохнувъ, мужчины все собрались въ общую избу. Торстенъ замѣтилъ, что хозяева сбросили свои

рубища и были одѣты хоть просто, но чисто. Черезъ нѣсколько времени пришли женщины, тоже переодѣвшіяся въ праздничныя платья. Когда всѣ собрались, Болля зажгла длинную сосновую лучину, употребляемую въ финскихъ хижинахъ вмѣсто свѣчи. Дѣвочка подошла съ нею къ Оликайнену, который сидѣлъ у стола, положивъ передъ собою книгу.

Старикъ началъ читать: книга была старая финская библія.

Присутствовавшіе слушали съ глубокимъ благоговѣніемъ, хотя старикъ читалъ медленно и съ трудомъ. Однако Торстену не пришла мысль замѣнить старика, чтобы читать лучше и живѣе; онъ тоже прослушалъ двѣ главы. Послѣ того старикъ прочиталъ молитву, благодаря Господа за покровительство имъ въ пути и благополучное возвращеніе всей семьи въ жилище. Было что-то торжественное въ простой, но благоговѣйной молитвѣ Оликайнена; глаза Торстена наполнились слезами и душа его приняла участіе въ общемъ благочестивомъ настроеніи.

Послѣ этого краткаго богослуженія, подали ужинъ; голодъ до такой степени приправлялъ простыя деревенскія кушанья, что, казалось, нельзя было найти ничего пріятнѣе и вкуснѣе; всѣ были рады; веселая натура Торстена тоже оживилась; въ душѣ его начали роиться безчисленныя надежды и предположенія. Онъ былъ совершенно счастливъ въ гостепріимномъ кругу добрыхъ обитателей лѣса; его восхищали угрюмыя картины природы сѣверныхъ лѣсовъ. Онъ рѣшился

пробыть здѣсь сколько захочется, отдаваясь вполнѣ впечатлѣніямъ величія и красоты ландшафтовъ.

Уже около полуночи кинулся онъ на приманчивую свою постель, и скоро сладкій сонъ смежилъ его вѣки.

(Продолженіе въ слѣдующ. №).

НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ ДРЕВНИХЪ ГРЕКОВЪ.

ПРЕДАНІЯ О ТРОЯНСКОЙ ВОЙНѢ.

СОБЫТІЯ, ПРЕДШЕСТВОВАВШІЯ НАЧАЛУ ВОЙНЫ.

(Продолженіе.)

Посольство грековъ къ Пріаму.

Между тѣмъ какъ греки готовились къ походу, въ совѣтъ Агамемнона, друзей его и вождей народа, для того, чтобы не упустить изъ виду и мирныхъ средствъ, было положено отправить посольство въ Трою къ царю Пріаму — принести жалобу на нарушеніе народнаго права и похищеніе греческой царицы и требовать выдачи супруги Менелая вмѣстѣ съ ея сокровищами. Для этой цѣли въ собраніи вождей были избраны Паламедъ, Одиссей и Менелай, и хотя Одиссей втайнѣ ненавидѣлъ Паламеда, однако, ради общаго блага, онъ покорился мудрости этого царя, который за свой умъ и опытность былъ высоко чтимъ въ греческомъ войскѣ, и охотно уступилъ ему честь быть ораторомъ посольства.

Троянцы и царь ихъ были не мало удивлены прибытіемъ посольства, которое явилось въ сопровожденіи

значительнаго флота. Имъ была еще неизвѣстна непосредственная причина посольства, потому что Парисъ со своею похищенною супругой все еще жилъ на островѣ Кранаэ, и объ немъ въ Троѣ не было и слуху. Приамъ и его подданные поэтому думали, что троянское войско, которое должно было поддержать посольство Париса и его требованіе о выдачѣ Гезіоны, встрѣтило въ Греціи сопротивленіе, погибло, и греки, гордясь побѣдою, явились изъ-за моря, чтобы напасть на троянцевъ въ ихъ собственной землѣ. По этому извѣстіе, что греческое посольство приближается къ городу, возбудило въ сильной степени общее любопытство. Пословъ охотно впустили въ городъ и трое князей были немедленно введены въ домъ Приама, который созвалъ своихъ многочисленныхъ сыновей и старѣйшинъ города на совѣтъ. Паламедъ, представъ предъ царемъ, началъ рѣчь, горько жаловался отъ имени всѣхъ грековъ на позорное оскорбленіе гостепріимства, въ которомъ виновенъ былъ Парисъ, похитивъ Елену. Потомъ онъ изложилъ опасности войны, угрожавшей Приаму за это злодѣяніе, назвалъ имена могущественнѣйшихъ князей Греціи, которые болѣе чѣмъ на тысячѣ корабляхъ со всѣми своими народами явятся предъ Троею, и требовалъ добровольной выдачи узвезенной царицы.

«Ты не вѣдаешь, о, царь,» заключилъ онъ свою рѣчь, «какихъ смертныхъ оскорбилъ твой сынъ: это Греки, которые скорѣе умрутъ, чѣмъ допустить чужестранцу оскорбить хоть одного изъ нихъ безнаказанно. Но, явившись сюда, они надѣются не умереть, а

побѣдить, потому что число ихъ — что песокъ въ морѣ; всѣ исполнены геройскимъ духомъ и всѣ горятъ желаніемъ отмстить виновному за оскорбленіе народа. По этому объявляетъ вамъ нашъ верховный вождь Агамемнонъ, царь могущественнаго Аргоса, и съ нимъ всѣ остальные князья Данаевъ: выдайте гречанку, которую вы похитили, или всѣхъ васъ ожидаетъ гибель!»

При этихъ дерзкихъ словахъ разгнѣванные сыновья царя и старѣйшины Трои обнажили мечи и ударили о щиты. Но царь приказалъ имъ утихнуть, поднялся со своего сѣдалища и сказалъ: «Вы, чужеземцы, во имя своего народа осыпающіе насъ укорами, дайте мнѣ прежде опомниться отъ изумленія, потому что намъ неизвѣстно вовсе то, въ чемъ вы насъ обвиняете; скорѣе мы имѣемъ право жаловаться на ту вину, которую вы взводите на насъ. На нашъ городъ вашъ единоземецъ Геркулесъ напалъ во время мира; изъ нашего города онъ увезъ мою невинную сестру Гезіону плѣнницею и какъ рабыню подарилъ своему другу, Саламинскому князю Теламону. Хорошая воля Теламона была сдѣлать ее своею законною супругой, а не оставлять служанкою. По этому такой бракъ не могъ загладить безчестнаго похищенія и вотъ уже второе посольство, на этотъ разъ подъ начальствомъ моего сына, отправлено съ требованіемъ выдачи злодѣйски похищенной сестры, чтобы я, хоть на старости, могъ порадоваться глядя на нее. Какъ выполнилъ мой сынъ Парисъ мое царское порученіе, что сдѣлалъ онъ и гдѣ находится, мнѣ вовсе

*

неизвѣстно. Ни въ моемъ домѣ, ни въ городѣ нѣтъ никакой греческой жены; это я знаю навѣрно.

«Если сынъ мой, продолжалъ Приамъ: какъ того желаетъ родительское сердце, возвратится въ Трою и привезетъ похищенную гречанку, то она будетъ выдана вамъ, если только, какъ бѣглянка, не просить насъ о защитѣ. Но и тогда вы получите ее обратно не прежде, какъ возвративъ изъ Саламина мою сестру Гезіону!»

Совѣтъ троянцевъ одобрилъ царское слово; но Паламедъ отвѣчалъ смѣло: «Исполненіе нашего требованія, государь, не подлежитъ никакимъ ограниченіямъ. Мы вѣримъ твоему почтенному виду и рѣчамъ устъ твоихъ, которыя увѣряютъ, что супруга Менелая еще не находится въ этихъ стѣнахъ. Но она явится здѣсь, не сомнѣвайся; ея похищеніе твоимъ недостойнымъ сыномъ слишкомъ достовѣрно. Что сдѣлано было Геркулесомъ при нашихъ отцахъ, за это мы не обязаны отвѣчать; но за нестерпимое оскорбленіе, нанесенное однимъ изъ твоихъ сыновей, мы требуемъ отъ тебя отчета. Гезіона добровольно отправилась съ Теламономъ и сама она посылаетъ сына своего, могущественнаго князя Аякса на войну, которая предстоить вамъ, если вы не дадите удовлетворенія. А Елена похищена злодѣйски и насильно. Благодарите небо, что медленность вашего разбойника даетъ вамъ время подумать и дайте рѣшеніе, которое отклонило бы отъ васъ гибель.»

Приамъ и троянцы дурно приняли гордую рѣчь по-

сланника грековъ, но почтили въ чужестранцѣ законъ гостепріимства: собраніе было распущено и одинъ изъ старѣйшинъ Трои, сынъ Эзига и Клеоместры, разумный Антеноръ, защитилъ пословъ отъ оскорбленій черни, ввелъ ихъ въ свой домъ и пріютилъ съ благороднымъ гостепріимствомъ до слѣдующаго утра. Тогда онъ проводилъ ихъ до морского берега, гдѣ они вступили на блестящіе корабли, на которыхъ пріѣхали.

Агамемнонъ и Ифигенія.

Пока флотъ собирался въ Авлидѣ, верховный вожь Агамемнонъ отъ скуки занялся охотою. Однажды попалась ему превосходная лань, посвященная богинѣ Діанѣ или Артемидѣ. Страсть увлекла царя: онъ пустилъ дротикъ въ священное животное и низложилъ его съ дерзкими словами: «сама Діана, богиня охоты, не попала бы лучше.» Богиня, оскорбленная такимъ святотатствомъ, послала безвѣтріе въ то время, когда въ пристани Авлиды собрались все греки вооруженные, съ кораблями, колесницами и конями, и ожидали знака къ отплытію; теперь безвѣтріе принудило ихъ, безъ цѣли, праздно сидѣть въ Авлидѣ. Нуждаясь въ добромъ совѣтѣ, греки обратились къ прорицателю Калхасу, который оказалъ уже имъ существенныя услуги и теперь явился, въ качествѣ жреца и предвѣщателя, принять участіе въ походѣ. Онъ изрекъ слѣдующее:

«Агамемнонъ, верховный вожь грековъ, принесетъ Артемидѣ въ жертву свое любимое дитя, дочь Кли-

темнестры, богиня умиловится: подуетъ попутный вѣтеръ и никакое сверхъестественное препятствіе не помѣшаетъ разрушенію Трои.»

Эти слова предвѣщателя привели въ уныніе вождя грековъ. Немедленно позвалъ онъ герольда союзниковъ, спартанца Талейбія, и приказалъ ему громко возвѣстить всѣмъ народамъ, что Агамемнонь слагаетъ съ себя верховное начальство надъ арміею, потому что не хочетъ обременить свою совѣсть дѣтубійствомъ. Когда обнародовано было это рѣшеніе, въ арміи грековъ готово было вспыхнуть возстаніе. Съ этимъ ужаснымъ извѣстіемъ поспѣшилъ Менелай въ шатеръ брата, представилъ ему слѣдствія его рѣшенія, позоръ, который падетъ на него, Менелая, если онъ оставитъ во вражескихъ рукахъ своихъ похищенную супругу Елену, и говорилъ такъ убѣдительно, что Агамемнонь наконецъ рѣшился совершить страшное дѣло. Онъ отправилъ къ своей супругѣ Клитемнестрѣ письменное приказаніе прислать дочь его Ифигенію въ лагерь подъ Авлидою, и, чтобы не встрѣтить отказа, въ крайности прибѣгнулъ къ выдумкѣ, будто дочь его, до выступленія флота въ походъ, будетъ обручена съ молодымъ сыномъ Пелея, знаменитымъ княземъ Фтіотовъ Ахиллесомъ, о тайномъ бракѣ котораго съ Дейдаміею, дочерью Ликомеда, никто не зналъ. Но, едва лишь удалился посланный, какъ отцовское чувство одержало верхъ въ сердцѣ Агамемнона. Мучимый заботою и раскаяніемъ въ необдуманномъ рѣшеніи, онъ призвалъ ночью стараго, вѣрнаго служителя и вручилъ ему письмо къ Клитемнестрѣ; въ немъ пи-

саль онъ, чтобы она не присылала дочери въ Авлиду, что онъ раздумалъ и отлагаетъ бракъ до слѣдующей весны. Вѣрный служитель отправился поспѣшно съ письмомъ, но не достигъ своей цѣли. Не успѣлъ онъ оставить до утренней зари лагерь, какъ былъ схваченъ Менеласомъ, который замѣтилъ нерѣшимость брата и слѣдилъ за нимъ. Младшій Атридъ отнялъ письмо у посланнаго, прочелъ его и поспѣшилъ съ нимъ въ шатеръ старшаго брата. «Нѣтъ ничего несправедливѣе и невѣрнѣе, какъ нерѣшимость!» говорилъ онъ съ негодованіемъ. «Развѣ ты позабылъ, братъ, какъ жадно домогался ты этого званія верховнаго вождя, какъ ты горѣлъ худоскрываемымъ нетерпѣніемъ вести войско подъ Трою; какъ смиренно обращался ты со всѣми греческими князьями; какъ милостиво жалъ руку каждому Данаю? твои двери были постоянно открыты; каждому, даже низшему изъ народа былъ къ тебѣ доступъ, и все это дѣлалось съ цѣлію получить желанное достоинство. Когда же ты сдѣлался верховнымъ вождемъ, все перемѣнилось; ты пересталъ быть другомъ для твоихъ старыхъ друзей, какъ бывало прежде; дома уже трудно стало застать тебя; при войскѣ показывался ты лишь изрѣдка. Не такъ долженъ былъ поступать честный человѣкъ; тутъ-то ему и слѣдуетъ показать себя неизмѣннымъ для своихъ друзей, когда онъ можетъ принести имъ всего болѣе пользы. А ты, какъ ты вель себя? Когда ты пришелъ съ греческимъ войскомъ въ Авлиду и, посѣщенный божескимъ гнѣвомъ, напрасно ждалъ попутнаго вѣтра, и когда вокругъ тебя въ войскѣ раздавались

крики : « Уѣдемъ отсюда ! зачѣмъ намъ напрасно сидѣть въ Авлидѣ ! » — какъ смущенно и безнадежно смотрѣлъ ты кругомъ и, несмотря на весь свой флотъ, не зналъ, чѣмъ пособить горю. Тогда ты призвалъ меня и требовалъ совѣта, чтобы не лишиться славнаго званія верховнаго вождя... И когда за тѣмъ предвѣщатель Калхасъ повелѣлъ заколотъ Діанѣ вмѣсто жертвы твою дочь, ты добровольно согласился на жертвоприношеніе и послалъ уже приказаніе Клитемнестрѣ привезти Ифигенію, какъ будто для бракосочетанія съ Ахиллесомъ. А теперь, о, позоръ ! ты снова уклоняешься и пишешь новое посланіе, которымъ объявляешь, что не хочешь быть убійцею твоей дочери ! Но, конечно, съ тысячью другихъ было уже то, что дѣлается теперь съ тобою. Безъ отдыха стремились они къ кормилу и съ позоромъ отступили, когда нужно было править имъ съ самопожертвованіемъ ! Да и не годится въ предводители войска и правители государства тотъ, кто не имѣетъ ума и предусмотрительности, или теряетъ ихъ въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни ! »

Такіе упреки изъ устъ брата не могли успокоить Агамемнона. « Отчего ты задыхаешься такъ страшно ? » возразилъ онъ, « зачѣмъ глаза твои словно налились кровью ? Кто же обижаетъ тебя ? Чего не достаетъ тебѣ ? Твоей любезной супруги Елены ? я не могу вернуть ее тебѣ. Зачѣмъ самъ не берегъ лучше свое добро ? Развѣ я дѣйствую неразумно, что, раздумавши, поправляю ошибку ? Скорѣе ты дѣйствуешь неразумно, потому что ищешь снова руки лукавой женщины, вмѣ-

сто того, чтобы радоваться, что отъ нея избавился. Нѣтъ, никогда не рѣшусь я быть жестокимъ противъ собственной плоти и крови! Тебѣ гораздо приличнѣе, чѣмъ мнѣ, наказать твою преступную жену.»

Такъ спорили братья, какъ вдругъ явился передъ ними вѣстникъ и объявилъ Агамемнону о прибытіи его дочери Ифигеніи, за которую слѣдовала мать со своимъ маленькимъ сыномъ Орестомъ. Едва удался вѣстникъ, какъ Агамемнонъ предался такому страшному отчаянію, что даже Менелай сжалился надъ нимъ и схватилъ его за руку. Агамемнонъ протянулъ ее съ тоскою и сказалъ въ слезахъ: «Возьми ее, братъ! Ты побѣдилъ! Я погибъ!» Теперь уже Менелай клялся, что отказывается отъ прежняго требованія, умолялъ его не убивать своей дочери и говорилъ, что не хочетъ губить добраго брата изъ-за Елены. «Не орошай же своего лица слезами, воскликнулъ онъ: — если изрѣченіе боговъ даетъ мнѣ право на часть жертвоприношенія твоей дочери, то я отказываюсь отъ него и уступаю тебѣ это право. Не дивись, что врожденная пылкость моего нрава склонила меня въ пользу братской любви; честный человѣкъ слѣдуетъ разумнѣйшему влеченію, если оно одержитъ верхъ.»

Агамемнонъ бросился въ объятія брата; но онъ не былъ успокоенъ касательно судьбы своей дочери. «Благодарю тебя, любезный братъ, сказалъ онъ: — насъ, противъ ожиданія, снова сблизилъ твой благородный нравъ. Но мой жребій брошенъ. Кровавая судьба дочери должна свершиться: вся Греція требуетъ ея смерти; Калхасъ и хитрый Одиссей за одно; на-

родъ перейдетъ на ихъ сторону, убѣетъ насъ съ тобою и принесетъ въ жертву мою милую дочь. И если бы мы бѣжали въ Аргосъ, повѣрь, они пришли бы, исторгли бы насъ изъ-за стѣнъ и разрушили древній городъ Циклоповъ. Поэтому возвратись, братъ, въ лагерь и старайся только о томъ, чтобы жена моя Клитемнестра не узнала ничего, пока дитя ея не будетъ принесено въ жертву.» Приближеніе женъ прервало разговоръ братьевъ и Менелай удалился въ мрачной задумчивости.

Свиданіе супруговъ было коротко; Агамемнонъ былъ холоденъ и казался смущеннымъ. Но Ифигенія обняла отца съ дѣтскою довѣрчивостію и сказала: «о, какъ мило мнѣ, отецъ, лице твое, котораго я такъ долго не видала!»

Взглянувъ пристальнѣе въ его озабоченныя очи, она спросила также довѣрчиво: «Почему безпокоенъ твой взоръ, отецъ? вѣдь ты охотно видишь меня?» — «Оставь это, милая дочь, сказалъ онъ съ стѣсненнымъ сердцемъ: — у царя и вождя много заботъ!» — «Такъ разгладь же эти морщины и обрати любящія очи на твою дочь; зачѣмъ вижу я въ нихъ слезы?» — «Потому что намъ предстоитъ долгая разлука,» отвѣчалъ отецъ. «О, какъ была бы я счастлива, еслибы могла поплыть съ тобою на кораблѣ!» воскликнула дѣвушка. — «Да, и тебѣ предстоитъ путь, серьезно сказалъ отецъ: — но прежде необходимо принести жертву, при которой безъ тебя не обойдется, дочь моя!» Слезы заглушили его послѣднія слова и онъ отправилъ ничего не предчувствовавшую дочь въ палатку, гдѣ

ожидали ее подруги. Атридъ долженъ былъ обманывать и жену свою и говорить съ царицею о родѣ и званіи жениха. Избавившись отъ тягостнаго свиданія, Агамемнонъ отправился къ жрецу Калхасу, чтобы условиться относительно неизбѣжнаго жертвоприношенія. Между тѣмъ Клитемнестра случайно встрѣтилась въ станѣ греческомъ съ молодымъ Ахиллесомъ, который отыскивалъ Агамемнона, чтобы объявить ему, что его Мирмидоны не хотятъ долѣе оставаться въ лагерѣ. Царица безъ околичностей ласково заговорила съ Ахиллесомъ, какъ съ будущимъ зятемъ. Ахиллесъ отступилъ изумленный. «Объ какой свадьбѣ говоришь ты, царица?» спросилъ онъ. «Никогда я не сватался за твою дочь; никогда супругъ твой Агамемнонъ не предлагалъ мнѣ ея руку!»

Теперь Клитемнестра начала разгадывать загадочное для нея дѣло и стояла въ стыдѣ и смущеніи предъ Ахиллесомъ. Молодой князь продолжалъ съ юношескимъ добродушіемъ: «Не кручинься, царица, если кто нибудь съигралъ съ тобою эту шутку, и прости, если мое изумленіе огорчило тебя.» И, поклонившись почтительно, онъ хотѣлъ итти отыскивать вождя. Вдругъ распахнулся пологъ Агамемнова шатра и старый служитель царя позвалъ разговаривающихъ. Это былъ тотъ самый довѣренный рабъ Агамемнона и Клитемнестры, у котораго Менелай отнял письмо. «Слушай, сказалъ онъ, задыхающимся голосомъ, что твой вѣрный слуга сообщить тебѣ: твою дочь отецъ хочетъ убить собственной рукою.» И трепещущая мать узнала всю тайну изъ устъ вѣрнаго служителя. Кли-

темнестра бросилась къ ногамъ молодого сына Пелеева, и обнимая его колѣна, воскликнула: «я не стыжусь преклонять сяпередъ тобою въ прахѣ, я, смертная, предъ тобою, потомкомъ боговъ! Гордость, уступи материнской любви! А ты, сынъ богини, спаси меня и дочь мою отъ отчаянiя! Къ тебѣ, какъ къ ея супругу, привела я ее увѣнчанную; хоть и напрасно, но все же называли тебя женихомъ моей дочери! Заклинаю тебя всѣмъ для тебя драгоценнымъ, заклинаю твоею божественною матерью, помоги мнѣ спасти ее теперь. Кромѣ твоихъ колѣней, у меня нѣтъ другого алтаря, у котораго я могла бы искать убѣжища! Ты слышалъ о жестокомъ намѣренiи Агамемнона; ты видишь, какъ я, беззащитная жена, вступила въ средину этого стана! прости надъ нами твою десницу и мы спасены!»

Ахиллесъ почтительно поднялъ склонившуюся передъ нимъ царицу и сказалъ: «Утѣшься, царица! Я воспитанъ въ домѣ благочестиваго, сострадательнаго человѣка; при домашнемъ очагѣ Хирона научился я простому, честному образу мыслей. Я охотно повинуюсь сынамъ Атрея, когда они ведутъ меня къ славѣ, но гнусному приказанiю я не буду повиноваться. Поэтому я защищу тебя, на сколько это возможно оружию юноши, а дочь твоя, разъ названная моею, не будетъ умерщвлена отцемъ своимъ. Я самъ, въ моихъ собственныхъ глазахъ, не остался бы неопозореннымъ, еслибы мое вымышленное сватовство погубило это дитя; я считалъ бы себя малодушнѣйшимъ въ цѣлой армiи и сыномъ злодѣя, еслибы мое имя послужило

твоему супругу средством къ дѣтубійству!» — «И это дѣйствительно твоя воля, благородный, сострадательный князь?» воскликнула Клитемнестра видя себя от радости, «или, можетъ быть, ты ожидаешь, что моя дочь, какъ просящая о защитѣ, обойметъ твои колѣни? Хоть это и непристойно дѣвушкѣ, — но если тебѣ угодно, то она приблизится и исполнитъ твою волю, какъ прилично свободнорожденной.» — «Нѣтъ, возразилъ Ахиллесъ: — не приводи сюда твоей дочери, чтобы мы не впали въ подозрѣнiе и не подверглись пересудамъ; потому что такое многочисленное войско, у котораго нѣтъ никакихъ занятiй, охотно занимается вздорною болтовней; надѣйся на меня, я никогда не лгалъ. Пусть я самъ умру, если не спасу твоей дочери.» Съ этими словами сынъ Пелеевъ разстался съ матерью Ифигенiи, которая предстала предъ своимъ супругомъ, будучи не въ силахъ скрывать свое отвращенiе къ нему. Агамемнонь, не подозрѣвая, что супруга проникла его тайну, встрѣтилъ ее двусмысленными словами: «Пусти дочь свою изъ палатки и передай ее отцу, потому что все готово: священная мука, вода и жертва, которая падетъ подъ острою мѣдью предъ брачнымъ торжествомъ.» — «Прекрасно!» воскликнула Клитемнестра и глаза ея засверкали: «выйди, дочь, изъ палатки; ты вѣдь хорошо знаешь волю твоего отца; возьми съ собою твоего маленькаго брата Ореста!» И когда дочь пришла, Клитемнестра продолжала: «Вотъ, она стоитъ передъ тобою, отецъ, готовая повиноваться твоей волѣ; но дай мнѣ прежде сказать одно слово: скажи мнѣ теперь прямо, безъ вся-

кихъ ухищреній — намѣренъ ли ты убить нашу дочь?» Долго стоялъ вождь въ оцѣпенѣннѣи; наконецъ воскликнулъ въ отчаяннѣи: «о, моя судьба злая! Открыта моя тайна, и все погибло!» — «Такъ выслушай же меня,» продолжала Клитемнестра: «Я открою тебѣ свою душу. Ты похитилъ меня насильно, убилъ моего перваго супруга, вызвалъ дитя мое изъ моихъ объятій и умертвилъ его. Уже выступили противъ тебя мои братья Касторъ и Поллуксъ на колесницахъ и съ войскомъ. Но мой старый отецъ Тиндарей услышалъ твою мольбу, спасъ тебя и ты сдѣлался моимъ супругомъ. Ты самъ засвидѣтельствуешь, что я жила въ бракѣ съ тобою безупречно, составляла твое счастье въ домѣ, твою гордость передъ другими. Я даровала тебѣ трехъ дочерей и этого сына и теперь ты хочешь отнять у меня мое старшее дитя и, если спросятъ зачѣмъ? — чтобъ Менелай возвратилъ свою преступную жену! Именемъ боговъ заклинаю тебя, не вооружай меня противъ себя, не будь жестокъ со мной! Ты хочешь принести въ жертву твою дочь? Какую молитву произнесешь ты при этомъ, чего будешь испрашивать при дѣтоубійствѣ? Развѣ такого же несчастнаго возврата, какъ позорно теперь твое отправленіе въ походъ? Или ужь не мнѣ ли испрашивать благословенія для тебя? Вѣдь я самихъ боговъ сдѣлала бы убійцами, если бы исполнила это! Зачѣмъ непременно твое дитя должно быть принесено въ жертву? Зачѣмъ ты не скажешь грекамъ: «если вы хотите плыть подъ Трою, то бросьте жребій, чья дочь должна умереть?» И теперь я, твоя вѣр-

ная жена, лишусь дочери, тогда какъ тотъ, за чье дѣло вы будете биться, будетъ утѣшаться своею дочерью Герміоной, а его жена будетъ спокойна, потому что ея дочь находится подъ защитою Спарты! Отвѣчай мнѣ, если въ моихъ рѣчахъ хоть одно слово неправды? Но если я говорила правду, то не убивай твоей и моей дочери, не дѣлай этого, одумайся!»

Ифигенія тоже бросилась къ ногамъ своего отца и говорила задыхающимся голосомъ: если бы у меня, отецъ, были чарующія уста Орфея, я обратилась бы къ твоему состраданію съ краснорѣчивыми словами. Но теперь мои слезы составляютъ все мое искусство; вмѣсто масличной вѣтви я своимъ тѣломъ обвиваю твои колѣни. Не губи меня прежде времени, отецъ; любо глядѣть на свѣтъ; не заставляй меня увидѣть то, что скрываетъ мракъ! Вспомни твои ласки, съ которыми ты меня, еще малютку, качалъ на своихъ колѣняхъ. Я помню еще всѣ твои слова: какъ надѣялся ты ввести меня въ домъ благороднаго мужа, увидѣть меня въ довольствѣ и цвѣтѣ жизни, когда вернешься. Но ты все это забылъ; ты хочешь убить меня! о, не дѣлай этого, заклинаю тебя матерью, которой сердце растерзано. Что мнѣ за дѣло до Париса и Елены? Зачѣмъ мнѣ умирать потому, что онъ пришелъ въ Грецію? О, взгляни на меня, поцѣлуй меня, чтобы я и умирая помнила тебя, если мои слова тебя не трогаютъ! Взгляни на твоего малютку, моего брата, отецъ! Молча проситъ онъ за меня! Онъ еще птенецъ, а я уже взрослая! Смягчись же и сжался надо

мною! Видѣть свѣтъ — величайшее блаженство для людей; лучше жалкая жизнь, чѣмъ прекраснѣйшая смерть!»

Но Агамемнонъ рѣшился, онъ былъ непоколебимъ, какъ скала. «Гдѣ я могу быть сострадательнымъ, говорилъ онъ: — «тамъ я сострадательнъ, потому что я люблю своихъ дѣтей; иначе я былъ бы безумнымъ. Тяжело мнѣ, жена, совершить страшное дѣло; но я долженъ. Вы видите, какой флотъ окружаетъ меня, сколько вооруженныхъ князей вокругъ меня; всѣ они не достигнутъ, не покорятъ Трои, если я не принесу въ жертву тебя, дитя мое, по изрѣченію прорицателя. Всѣ эти герои хотятъ положить конецъ похищенію гречанокъ; они твердо рѣшились на это; и если бы я противился изрѣченію боговъ, они умертвили бы меня съ вами. Здѣсь предѣлъ моей власти. Не брату моему Менелаю, а всей Греціи уступаю я.»

Не внемля болѣе жалобомъ, царь удалился, оставивъ въ шатрѣ рыдающихъ женщинъ. Вдругъ онѣ услышали звукъ оружія. «Это Ахиллесъ,» радостно воскликнула Клитемнестра. Напрасно стыдливая Ифигенія старалась скрыться отъ своего мнимаго жениха. Сынъ Пелеевъ, въ сопровожденіи немногихъ воиновъ, быстро вошелъ въ палатку. «Злополучная дочь Леды, воскликнулъ онъ: — «весь станъ возмутился и требуетъ смерти твоей дочери; меня самого, когда я сталъ противиться тому, едва не побили камнями.» — «А твои Мирмидоны?» спросила Клитемнестра, едва дыша. «Они возмутились первые и называли меня болтуномъ, сошедшимъ съ ума отъ любви. Я пришелъ съ этою

горстью храбрыхъ защититъ васъ противъ наступающаго Одиссея. Обойми крѣпче мать, Ифигенія; я закрою васъ своимъ тѣломъ и посмотрю, осмѣлятся ли они напасть на сына богини, жизнь котораго связана съ судьбою Трои?» Эти слова, заключавшія нѣкоторый отблескъ надежды, дали вздохнуть бѣдной матери.

Тогда Ифигенія освободилась изъ ея объятій, подняла голову и съ рѣшительнымъ видомъ стала передъ матерью и Ахиллесомъ. «Выслушайте меня,» произнесла она голосомъ, въ которомъ не слышно было уже трепета: «напрасно, милая матушка, гнѣваешься ты на своего супруга: онъ не въ силахъ остановить неизбежнаго. Мужество этого чужестранца достойно всякой похвалы, но онъ дорого заплатитъ за него и тебя осудятъ за это. Послушайте же, на что я, раздумавъ, рѣшилась. Я умру, я изгнала всякое низкое чувство изъ своей свободной груди и свершу свое намѣреніе. На меня взираетъ вся прекрасная Греція; отъ меня зависитъ отплытіе флота, паденіе Трои, честь греческихъ женщинъ. Все это я обезпечу моею смертью; слава озаритъ мое имя, меня нарекутъ освободительницею Греціи. Мнѣ ли, смертной, противиться богинѣ Артемидѣ, если ей угодно требовать моею жизни за отечество? Нѣтъ, я отдаю ее охотно; принесите же меня въ жертву, разрушьте Трою; это будетъ моимъ памятникомъ и брачнымъ торжествомъ.»

Съ свѣтлымъ взоромъ, какъ богиня, стояла Ифигенія передъ матерью и Пелидомъ. Благородный юноша преклонилъ предъ нею колѣно.

«Дочь Агамемнона,» сказалъ онъ: «боги сдѣлали

бы меня счастливѣйшимъ человѣкомъ, еслибы ты стала моею женою. Изъ за тебя завидую я Греціи, завидую и тебѣ изъ-за Греціи, тебѣ обрученной. Я полюбилъ тебя, дивная, узнавъ твою душу. Подумай, смерть — страшное бѣдствіе, и я охотно сдѣлалъ бы добро тебѣ, возвратилъ бы тебя къ жизни и счастію.» Ифигенія отвѣчала ему съ грустною улыбкой: — Красота женская возбудила не мало войнъ и убійствъ; не умирай же и ты, добрый другъ, за женщину и не убивай никого изъ-за меня. Нѣтъ, предоставь мнѣ спасти Грецію, если я въ силахъ. — «Благородная душа, воскликнулъ Пелидъ: — поступай, какъ тебѣ угодно, а я иду къ алтарю съ оружіемъ, чтобы спасти тебя отъ смерти. Я не дамъ умереть тебѣ, потому что ты не размыслила, чего хочешь; можетъ быть, ты напомнишь мнѣ мое слово, увидѣвъ оружіе у своего горла.» Онъ удалился поспѣшно. Ифигенія молила мать не жаловаться на судьбу, передала ей на руки маленькаго брата Ореста, и въ сладостномъ сознаніи, что спасаетъ отечество, пошла на встрѣчу смерти. Мать не въ силахъ была слѣдовать за нею и пала лицомъ на землю.

Между тѣмъ все греческое войско собралось въ богатой цвѣтами рощѣ богини Артемиды передъ городомъ Авлидою. Жертвенникъ былъ сооруженъ и подлѣ него стоялъ предвѣщатель и жрецъ Калхасъ. Крикъ изумленія и состраданія раздался въ цѣломъ войскѣ, когда Ифигенія, въ сопровожденіи служительницъ, вступила въ рощу и приблизилась къ отцу. Агамемнонъ громко вздохнулъ, отвратилъ лице свое и

скрылъ свои слезы подъ одеждою. Дѣвушка стала подлѣ него и сказала: «Я уже здѣсь, отецъ! Предъ алтаремъ богини предаю я жизнь мою вождямъ войска въ жертву за отечество, если такъ повелѣваетъ изрѣченіе боговъ. Я порадуюсь, если вы будете счастливы и возвратитесь въ отечество, увѣнчанные побѣдою. Пусть ни одинъ Аргивянинъ не коснется меня. Бодро и спокойно подставлю я горло подъ жертвенный ножъ!»

Ропоть изумленія потрясъ цѣлое войско, бывшее свидѣтелемъ такого самоотверженія. Тогда, по приказанію герольда Талейбія, водворилось благочестивое молчаніе. Калхасъ вынулъ свѣтлый, острый ножъ и положилъ его передъ жертвенникомъ въ золотой корзину. Вдругъ выступилъ Ахиллесъ въ полномъ вооруженіи, съ обнаженнымъ мечемъ. Но одинъ взглядъ дѣвушки остановилъ его намѣреніе. Онъ бросилъ мечъ на землю, оросилъ алтарь священою водою, взялъ жертвенную корзину, обошелъ жертвенникъ, какъ жрецъ, и воскликнулъ: «О, великая богиня Артемида, прими милостиво эту священную, добровольную жертву, непорочную кровь прекрасной дѣвушки, которую посвящаютъ тебѣ Агамемнонъ и греческая армія; даруй кораблямъ нашимъ счастливо достигнуть Трои, и копьямъ нашимъ — счастливо разрушить ее!» Атриды и все войско стояли въ безмолвіи, потупивъ очи. Жрецъ взялъ ножъ, вознесъ мольбу и прицѣлился въ горло дѣвушки. Всѣ услышали звукъ удара. Но, о чудо! въ то же мгновеніе дѣвушка исчезла изъ очей войска. Діана жжалась надъ нею; высокая и прекрасная лань билась на землѣ и орошала кровію жертвенникъ.

«Вожди соединенной греческой арміи!» воскликнулъ Калхасъ, опомнившись отъ радостнаго изумленія: «вотъ жертва, посланная богинею Артемидою; эта жертва угоднѣ ей, чѣмъ дѣвица, которой благородная кровь не должна была оросить жертвенникъ. Богиня умиловлена; она даруетъ нашимъ кораблямъ благополучное плаваніе и обѣщаетъ взятіе Трои. Бодрѣ, товарищи! еще въ этотъ день покинемъ мы заливъ Авлиды.» Такъ говорилъ онъ и смотрѣлъ, какъ жертва горѣла на огнѣ. Когда погасла послѣдняя искра, тишина воздуха нарушена была легкимъ шумомъ вѣтра; взоры воиновъ обратились къ пристани и увидѣли корабли, колебавшіеся на взволнованномъ морѣ. Съ громкими кликами радости двинулись всѣ изъ рощи Діаны и поспѣшили къ шатрамъ.

Возвратившись въ свою палатку, Агамемнонъ не нашель уже тамъ Клитемнестры. Ея вѣрный слуга предупредилъ его, нашель Клитемнестру лежащую безъ чувствъ, поднялъ и привелъ въ чувство извѣстіемъ о спасеніи ея дочери. Въ порывѣ чувства благодарности и радости, царица, пришедши въ себя, подняла руки къ небу, но потомъ воскликнула въ глубокой горести: «Все же дитя мое у меня отнято! Все же онъ убилъ мою материнскую радость! Поспѣшимъ, чтобы глаза мои не увидали дѣтоубійцу!» Слуга поспѣшно приготовилъ колесницу и собралъ свиту и когда Агамемнонъ возвратился съ жертвоприношенія, супруга его была уже далеко на пути въ Микены.

Отплытіе грековъ изъ Авлиды; они покидаютъ
Филоктета.

Въ тотъ же день греческій флотъ распустилъ паруса и благопріятнѣйшій вѣтеръ векорѣ вынесъ его въ открытое море. Въ непродолжительномъ времени пристали они къ небольшому острову Хризѣ, чтобы заpastись свѣжею водою. Здѣсь Филоктетъ, сынъ царя Пэанта, изъ Мелибен въ Тессалии, испытанный герой и товарищъ Геркулеса по оружію и наслѣдникъ его неодолимыхъ стрѣлъ, открылъ развалившійся жертвенникъ, сооруженный нѣкогда аргонавтомъ Язономъ Аѳинѣ, которой былъ посвященъ островъ. Благочестивый герой обрадовался своей находкѣ и вознамѣрился принести жертву защитницѣ грековъ на ея покинутомъ алтарѣ. Когда онъ приблизился къ жертвеннику, ядовитая ехидна, какія обыкновенно охраняють святилища боговъ, бросилась на него и ужалила его въ ногу. Онъ былъ перенесенъ больнымъ уже на корабль и флотъ поплылъ далѣе. Жестокая рана мучила сына Пэантова нестерпимою болью; его товарищи не въ силахъ были переносить его непрерывныхъ стоновъ и ужаснаго смрада отъ гнѣющей раны. Они не могли ни приносить жертвъ, ни совершать возліаній спокойно; ко всѣмъ мольбамъ примѣшивался его злобщій вопль. Наконецъ сыновья Атрея соединились съ хитрымъ Одиссемъ; они видѣли, что неудовольствіе спутниковъ больного героя начало рас-

пространяться по всему войску, которое опасалось, что раненый Филоктетъ заразитъ весь лагерь подъ Троею, и его постоянные стоны сдѣлаютъ грекамъ самую жизнь постылою. Поэтому предводители народа приняли жестокое рѣшеніе, проѣзжая мимо пустыннаго необитаемаго острова Лемноса, — высадить здѣсь больного героя, не думая о томъ, что, лишаясь храбраго мужа, они лишались вмѣстѣ съ тѣмъ и его непобѣдимыхъ стрѣлъ. Хитрому Одиссею поручено было выполнить этотъ коварный замыселъ. Онъ взявъ спящаго Филоктета, отправился въ челнокѣ на берегъ и, положивъ его въ пещерѣ, образовавшейся въ утесѣ, оставилъ ему столько одежды и съѣстныхъ припасовъ, сколько могло ему хватить на нѣсколько дней для скуднаго поддержанія жизни. Когда Одиссей возвратился, корабль поплылъ далѣе и присоединился къ остальнымъ судамъ.

Греки въ Мизіи; Телефъ.

Греческій флотъ благополучно прибылъ къ берегу Малой Азіи. Но такъ какъ герои не знали хорошо мѣстности, то они пристали сначала къ берегу Мизіи, далеко отъ Трои. На всемъ протяженіи морского берега они нашли вооруженныхъ людей, которые именемъ своего государя запрещали имъ вступать на берегъ прежде, чѣмъ царь не узнаетъ, кто они такіе. Царь Мидіи, Телефъ, самъ былъ родомъ грекъ, сынъ Гер-

кулеса и Ауги; послѣ чудесныхъ приключеній, онъ съ матерью прибылъ въ Мизию къ царю Тейтрасу, женился на его дочери Аргіопѣ и, по смерти тестя, сдѣлался царемъ Мизіи. Греки, не спрашивая, кто царствуетъ въ этой странѣ, и не давая отвѣта стражамъ, взяли за оружіе, вышли на берегъ и перебили стражей; только немногіе спаслись и объявили царю Телефу, что многія тысячи неизвѣстныхъ враговъ напали на его охранителей и овладѣли берегомъ. Царь поспѣшно собралъ отрядъ воиновъ и отправился противъ чужестранцевъ. Самъ онъ былъ статный герой, достойный своего отца Геркулеса, и вооружилъ свое войско по греческому образцу. Поэтому Данай встрѣтили сопротивленіе, какого не ожидали, и долго шла нерѣшительная битва, въ которой герой бился съ героемъ. Изъ грековъ особенно отличался Терсандръ, внукъ славнаго Эдипа и сынъ Полиника, любимый товарищъ по оружію Діомеда, прославившійся уже въ числѣ Эпигоновъ. Онъ производилъ страшное опустошеніе въ войскѣ Телефа и убилъ наконецъ лучшаго друга царя и перваго воина его арміи. Это привело царя въ ярость и между внукомъ Эдипа и сыномъ Геркулесовымъ начался ожесточенный поединокъ. Гераклидъ побѣдилъ и Терсандръ палъ, пронзенный копьемъ. Громко застоналъ Діомедъ, завидѣвъ издали паденіе друга, и прежде чѣмъ Телефъ успѣлъ броситься на трупъ врага и снять съ него доспѣхи, Діомедъ примчался, схватилъ тѣло своего друга и исполинскими шагами поспѣшилъ вынести его изъ пыла битвы. Когда герой бѣжалъ со своею ношей

мимо Аякса и Ахиллеса, герои, сочувствуя ему, воспылали гнѣвомъ, собрали колеблющіяся дружины, раздѣлили ихъ на два отряда и искуснымъ движеніемъ дали битвѣ другой оборотъ. Теперь побѣда начала склоняться на сторону грековъ; Тейтрантій, братъ Телефа, палъ, пораженный копьемъ Аякса; самъ Телефъ, преслѣдуя Одиссея, кинулся на помощь брату, но споткнулся о виноградную лозу, потому что греки заманили враговъ въ виноградники и здѣсь заняли выгоднѣйшую позицію. Этимъ мгновеніемъ воспользовался Ахиллесъ и пока Телефъ подымался, онъ ранилъ его въ лѣвую ногу. Герой поднялся, несмотря на рану, былъ немедленно окруженъ своими и спасся отъ дальнѣйшей опасности. Еще долго продолжалась бы упорная битва съ переменнымъ счастьемъ, но наступила ночь и обѣ стороны, нуждаясь въ отдыхѣ, удалились съ поля сраженія. Мизяне возвратились въ свою столицу, греки къ кораблямъ; съ обѣихъ сторонъ пало и было ранено много храбрыхъ мужей.

На слѣдующій день обѣ стороны выслали пословъ, чтобы заключить перемиріе и похоронить убитыхъ. Тогда только греки, къ своему изумленію, узнали, что царь, который такъ геройски защищалъ свои владѣнія, имъ единоплеменникъ и сынъ величайшаго изъ ихъ полубоговъ; и Телефъ узналъ съ горестью, что онъ оросилъ руки кровью земляковъ. Потомъ оказалось, что въ греческомъ войскѣ трое князей были родственники Телефу: Глеполемъ, сынъ Геркулеса и два внука героя — Фидиппъ и Антифъ, сыновья царя Фессала. Они вызвались отправиться въ сопровожденіи

Мизійскихъ пословъ къ брату и дядѣ Телефу и объяснить ему, кто такіе греки, приставшіе къ его владѣніямъ и съ какимъ намѣреніемъ прибыли они въ Азію. Царь ласково принялъ своихъ родныхъ и не могъ до-сыта наслушаться ихъ разказовъ. Онъ узналъ, какъ Парисъ своимъ преступленіемъ оскорбилъ всю Грецію и Менелай вооружился противъ него съ Агаммнономъ и всѣми союзными греческими князьями. «Поэтому,» говорилъ Тлеполема, который, какъ ближайшій родственникъ Телефа, держалъ рѣчь за всѣхъ, «любезный братъ и землякъ, не отрекайся отъ своего племени, за которое и нашъ любезный отецъ Геркулесъ бился во всѣхъ концахъ міра и по всей Греціи оставилъ безчисленные памятники своей любви къ отечеству; исцѣли раны, которыя ты, самъ грекъ, нанесъ грекамъ, соедини твои войска съ нашими и выступи противъ клятвопреступнаго Троянскаго народа.»

Телефъ съ трудомъ приподнялся на своемъ ложѣ, на которое уложила его рана, нанесенная Ахиллесомъ, и на которомъ онъ принималъ греческихъ героевъ, — и отвѣчалъ дружески: «Несправедливы ваши упреки, любезные земляки; по вашей собственной винѣ стали вы, вмѣсто друзей и родственниковъ, моими жестокими врагами. Вѣдь мои береговые стражи, по моему строгому повелѣнію, спрашивали васъ, какъ всѣхъ пристающихъ къ берегу, объ имени и происхожденіи и поступали съ вами не какъ грубые варвары, а по греческому обычаю. А вы, полагая, что съ варварами можно поступать, какъ угодно, высадились, не дали

моимъ подданнымъ отвѣта и умертвили ихъ, не выслушавъ. И мнѣ оставили вы такую память, — прибавилъ онъ, указывая на свою рану, — которая, я чувствую, въ теченіи всей моей жизни будетъ напоминать мнѣ о нашей встрѣчѣ. Но я не гнѣваюсь за это на васъ; радость принять въ своей землѣ родныхъ и грековъ въ моихъ глазахъ выше всякой цѣны. Что же касается до вашего требованія, то выслушайте мой отвѣтъ. Не зовите меня противъ Пріама. Моя вторая жена, Астіоха, — его дочь; самъ онъ благочестивый старецъ и прочіе сыновья его благородны и не принимали никакого участія въ преступленіи легкомысленнаго Париса. Взгляните на моего сына Эврипила: неужели я огорчу его, помогая разрушать царство его дѣда! Но какъ я не желаю огорчать Пріама, такъ точно не хочу ни коимъ образомъ вредить и вамъ, мои земляки. Примите *гостинцы* и берите съѣстныхъ припасовъ, сколько вамъ нужно. Потомъ идите и рѣшайте съ помощію боговъ вашу борьбу, которую я не могу остановить.»

Съ этимъ благосклоннымъ отвѣтомъ трое князей возвратились довольные въ станъ Аргивянъ и возвѣстили Агамемнону и другимъ вождямъ, какимъ образомъ они заключили съ Телефомъ дружбу именемъ грековъ.

Военный совѣтъ героевъ постановилъ немедленно отправить къ царю Аякса и Ахиллеса, утвердить съ нимъ союзъ и изъявить ему свое соболѣзнованіе. Герои нашли Гераклида тяжело больнымъ; Ахиллесъ со слезами бросился на его ложе и оплакивалъ, что

его копье ненамѣренно поразило земляка и благороднаго сына Геркулеса. Царь забылъ о своей боли и жалѣлъ только о томъ, что не былъ предувѣдомленъ о прибытіи столь знаменитыхъ гостей и не приготовилъ имъ приличнаго пріема. Потомъ онъ торжественно пригласилъ Атридовъ въ замокъ, угостилъ ихъ пышно и одарилъ дорогими подарками. По просьбѣ Ахиллеса и Атриды привели съ собою славныхъ врачей Подалирія и Махаона, чтобы исцѣлить рану. Этого не удалось имъ, потому что копье сына богини имѣло особую силу и раны, наносимыя имъ, были неизлечимы; однако имъ удалось облегчающими средствами избавить царя на время отъ нестерпимыхъ мученій. Тогда онъ далъ грекамъ нѣсколько полезныхъ совѣтовъ, снабдилъ флотъ ихъ съѣстными припасами и не отпустилъ ихъ, пока не прошла бурная зима, которая наступала, когда они пристали къ берегу. Наконецъ рассказалъ онъ имъ положеніе Трои, путь къ ней и указалъ на устье рѣки Скамандра, какъ на лучшее мѣсто для пристанища флота.

Возвращеніе Париса.

Хотя въ Троѣ ничего еще не было извѣстно объ отплытіи большого греческаго флота, тѣмъ не менѣе страхъ предстоящей войны господствовалъ въ городѣ. Въ это время возвратился Парисъ съ похищенною царицею, богатою добычей и со всѣмъ флотомъ. Не ра-

достно увидѣлъ царь Пріамъ непрощенную невѣстку въ своемъ чертогѣ и немедленно созвалъ своихъ многочисленныхъ сыновей на княжескій совѣтъ. Они были ослѣплены сокровищами, которыя братъ готовъ былъ раздѣлить съ ними, красотою гречанокъ изъ знатнѣйшихъ домовъ, которыхъ Парисъ привезъ въ свитѣ Елены и которыхъ соглашался выдать за холостыхъ братьевъ, а такъ какъ многіе изъ князей были молоды и всѣ воинственны, то совѣщаніе кончилось тѣмъ, что чужестранка должна быть принята подъ защиту царскаго дома и что не слѣдуетъ выдавать ее Грекамъ. Совершенно иначе встрѣтилъ возвращеніе царскаго сына съ его прекрасною добычей народъ, опасавшійся непріятельскаго нападенія и осады; мѣстами проклятія, гдѣ и камни летѣли вслѣдъ за Парисомъ, когда онъ велъ супругу въ домъ отца. Но почтеніе къ престарѣлому царю и повиновеніе его волѣ удерживало троянцевъ отъ серьезнаго сопротивленія принятію новой гражданки.

Когда въ совѣтѣ царя рѣшено было не отвергать Елены, Пріамъ отправилъ къ ней въ женскіе покои свою супругу, чтобы убѣдиться, что она добровольно прибыла въ Трою съ Парисомъ. Елена объявила, что она по своему происхожденію столько же принадлежитъ троянцамъ, сколько грекамъ, потому что Данай и Агеноръ, ея предки, вмѣстѣ съ тѣмъ и родоначальники царствующаго въ Троѣ дома. Она была похищена противъ воли, но привязалась искренно къ своему второму супругу и теперь добровольно принадлежитъ ему. Послѣ того, что произошло,

она не можетъ ожидать прощенія отъ прежняго мужа и своего народа. Лишь позоръ и смерть предстоятъ ей, если она будетъ выдана грекамъ.

Такъ говорила она, проливая слезы и бросилась къ ногамъ Гекубы; царица ласково подняла молившую о защитѣ и объявила ей рѣшеніе царя и его сыновей — защищать ее противъ всякаго нападенія.

Греки подѣ Трою.

И такъ Елена нашла безопасный пріютъ въ царскомъ домѣ въ Троѣ и вскорѣ потомъ вмѣстѣ съ Парисомъ переселилась въ собственный домъ. И народъ мало по малу полюбилъ ее за красоту и свойственную гречанкамъ любезность; такъ что, когда наконецъ греческій флотъ дѣйствительно появился у троянскаго берега, жители города были гораздо смѣлѣе прежняго.

Они сочли своихъ гражданъ и союзниковъ, которые были приглашены и обѣщали явиться на помощь, и увидѣли, что ни числомъ, ни силою своихъ героевъ и ратниковъ не уступаютъ грекамъ. Такимъ образомъ они утвердились въ надеждѣ отразить нападеніе на городъ и принудить грековъ къ поспѣшному отступленію, при помощи боговъ, потому что кромѣ Афродиты и другія божества, между прочими богъ войны Арестъ, Аполлонъ и Зевесъ, отецъ олимпійцевъ, были на ихъ сторонѣ.

Хотя предводитель ихъ, самъ царь Пріамъ, былъ

старецъ, уже неспособный къ войнѣ, но его окружали пятьдесятъ сыновей, изъ которыхъ девятнадцать были отъ его супруги Гекубы, частію юноши, частію въ полномъ цвѣтѣ силъ; всѣхъ славнѣе былъ Гекторъ; за нимъ Делфобъ; послѣ нихъ Гелень, прорицатель Паммонъ, Польтъ, Антифъ, Гиппоной и нѣжный Троиль. Четыре прекрасныхъ дочери: Креуза, Лаодика, Кассандра и въ дѣтствѣ уже блиставшая красотой Поликсена, окружали его тронъ. Главнымъ вождемъ войска, которое уже изготовилось къ войнѣ, былъ Гекторъ, «шлемоблещущій герой» по выраженію Гомера. Вмѣстѣ съ нимъ повелѣвалъ Дарданецъ Эней, зять Пріама и супругъ Креузы, сынъ богини Афродиты и престарѣлаго героя Анихиза, который все еще составлялъ гордость троянскаго народа; другимъ отрядомъ начальствовалъ Пандаръ, сынъ Ликаоновъ, которому Аполлонъ вручилъ собственный лукъ; прочими отрядами, состоявшими частію изъ союзниковъ троянцевъ, начальствовали Адрастъ, Амфій, Азій, Гиппотой, Пилей, Акамантъ, Еверемъ, Пирехметъ, Годій, Эпистрофъ; Хромись и Энномъ начальствовали вспомогательнымъ отрядомъ Мизійцевъ, Форкись и Асканій — Фригійцами; Местлесь и Антифъ — Мэонійцами; Настъ и Амфимахъ — Карійцами; Ликіянами командовали — Главкъ и Сарпедонъ.

Между тѣмъ греки высадились на берегъ и размѣстились вдоль его между двумя мысами: Сигейскимъ и Ретейскимъ; здѣсь они устроили станъ, величиною не уступавшій городу. Суда были вытащены на берегъ и поставлены рядами, и такъ какъ мѣстность воз-

вышалась по направленію отъ морского берега во внутрь страны, то и суда ступенями возвышались одни надъ другими. Экипажи отдѣльныхъ племенъ размѣстились въ томъ порядкѣ, въ какомъ они пристали къ берегу. Корабли были помѣщены на каменныхъ основаніяхъ, чтобы не портились отъ сырой почвы и чтобы вѣтеръ могъ просушивать ихъ. Въ первомъ ряду, со стороны Трои, на двухъ противоположныхъ концахъ, помѣстились Аяксъ Теламонидъ и Ахиллесъ, оба лицомъ къ Троѣ; первый поставилъ свои корабли и разбилъ станъ съ лѣвой стороны, второй съ правой. Хижины, построенныя ими, неточно называютъ палатками; по крайней мѣрѣ жилище Ахиллеса походило на настоящій домъ, имѣло житницы для съѣстныхъ припасовъ и стойла для коней и домашняго скота; подлѣ его кораблей находилось пространство для скачекъ, погребальныхъ тризнь и другихъ торжественныхъ увеселеній. Къ Аяксовымъ примыкали корабли Протезилая; далѣе слѣдовали другіе Фессалійцы, потомъ Критяне, Аѳиняне, Фокейцы, Бэотійцы; наконецъ Ахиллесъ со своими Мирмидонами. Во второмъ ряду, между прочими, стояли Локры, Дулихійцы, Эпейцы. Въ третьемъ помѣстились менѣе извѣстные народы со своими кораблями; но здѣсь стоялъ Несторъ съ Пилосцами, Эврипилъ съ Орхоменцами и наконецъ Менелай. Въ четвертомъ и послѣднемъ ряду, вдоль морского берега, стали Діомедъ, Одиссей и Агамемнонъ; такъ что Одиссей занялъ мѣсто по срединѣ; справа отъ него Агамемнонъ, слѣва — Діомедъ. Передъ Одиссеемъ находилась *агора*, свободное про-

странство, назначенное для народныхъ собраній и совѣщаній всякаго рода; на немъ стояли жертвенники боговъ. Это мѣсто раздѣляло и третій рядъ, такъ что слѣва отъ него помѣстился Несторъ, справа Эврипилъ. Пространство, занимаемое станомъ, съуживалось къ морю; агора занимала много мѣста, такъ, что въ четвертомъ и третьемъ ряду было всего менѣе кораблей. Весь станъ, подобно настоящему городу, пересѣченъ былъ улицами и переулками; главныя улицы шли между четырьмя рядами кораблей; они пересѣкались по направленію отъ морского берега во внутрь земли переулками, раздѣлявшими корабли отдѣльныхъ народовъ; у каждаго народа кромѣ того корабли отдѣлялись отъ хижинъ небольшими промежутками.

Хижины были выстроены изъ дерева и земли и крыты тростникомъ. Хижина предводителя находилась въ первомъ ряду и, смотря по достоинству хозяина, была болѣе или менѣе украшена. Корабли служили равнымъ образомъ защитою всему стану, передъ ними Греки насыпали валъ, который въ послѣдніе годы осады былъ замѣненъ стѣною. За нимъ находился ровъ, укрѣпленный спереди плотнымъ частоколомъ. Греки имѣли достаточно времени, чтобы укрѣпиться такъ сильно, пока царь и совѣтъ троянскій совѣщались о лучшемъ способѣ защиты. Воины греческіе служили и во флотѣ и довольствовались виномъ на общій счетъ. Объ остальныхъ потребностяхъ каждый самъ долженъ былъ заботиться. Простые воины были легко вооружены и бились пѣшіе; знатнѣйшіе сражались на боевыхъ колесницахъ, на которыхъ помѣща-

лись по два воина; одинъ бился, другой правилъ конями. Конницы въ тѣ времена не знали. Колесницы съ извѣстнѣйшими воинами бились всегда въ первомъ ряду и начинали битву.

Между греческимъ станомъ и городомъ Троей, разстился цвѣтущій лугъ Скамандрекій, заключавшійся между рѣками Скаандромъ и Симоисомъ, которыя соединялись близь греческаго стана; эта равнина шла на четыре часа пути въ длину; она какъ будто нарочно создана была для того, чтобы служить полемъ битвъ; за нею возвышался, съ высокими зубчатыми стѣнами и башнями, укрѣпленный божественными руками, великолѣпный городъ Троя, со своимъ замкомъ. Этотъ городъ, расположенный на холмѣ, видѣлся издали; внутри онъ пересѣкался многими улицами, тянувшимися по неровной, гористой мѣстности. Онъ былъ доступенъ лишь съ двухъ сторонъ; здѣсь находились, съ одной стороны Скейскія, съ другой Дарданскія ворота съ башнею. Другія стороны были бургисты, заросли кустарниками и ворота ихъ были не замѣчательны. Въ *вышгородъ* Иліонѣ, называвшемся также Пергамомъ, стояли дома Пріама, Париса, храмы Гекаты, Аѳины, Аполлона и на самой вершинѣ — храмъ Зевеса. Передъ городомъ, на Симоисѣ, слѣва отъ грековъ, находился холмъ Калликотоне; вправо дорога вела къ источникамъ Скаандра и далѣе мимо высокаго холма Батины, который можно было обойти и который лежалъ внѣ города. За Троею простиралось Иліонское поле; оно подымалось вверхъ и составляло самую нижнюю ступень лѣсистыя горы

Иды, которой высочайшая вершина называлась Гаргаромъ; гора эта постепенно спускалась въ равнину и двѣ отросли ея, вправо и влѣво отъ грековъ, образовали Сигейскій и Ретейскій мысы.

Прежде чѣмъ началась борьба между обоими народами, греки были неожиданно обрадованы прибытіемъ дорогого гостя. Телефъ, который такъ великодушно поддержаль ихъ, все еще страдалъ отъ своей раны, и средства, предложенныя ему Махаономъ и Подалиріемъ, были уже не дѣйствительны.

Мучимый нестерпимою болью, спросилъ онъ находившееся въ его странѣ прорицалице Феба и получилъ отвѣтъ, что только копье, поразившее его, можетъ его и исцѣлить. Какъ ни загадоченъ былъ отвѣтъ бога, отчаяніе заставило царя сѣсть на корабль и слѣдовать за греческимъ флотомъ. Такимъ образомъ прибылъ онъ къ устью Скамандра и былъ принесенъ въ хижину Ахиллеса. Видъ страждущаго царя возобновилъ печаль молодого героя. Смущенный, принесъ онъ копье свое и положилъ у ложа Телефа, самъ не зная что ему съ нимъ дѣлать для излеченія гноившейся раны. Много героевъ окружало ложе ихъ страждущаго благотворителя; наконецъ Одиссей догадался пригласить великихъ врачей войска. Подалирій и Махаонъ явились на его призывъ. Услышавъ изрѣченіе оракула, мудрые сыны Асклепія угадали его смыслъ, спилили съ копья немного опилокъ и старательно посыпали ими больное мѣсто. И тогда предъ всѣми совершилось великое диво: лишь только опилки покрыли рану, какъ она, въ глазахъ героевъ, начала заживать и въ нѣ-

сколько часовъ благородный царь Телефъ былъ излеченъ копьемъ Ахиллеса. Лишь теперь герои могли вполнѣ радоваться радушному приему, который они встрѣтили въ Мизіи. Исцѣленный и радостный, Телефъ возвратился на корабль и отправился въ Мизію, благодаря и благословляя грековъ, подобно тому, какъ нѣкогда они благодарили его, покидая Мизію. Онъ спѣшилъ домой, чтобы не быть свидѣтелемъ войны между любезными ему гостями и столько же любимымъ тестемъ.

ЕГИПТЯНЕ.

(По Максу Дункеру.)

(Окончаніе.)

4. Египетъ при послѣднихъ фараонахъ.

По смерти Рамзеса Великаго (1328), Египетъ мало-по-малу утрачиваетъ воинственный характеръ и около половины XIII столѣтія до Р. Х., при царяхъ Менептѣ и Рамзесѣ III, начинаетъ входить въ свои естественныя границы, возвращаться къ прежней мирной и тихой внутренней жизни. Наслѣдники Рамзеса III не оставили послѣ себя никакихъ памятниковъ, которые говорили бы о завоеваніяхъ. Фараонъ *Смендесъ*, царствовавшій въ исходѣ второго тысячелѣтія предъ Р. Х., переноситъ свою резиденцію изъ Оивъ снова въ нижній Египетъ, не въ древнюю столицу Мемфисъ, а къ самому морю, въ Танисъ. За тысячу лѣтъ до Р. Х., одинъ изъ наслѣдниковъ Смендеса, *Псузеннесъ*, вступаетъ въ дружественныя сношенія и родство съ Израильскимъ царемъ Соломономъ и даже содѣйствуетъ предпріятіямъ этого царя на югъ Іудей. За Псузен-

несомъ слѣдовалъ воинственный *Сисакъ* (*Сезонхисъ*), который въ свою очередь перемѣнилъ мѣсто пребыванія царей, избравши столицей Бузастисъ, лежавшій нѣсколько выше Таниса. Память о его подвигахъ въ Иудеѣ и Израилѣ (976) сохранилась въ скульптурныхъ изображеніяхъ на внѣшней стѣнѣ большого карнакского храма. О преемникахъ Сисака ничего неизвѣстно. Послѣ него во внѣшней исторіи Египта наступаетъ время бездѣйствія и тишины, длившееся болѣе двухъ сотъ лѣтъ, пока эта тишина не нарушилась нашествіемъ Эѳіоповъ.

Еще при древнихъ Мемфисскихъ царяхъ началось владычество Египтянъ за Сіенскими водопадами, въ Эѳіопіи. По познанію Гиксосовъ, оно быстро распространилось, такъ что при Рамзесѣ Великомъ граница Египта вверхъ по Нилу достигала Донголы; но при наслѣдникахъ Рамзеса Великаго владычество это мало-по-малу совсѣмъ ослабѣло, и Эѳіопы, воспользовавшись слабостію Египтянъ, въ свою очередь напали на нихъ въ половинѣ восьмого вѣка, подъ предводительствомъ царя *Сабако*. Фараонъ *Бокхорисъ*, избравшій своею резиденціей Саисъ, при устьѣ Нила, былъ побѣжденъ и убитъ; престоломъ его овладѣлъ побѣдитель.

Впрочемъ пятидесятилѣтнее владычество Эѳіоповъ не имѣло большого вліянія на внутреннюю жизнь завоеванной ими страны. Египетская цивилизація съ давнихъ поръ проникала къ нимъ то мирнымъ путемъ, посредствомъ торговыхъ сношеній, то путемъ завоеванія при воинственныхъ фараонахъ, такъ что Эѳіопы успѣли уже ознакомиться съ образованностію Египтянъ

на столько, чтобъ оцѣнить выгоды благоустроенной жизни; а потому, владычествуя надъ Египтомъ, они охотно сами принаравливались къ обычаямъ покореннаго ими народа. Памятники того времени свидѣтельствуютъ, что эѳіопскіе властители стремились занять въ Египтѣ положеніе древнихъ фараоновъ, и, вѣроятно, стремленіе это было успѣшно, потому что Сабако славится, какъ мудрый и добрый государь. На колоннахъ главныхъ воротъ карнаккаго дворца есть изображеніе богини Гаторы, обнимающей Сабако; и самая надпись говоритъ о немъ также, какъ о мемфисскихъ и ѳивскихъ фараонахъ: «добрый богъ, вѣчный податель жизни, солнцу подобный». *Тиргака*, второй наслѣдникъ Сабако, по просьбѣ іудейскаго царя Гискіа, принималъ участіе въ битвахъ съ Ассиріянами въ Сиріи и Палестинѣ (713). Ему Іерусалимъ былъ обязанъ спасеніемъ. Изображеніями своихъ побѣдъ Тиргака украсилъ пилоны дворца въ Мединатъ-Гобу. Имя его встрѣчается и на нѣкоторыхъ небольшихъ храмахъ въ Карнакѣ; но особенно важны остатки большого храма, воздвигнутаго Тиргакою при горѣ Баркамъ, въ Донголѣ.

Со смертью Тиргаки, около 695 года, оканчивается владычество Эѳіоновъ въ Египтѣ. Возстаніе противъ нихъ началось въ Саисѣ, къ которому вскорѣ примкнули и другіе города и провинціи. Послѣ изгнанія Эѳіоповъ Египтомъ стали управлять двѣнадцать правителей, каждый независимо въ своей области. Въ послѣдствіи они соединились и заключили между собою союзъ, извѣстный подъ именемъ *додекархіи* (двѣнадцативла-

стія). Въ память общаго владычества надъ страню и сверженія ига иноплеменныхъ, они возобновили лабиринтъ, древній государственный дворецъ Аменегмы III.

Между правителями освобожденнаго Египта былъ потомокъ послѣдняго царя Бокхориса, Псамметихъ, которому, во время нашествія Эѳіоповъ, удалось спастись въ Сирію, откуда онъ потомъ возвратился въ Саисъ. Не смотря на союзъ, заключенный между додекархами, соправители Псамметиха смотрѣли на него съ завистью и злобой въ слѣдствіе того, что онъ, какъ потомокъ царствовавшей фамиліи, имѣлъ право на единодержавіе и, при случаѣ, могъ воспользоваться этимъ правомъ. Соединившись, они изгнали его въ дельту, болотистую область нижняго Египта, гдѣ Саитяне, жители главнаго города дельты охотно дали ему убѣжище, а вскорѣ потомъ и средства къ отмщенію врагамъ.

Псамметихъ, живя въ Саисѣ, вступилъ въ сношенія и торговый союзъ съ Іонянами и Финикіянами, первыми моряками того времени, задобривъ ихъ обѣщаніями и, при помощи ихъ, началъ отыскивать свои права силою оружія. Послѣ восьмилѣтней борьбы, онъ разбилъ своихъ враговъ въ битвѣ при Момемфисѣ. Нѣкоторые изъ его противниковъ погибли въ сраженіи, другіе спаслись бѣгствомъ въ Ливію (670). Такъ было восстановлено единодержавіе въ Египтѣ, спустя двадцать пять лѣтъ послѣ изгнанія Эѳіоповъ.

Въ благодарность за дѣятельное участіе, оказанное Саитянами въ борьбѣ за единовластіе, Псамметихъ избралъ Саисъ своею столицею и украсилъ его велико-

лѣннымъ дворцомъ. Саисская приморская область имѣла для него особенно важное значеніе по связямъ съ Греками, которые при немъ впервые познакомились съ Египтомъ.

Утвердившись на престолѣ фараоновъ чужою помощью, Псамметихъ долженъ былъ опираться на силы иностранцевъ и дорожить своими отношеніями къ предприимчивымъ морякамъ, въ рукахъ которыхъ была тогда вся торговля средиземнаго побережья. Такое значеніе иностранцевъ нанесло сильный ударъ древней жизни Египта и сильно повредило единству страны. Народъ съ неудовольствіемъ глядѣлъ на нововведенія, въ силу которыхъ чужеземцы пользовались большими правами и даже допускались въ государственную и военную службу. Самое воспитаніе царскихъ дѣтей походило скорѣе на эллинское, нежели на египетское. Іонійцы, главные виновники возвышенія Псамметиха, были поселены между Бузастисомъ и Пелузіономъ, на границѣ съ Сиріею; имъ назначены были для воздѣлыванія богатыя земли. Финикійскіе наемники, служившіе въ войскахъ Псамметиха, перешли давно въ Мемфисъ, гдѣ и населили особую часть города «Лагерь Тирянъ.» Дотолѣ морская торговля Египтянъ была очень ограничена; иностраннымъ кораблямъ дозволялось входить только въ извѣстныя гавани, какъ это было до недавняго времени въ Китаѣ и Японіи. Псамметихъ не только открылъ Финикіянамъ и Грекамъ свободный доступъ во всѣ гавани, но даже предоставилъ имъ право являться для торговли во внутреннія области страны. Торговля иноземцевъ была

въ совершенной безопасности, и скоро нижній Египеть оживился особенною дѣятельностію въ слѣдствіе появленія греческихъ поселенцевъ. Выходцы изъ Милета, что въ Малой Азіи, основали въ канопскомъ устьѣ нѣсколько торговыхъ конторъ и завели гавань Навкратисъ. Къ облегченію торговыхъ связей между туземцами и Греками много содѣйствовали молодые Египтяне, обучавшіеся, по распоряженію Псамметиха, у іонійскихъ наемниковъ. Изъ нихъ образовалась каста переводчиковъ, весьма полезная для международныхъ сношеній. Въ послѣдствіи, когда Египеть утратилъ свою политическую самостоятельность, переводчики служили для иностранныхъ путешественниковъ проводниками, показывали имъ остатки древняго величества фараоновъ, объясняли надписи на архитектурныхъ памятникахъ и рассказывали исторіи и анекдоты о древнихъ царяхъ. Благодаря имъ, любознательные историки, посѣщавшіе Египеть, какъ напримѣръ Геродотъ и Діодоръ, сохранили для потомства интересныя подробности о египетской жизни древнѣйшихъ временъ. Такъ быстро, въ одно царствованіе, народъ египетскій распростился, хотя не безъ скорби, съ своею древнею замкнутостію и недоступностію. Не спасся онъ отъ знакомства съ Греками и новою жизнью ни тысячелѣтними учрежденіями, ни жрецами, ни славною нѣкогда военною кастою. Египтяне пережили свою славу и силу; новыя столкновенія съ свѣжими націями не обновляли ихъ, а вели быстро къ паденію. Таковы историческія судьбы всѣхъ народовъ. Египетскій народъ чувствовалъ боязнь ко всему но-

вону, чужому; высказывалъ, на сколько могъ, фараонамъ свое несогласіе съ ихъ образомъ дѣйствій; даже открыто возставалъ иногда противъ своихъ царей, которымъ прежде воздавалъ божескія почести: тѣмъ не менѣе, фараоны быстро шли къ развязкѣ, къ паденію, сами того не чувствуя, и вели за собою народъ свой. Было еще нѣсколько царей замѣчательныхъ, дѣятельныхъ; но самая эта внѣшняя дѣятельность вредила Египтянамъ.

Устроивши свои дѣла внутри государства, Псамметихъ началъ стремиться къ возстановленію древней славы Египта; но подвигъ такой былъ ему не по силамъ: болѣе тридцати лѣтъ онъ употребилъ только на то, чтобъ занять города Филистимлянъ Газу, Аскалонъ и Асдодъ. Долголѣтняя осада этихъ городовъ объясняется главныхъ образомъ тѣмъ, что военная каста, оскорбленная правами греческихъ наемниковъ, дѣйствовала безъ прежней доблести и безпрестанно волновалась. Діодоръ говоритъ, что послѣ одного похода противъ Филистимлянъ болѣе 200,000 египетскихъ воиновъ взбунтовались и рѣшились покинуть отечество. Причиною бунта были распоряженія Псамметиха, который замѣстилъ Іонійцами всѣ почетныя должности въ войскѣ и расположилъ различныя части своей арміи такъ, что во время битвы наемники сражались на правомъ, а природные Египтяне на лѣвомъ флангѣ. Не смотря на увѣщанія и просьбы царя, обиженные воины удалились вверхъ по Нилу, въ Нубію и Доуголу, и поселились на сто двадцать дней пути

выше Элефантины (*). Они много способствовали дальнейшему развитию въ Эѳіопіи египетскаго образованія, съ которымъ эта страна познакомилась еще во времена владычества воинственныхъ фараоновъ надъ Нубією и Донголою и еще больше во время эѳіопскаго владычества надъ Египтомъ.

Очень долго ученые полагали, на основаніи сходства египетскихъ и эѳіопскихъ архитектурныхъ памятниковъ и нѣкоторыхъ государственныхъ учреждений, что Египетъ получилъ все свое образованіе изъ Эѳіопіи, изъ такъ называемаго жреческаго государства *Мероэ*. Но теперь положительно доказано, что цивилизачія Египта не могла развиться ни въ какой другой мѣстности Африки, кромѣ нижней страны Нила, и что нижняя нильская долина всегда, и въ средніе вѣка, и въ новѣйшее время, преобладала надъ верхней, благодаря своему счастливому географическому положенію. Теперь признано за несомнѣнное, что всѣ архитектурные остатки эѳіопскаго искусства не древнѣе царя Тиргаки, властвовавшаго надъ Египтомъ и Эѳіопією около 700 года, и что остатки эти, какъ доказываетъ ихъ работа, на цѣлыя столѣтія позднѣе донгольскихъ храмовъ Рамзеса Великаго.

Древнее эѳіопское государство, о силѣ и славѣ котораго свидѣтельствуютъ богатые архитектурные и скульптурные памятники, разсѣянные въ Донголѣ и Сеннаарѣ, начиналось за Сіенскими водопадами. Сто-

(*) Элефантина — небольшой островъ Нила противъ Ассуака, древней Сіены.

лицею его былъ городъ Мероэ въ нынѣшнемъ округѣ Шенди, между Ниломъ и Атбаромъ. Государство это было жреческое; жрецы составляли въ немъ главную преобладающую касту и избирали изъ своей среды царя, управлявшаго страню по особеннымъ жреческимъ постановленіямъ. Не смотря на то, царь въ Эіюніи пользовался еще большею властью, нежели въ Египтѣ. Достаточно было царю послать къ подданному особенный знакъ, чтобы подданный этотъ тотчасъ же лишилъ самъ себя жизни. Если царь имѣлъ какойнибудь тѣлесный недостатокъ, то всѣ придворные должны были отличатьсѣ тѣмъ же, такъ напримѣръ они должны были отсѣкать у себя тѣ члены, которыхъ не было у царя; наконецъ съ царемъ должны были умирать всѣ его приближенные. Не смотря на такой грубый и неограниченный произволь, цари эіюнскіе въ свою очередь подчинялись предписаніямъ жрецовъ, по приговору которыхъ должны были сами себя умерщвлять. Такъ было до времени царя Эргамена, современника Птолемея II (*). Эргамень, привлеки на свою сторону войско, ворвался въ святилище храма, умертвилъ жрецовъ и, отмѣнивши жестокіе законы, сталъ управлять страню болѣе правосудно.

Псамметиху наследовалъ сынъ его *Нехо* (616—600), который ревностно заботился привести въ исполненіе мысль своего отца о возстановленіи древняго могущества Египта. Подобно Псамметиху, покровитель-

(*) Птолемеи II Филадельфъ царь египетскій, знаменитый покровитель наукъ, царствовалъ съ 285—247 до Р. X.

ствуя вѣшной торговлѣ, онъ задумалъ соединить Средиземное море съ Аравійскимъ заливомъ и для этой цѣли приступилъ къ возобновленію стараго канала, доведеннаго еще при Рамзесѣ Великомъ до области Горькихъ озеръ. Каналъ былъ расширенъ и продолженъ до самыхъ озеръ; но южное пространство отъ озеръ до моря осталось не прокопаннымъ, хотя работы, по словамъ Геродота, производились съ такою настойчивостью и безразсудствомъ, что 120,000 чело-вѣкъ погибло въ знойной песчаной пустынѣ. Преданіе говоритъ, что Нехо отказался отъ окончанія канала по внушенію божественнаго гласа, возвѣстившаго ему, что онъ трудится для варваровъ. По всей вѣроятности, окончанію этого великаго предпріятія помѣшали неудачи сирійской войны.

Съ цѣлью развитія торговли, Нехо поручилъ Финикіянамъ совершить морское путешествіе вокругъ Африки, исходною точкой котораго должна была служить одна изъ пристаней Краснаго моря. Финикіяне, говоритъ Геродотъ, начали путешествіе выходомъ въ южное море. По окончаніи каждаго лѣта, они приставали въ томъ мѣстѣ Ливіи (Африки), гдѣ заставляла ихъ осень, и сѣяли хлѣбъ. Стоянки ихъ продолжались до времени жатвы. По снятіи хлѣба, они снова пускались въ море. Плавая такимъ образомъ два года, на третій они достигли столбовъ Геркулесовыхъ, т. е. Гибралтарскаго пролива. Геродотовы слова служатъ прямымъ доказательствомъ того, что путь вокругъ Африки былъ извѣстенъ за 600 лѣтъ до Р. Х. Позднѣйшія поколѣнія не пользовались имъ и почти

совершенно забыли о немъ, вѣроятно, потому, что, при младенческомъ состояніи мореплаванія въ древніе и даже въ средніе вѣка, у тогдашнихъ мореходовъ не доставало ни времени, ни отваги пускаться въ такое продолжительное и далекое путешествіе. Въ концѣ XV столѣтія путь этотъ снова найдеть португальцемъ Васко-де-Гамою и съ тѣхъ поръ сдѣлался весьма важнымъ орудіемъ для торговли западной Европы съ Азіею.

Для довершенія завоеваній въ Сиріи, начатыхъ еще Псамметихомъ, и для приобрѣтенія морского могущества, Нехо задумалъ создать большой военный флотъ и съ этою цѣлью построилъ въ гаваняхъ дельты много верфей. Въ Сиріи онъ успѣлъ сначала одержать нѣсколько побѣдъ; но всѣ его широкіе планы рухнули, когда онъ встрѣтился въ дальнѣйшихъ завоеваніяхъ съ могущественнымъ своимъ соперникомъ вавилонскимъ царемъ Навуходоносоромъ. Навуходоносоръ совершенно разбилъ его на Ефратѣ, при Кархемишѣ, въ 605 году, послѣ чего прекратилось владычество Египтянъ на востокѣ. Сирія и Іудея подпали власти Вавилонянъ.

Нехо наслѣдовалъ внукъ его *Гофра* (594—570). Новый царь пытался было воспрепятствовать распространенію вавилонскаго владычества въ Финіціи и Сиріи и посылалъ войска въ Іудею, возставшую противъ Навуходоносора; но помощь его Іудеѣ была и слаба, и несвоевременна. Хотя ему и удалось сначала заставить Вавилонянъ снять осаду Іерусалима, но послѣ второй, восемнадцатимѣсячной осады Іерусалимъ

сдался неприятелю, и вся Сирія признала надъ собою власть Навуходносора.

Потерявши вліяніе на востокѣ, Гофра хотѣлъ вознаградить себя приобрѣтеніями на западѣ. Ливійскія племена, бывшія во времена могущественныхъ фараоновъ данниками Египта, обратились къ Гофрѣ съ просьбою о помощи противъ Кирены (*), богатой спартанской колоніи, не за долго до того основанной на берегу плодоносной страны. Гофра послалъ большое войско для завоеванія Кирены, но Киренейцы разбили его на голову. На возвратномъ пути остатки разбитаго войска взбунтовались противъ царя и выбрали своимъ предводителемъ Амазиса. Бунтъ этотъ былъ слѣдствіемъ закоренѣлой вражды природныхъ Египтянъ къ греческимъ наемникамъ, которые не участвовали въ походѣ, изъ чего туземные воины заключили, что царь съ умысломъ послалъ ихъ однихъ противъ Кирены, въ надеждѣ, что они всѣ погибнутъ отъ руки сильнаго неприятеля. Съ тридцатитысячнымъ войскомъ, состоявшимъ изъ Іонійцевъ и Карійцевъ, отправился Гофра противъ мятежниковъ; но на этотъ разъ не помогла ему греческая храбрость: войска его были разбиты въ области Момемфиса, а самъ онъ попалъ въ плѣнъ. Амазисъ хотѣлъ пощадить несчастнаго царя, но народъ потребовалъ его выдачи и удушилъ его.

Безпримѣрное дотогдѣ событіе во внутренней исто-

(*) На сѣверномъ берегу Африки, въ области Барки. Остатки древней Кирены лежатъ при теперешнемъ арабскомъ мѣстечкѣ Греннѣ.

рїи египетскаго народа, гибель Гофры, показало, что цари утратили въ Египтѣ древнее значеніе и вліяніе. Народъ, ненавидѣвшій иноземцевъ и все иноземное, для поддержанія прежней жизни, избралъ Амазиса (570), у котораго только и было хорошаго, что его личная храбрость. Амазисъ не отличался даже знатностью рода. До восшествія на престолъ, онъ велъ самую пустую, праздную жизнь: думалъ только объ удовольствіяхъ и забавахъ, не любилъ отказывать себѣ въ хорошемъ столѣ и еще менѣе въ винѣ, и, при безденежѣ, пускался даже на воровство.

Царствованіе Амазиса было мирное. Онъ и на престолѣ больше всего помышлялъ объ удовольствіяхъ, а на желанія народа, благодаря которымъ возвысился, почти не обращалъ вниманія. Народъ обманулся въ своемъ ожиданіи. Вліяніе иноземцевъ не только не уменьшилось, но еще больше распространилось. Виѣшняя дѣятельность Амазиса, въ теченіе его долголѣтняго царствованія, ограничилась покореніемъ Кипра, который платилъ Египтянамъ богатую дань. Во внутреннемъ управленіи страны продолжался старый порядокъ: греки были на первомъ планѣ, и при дворѣ, и въ арміи. Египтяне, чувствуя свое безсиліе, сурово молчали. Лагерь Ювійцевъ былъ переведенъ изъ Бузатиса въ Мемфисъ; греческимъ купцамъ дозволено было имѣть въ Навкратисѣ свой судъ и своихъ старшинъ. Со всѣхъ сторонъ потянулись въ нижній Египетъ греческіе поселенцы, привлекаемые богатствомъ края. Скоро на египетской землѣ появились и храмы иноземнымъ богамъ. Жрецы и приверженцы старины съ

ужасомъ и омерзѣніемъ смотрѣли на такое униженіе религіи предковъ; но Амазисъ не ограничивался однимъ дозволеніемъ иноземцамъ строить храмы: онъ самъ почтилъ греческихъ боговъ жертвоприношеніями и отправилъ въ самоскій храмъ Юноны двѣ деревянныя статуи, свои собственныя изображенія, а въ Кирену золотое изображеніе богини Аѳины. Съ Киренейцами Амазисъ заключилъ миръ, а съ самосскимъ тираномъ(*) Поликратомъ вступилъ въ самыя близкія сношенія. Онъ не заботился о древнихъ обычаяхъ египетскаго двора, окружилъ себя греческими тѣлохранителями и даже между женами его появилась гречанка изъ Кирены. По всему видно, что онъ хорошо усвоилъ всѣ внѣшніе приемы греческой жизни и, пользуясь выгодами своего положенія, оставался вѣрнѣ старымъ привычкамъ своимъ. Ежедневно, по окончаніи утреннихъ занятій, онъ садился съ друзьями и собесѣдниками за столъ, бражничалъ съ ними и пускался въ остроумныя, но не всегда приличныя шутки.

Въ одномъ только остался Амазисъ вѣрнѣ характеру своихъ предшественниковъ: въ страсти къ сооруженію огромныхъ зданій. Онъ жилъ въ Саисѣ и украсилъ его прекрасными постройками, для которыхъ камень доставлялся большею частью изъ Мемфиса и даже изъ Элефантины. Богинѣ саисской Нейѳъ Амазисъ построилъ огромную залу; кромѣ того онъ поставилъ въ Саисѣ много колоссовъ и сфинксовъ и ве-

(*) Тираннами назывались у Грековъ правители, захватывавшіе права верховной власти незаконнымъ образомъ.

лѣль доставить туда изъ Элефантины моельню, ис-
сѣченную изъ цѣльнаго камня. Моельня эта, имѣв-
шая около пяти сажень длины, трехъ ширины и около
двухъ вышины, была поставлена предъ храмомъ Ней-
оы. Двѣ тысячи работниковъ употребили три года на
доставку этой моельни изъ Элефантины въ Саисъ.
Въ Мемфисѣ Амазисъ построилъ храмъ Изисъ, «зданіе
достойное удивленія, какъ говоритъ Геродотъ, во
многомъ превосходящее всѣ другія произведенія этого
рода,» а предъ храмомъ Пта поставилъ колоссъ,
вѣроятно свое собственное изображеніе, имѣвшій около
одиннадцати сажень вышины.

Въ царствованіе Амазиса Египетъ наслаждался до-
вольствомъ, благодаря свободѣ торговли, которая по-
могала сбыту туземныхъ произведеній и поощряла
жителей къ промышленной дѣятельности. Въ то время
Египетъ заключалъ въ себѣ 20,000 городовъ и дере-
вень, хорошо населенныхъ (*); но это были послѣд-
ніе дни независимости и довольства страны, истощив-
шей внутреннія, самостоятельныя силы свои. При Ама-
зисѣ государство держалось потому только, что на него
не было нападеній. Вовлеченный въ торговыя связи съ
иноземцами, народъ молчалъ о своихъ религіозныхъ и
нравственныхъ интересахъ, но по прежнему дорожилъ
ими. Онъ слишкомъ хорошо чувствовалъ неотразимое
вліяніе иноземцевъ на торговлю, чувствовалъ, что древ-
няя доблесть военной касты ослабѣла, терпѣливо сно-
силъ вмѣшательство Грековъ во многія дѣла чисто

(*) Въ цвѣтушія времена египетскихъ фараоновъ въ Египтѣ
считалось около семи милліоновъ жителей

внутренняго управленія и по неволѣ долженъ былъ опираться на мужество греческихъ наемниковъ.

Межъ тѣмъ, какъ Египеть мирно торговалъ, на Востокѣ совершались великіе перевороты. Передъ побѣдоноснымъ Киромъ персидскимъ быстро падали одно за другимъ огромныя царства: Мидійское, Лидійское и Вавилонское. Амазись не стумѣлъ во-время помочь Лидянамъ и Вавилонянамъ; онъ только смотрѣлъ, какъ подчинялись сосѣдственныя ему страны владычеству Персовъ и забывалъ, что очередь подчиненія можетъ дойти и до Египта. Эта очередь скоро наступила. Во время приготовленій Камбиза къ войнѣ, умеръ Амазись (526), оставивши сыну своему *Псаммету* тяжелую борьбу съ Персами. Тѣло его было погребено подлѣ гробовъ Псамметихидовъ въ огромной залѣ саисскаго храма Нейѣы, въ залѣ, украшенной имъ великолѣпными колоннами.

Геродотъ рассказываетъ, что Амазись самъ подалъ поводъ къ войнѣ. Камбизъ просилъ у него руки его дочери; Амазись же, ненавидя Персовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ боясь ихъ могущества, долго не могъ рѣшиться ни согласиться на предложеніе Камбиза, ни отказать ему. Наконецъ онъ рѣшился отправить къ персидскому царю, вмѣсто своей дочери, прекрасную Нитетисъ, дочь своего предшественника Гофры. Камбизъ, открывши этотъ обманъ, пришелъ въ ярость и за такое оскорбленіе положилъ идти на Амазиса войною. Но врядъ ли Камбизъ нуждался въ какомъ нибудь внѣшнемъ поводѣ для войны съ Египтомъ. У него были на это чисто внутреннія побужденія. Привыкши съ

дѣтства слышать рассказы о подвигахъ своего славнаго отца, о завоеваніи богатыхъ царствъ, о далекихъ походахъ, онъ самъ жаждалъ битвъ, славы и добычи и не искалъ предлоговъ къ войнѣ, а шелъ, подобно всѣмъ древнимъ завоевателямъ, туда, гдѣ надѣялся добыть и славу и богатства.

Онъ отлично приготовился къ войнѣ и обезопасилъ для себя проходъ черезъ пустынный и безводный полуостровъ Синай союзомъ съ Амалекитянами и Медіанитянами, которые обязались снабжать его войска водою во время прохода ихъ чрезъ полуостровъ. Не довольствуясь огромными сухопутными силами, шедшими подъ личнымъ начальствомъ царя, Камбизъ рѣшился напасть на Египтянъ и съ моря, для чего повелѣлъ всѣмъ побережнымъ народамъ малой Азіи, признававшимъ его владычество, выставить свои корабли. Къ этому флоту присоединились еще съ своими судами Кипріоты, Хіосцы и Лесбосцы. Тиранинъ самосскій Поликратъ, прежде дорожившій дружбою Амазиса, отправилъ къ сборному пункту персидскаго флота сорокъ трехвесельныхъ кораблей съ 8000 матросовъ, рассчитывая навѣрное, что Персы побѣдятъ Египтянъ, и что дружба съ Египтянами можетъ ему теперь повредить. Сборнымъ пунктомъ этого огромнаго флота была гавань финикійскаго города Акко.

Камбизъ выступилъ въ походъ въ 525 году. Покореніе и безъ того слабаго Египта еще болѣе облегчилось тѣмъ, что, вмѣсто опытнаго и искуснаго Амазиса, престолъ занималъ его неопытный сынъ Псамменитъ, правившій всего полгода. При восточномъ

устьѣ Нила, не далеко отъ древняго Пелузіона, собралъ Псамменитъ свои войска, состоявшія изъ туземцевъ и наемниковъ іонійскихъ и карійскихъ, и вступилъ въ отчаянную битву съ Персами. Уже по числу убитыхъ можно заключить, что Египтяне храбро отстаивали свою свободу. Но ни храбрость и отвага военной касты, ни искусство въ битвѣ греческихъ наемниковъ не спасли Египтянъ отъ ужаснаго пораженія: они обратились въ бѣгство, оставивши на мѣстѣ битвы пятьдесятъ тысячъ убитыми. Персы лишились двадцати тысячъ.

Египетская армія, разбитая на-голову, бѣжала вмѣстѣ съ царемъ своимъ въ Мемфисъ. Побѣдитель отправилъ туда на митиленскомъ кораблѣ переговорщика съ требованіемъ сдачи города; но разъяренная толпа бросилась на корабль, изрубила всѣхъ матросовъ и совершенно разрушила судно. Скоро появился и самъ Камбизъ съ войсками; городъ долженъ былъ сдаться. Египтяне дорого заплатили за свое неистовство надъ беззащитными матросами. По приговору персидскихъ судей, они должны были выдать за каждаго матроса по десяти знатныхъ гражданъ; а такъ какъ матросовъ было двѣсти человекъ, то, спустя десять дней по сдачѣ Мемфиса, двѣ тысячи молодыхъ людей, сыновей знатнѣйшихъ Египтянъ, были приговорены къ смерти.

Геродотъ рассказываетъ, что Псамменитъ со многими знатными сановниками содержался подъ стражею въ предмѣстьѣ Мемфиса. Онъ видѣлъ изъ своего заключенія, какъ его дочь, въ платьѣ рабыни, носила

воду съ другими знатными египетскими женами; видѣлъ, какъ мимо него провели на казнь молодыхъ Египтянъ, и какъ вперёдъ ихъ шель его сынъ, съ веревкой на шеѣ. Царь твердо удерживался отъ слезъ, межъ тѣмъ какъ его приближенные громко рыдали и сѣтовали на судьбу; но когда онъ увидѣлъ одного старика, прежняго своего застольнаго товарища, который всего лишился и просилъ милостыню у персидскихъ солдатъ, онъ не выдержалъ, громко назвалъ его по имени и заплакалъ. Стражи, наблюдавшіе за Псамменитомъ, донесли объ этомъ Камбизу. Удивленный поведеніемъ царя, Камбизъ велѣлъ спросить его о причинѣ слезъ. «Камбизъ, твой повелитель, — сказалъ Псаммениту посланный — спрашиваетъ тебя отчего ты не жаловался и не проливалъ слезъ, когда видѣлъ свою дочь въ положеніи рабыни и сына идущимъ на казнь, и почему ты почтилъ слезами этого нищаго, который тебѣ не родственникъ и не союзникъ?» — «Сынъ Кира, — отвѣчалъ Псамменитъ — несчастія моего дома слишкомъ велики, чтобъ ихъ оплакивать; но печальная судьба моего друга, который, при наступленіи старости, впалъ въ нищету, потерявши великія богатства, показалась мнѣ достойною слезъ.» Камбизъ почувствовалъ состраданіе къ несчастному царю и велѣлъ исключить его сына изъ числа осужденныхъ на смерть; но посланные явились слишкомъ поздно — царевичъ былъ казненъ первымъ. Тогда Камбизъ освободилъ Псамменита и держалъ его при себѣ. Ему было бы хорошо, говорить Геродотъ, и Камбизъ сдѣ-

лалъ бы его сатрапомъ (*) Египта ; но Псамменитъ тайно возбуждалъ Египтянъ къ возстанію и за это заплатилъ жизнью: когда Камбизъ узналъ о заговорѣ, Псамменитъ былъ приговоренъ выпить бычачьей крови, послѣ чего онъ тотчасъ умеръ.

Легкое завоеваніе Египта побудило Камбиза идти вверхъ по Нилу, въ страну долголѣчныхъ Эѳіоповъ, богатую золотомъ, слоновою костью и благовоніями. Кромѣ этого предпріятія, Камбизъ послалъ пятидесяти-тысячное войско къ западу отъ Египта для завоеванія оаза Сивы съ богатымъ храмомъ Аммона. Но эти походы были несчастны: большая часть войска Камбиза, подъ его личнымъ предводительствомъ, погибла въ странахъ верхняго Нила отъ недостатка пищи, а войско, отправленное для завоеванія храма Аммона и покоренія жившихъ тамъ племенъ, погибло въ пустынѣ, засыпанное песчанымъ ливійскимъ вихремъ. Эта печальная вѣсть застала Камбиза въ Оивахъ, на возвратномъ пути изъ бѣдственнаго похода противъ Эѳіоповъ. Желая вознаграждать себя за эти потери завоеваніемъ богатаго Карѳагена (**), онъ хотѣлъ послать туда флотъ; но Финикіяне отказались идти противъ своихъ земляковъ. Негодуя на неудачи, Камбизъ отправился въ Мемфисъ, чтобъ распустить флотъ, ненужный при такихъ обстоятельствахъ.

(*) Сатрапіи — области, на которыя раздѣлялось древнее персидское царство; сатрапы — правители областей.

(**) Карѳагенъ — богатая финикійская колонія, основанная выселенцами Тира за 880 лѣтъ до Р. Х., на южномъ берегу Средиземнаго моря, въ нынѣшнемъ Тунисѣ.

Въ это время жители Мемфиса праздновали съ большой торжественностью появленіе новаго аписа, священнаго быка, котораго Египтяне боготворили. Жители веселились. Разодѣтые въ праздничныя, богатая одежды, они ходили толпами по городу, плясали и устраивали богатые пиры. Такое веселое настроеніе народа, послѣ недавнихъ несчастій, имъ испытанныхъ, показалось Камбизу оскорбительнымъ; онъ думалъ, что мемфитяне радуются его неудачнымъ походамъ, и эта мысль привела его въ ярость. Онъ позвалъ городскихъ старшинъ и спросилъ ихъ, зачѣмъ Египтяне не праздновали никакого праздника, когда онъ въ первый разъ вошелъ въ Мемфисъ, а веселятся теперь, когда онъ потерялъ большую часть своего войска? Напрасно старшины старались ему объяснить, что у Египтянъ другая причина радости, что они празднуютъ появленіе бога, который обыкновенно не скоро является; что ихъ богъ недавно появился, и что Египтяне торжествуютъ эту радость народнымъ праздникомъ. Камбизу, поклоннику другой религіи, показалось это ложью; онъ назвалъ старшинъ лжецами и осудилъ ихъ на смерть. Потомъ онъ позвалъ жрецовъ, и когда они подтвердили ему тоже, что говорили старшины, онъ велѣлъ привести аписа. Увидя предъ собою быка, Камбизъ выхватилъ свой мечъ изъ ноженъ, поразилъ имъ быка и сказалъ жрецамъ: «Нечестивые, развѣ боги имѣютъ плоть и кровь? Развѣ они доступны ударамъ меча? Конечно, этотъ богъ достоинъ Египтянъ; но вы не будете безнаказанно шутить надо мною». Онъ велѣлъ жрецовъ высѣчь, а всѣхъ тѣхъ, кто бу-

детъ веселиться и праздновать въ честь аписа, велѣлъ предавать смерти. Несчастныхъ жрецовъ высѣкли, праздникъ быстро затихъ, а быкъ-аписъ скоро скончался отъ раны въ храмѣ Пта. Жрецы похоронили его тайкомъ отъ Камбиза. Почти во все время своего пребыванія въ Египтѣ, Камбизъ издѣвался надъ религіей Египтянъ и ихъ богами. Ему, поклоннику чистаго свѣта, казалось безмысленнымъ почитаніе идоловъ, которымъ поклонялись Египтяне, и поклоненіе богамъ въ образѣ животныхъ. Столь же непонятнымъ и нечестивымъ казался ему и обычай сбереженія и погребенія тѣлъ. Онъ открывалъ древнія гробницы и осматривалъ трупы. Изъ гробницы саисскаго храма Нейѡы онъ велѣлъ извлечь тѣло Амазиса и долго издѣвался надъ нимъ — велѣлъ мертвеца высѣчь, вырвать ему волосы и наконецъ сжечь тѣло.

Камбизъ жилъ въ Мемфисѣ полтора года съ своимъ дворомъ, свирѣпствуя противъ мѣстныхъ нравовъ и народныхъ учрежденій. Наконецъ онъ оставилъ Египетъ, размѣстивши по нѣкоторымъ городамъ свои войска для удержанія страны въ повиновеніи. Такимъ образомъ и Египетъ поступилъ въ число владѣній обширной персидской монархіи.

Не смотря на тяжелый гнетъ персидскаго владычества, Египтяне по прежнему ненавидѣли все иноземное, дорожили своими древними правами и обычаями и отстаивали ихъ на сколько могли. Два раза они возставали противъ Персовъ, успѣвали на время возвращать свою независимость, хотя не вполнѣ, и снова подпадали ненавистному владычеству. Эти воз-

станія показывали страшныя усилія народа сохранить древнюю самостоятельность, вѣрованія и учрежденія; вмѣстѣ съ тѣмъ они громко говорили о дряхлости и о безсиліи этого народа, о томъ, что времена древней его славы минули безвозвратно, и что для него настала пора исторической смерти, отъ которой не спасаютъ никакія усилія, никакія жертвы, никакіе подвиги. Египтянамъ пришлось доживать свой вѣкъ подъ владычествомъ чуждыхъ народовъ, чуждыхъ вѣрованій, нравовъ и обычаевъ. Около половины IV вѣка до Р. Х., персидское владычество замѣнилось македонскимъ. Македонскіе цари не имѣли нужды, подобно Персамъ, жестоко управлять подвластною имъ страшною; но за то греческая образованность еще сильнѣе способствовала быстрому паденію духовныхъ силъ египетскаго народа. Новая, блестящая Александрія, явившаяся у моря по волѣ Александра Великаго, сдѣлалась на время центромъ торговли, учености, блеска и пышности; а древнія столицы Египта, Оивы и Мемфисъ, оставались въ забвеніи, какъ и вся чисто египетская жизнь. Греческимъ образованіемъ Египтяне не могли питаться: на это у нихъ не было силъ; но безнравственность александрійскаго двора, при послѣднихъ греческихъ царяхъ, губительно дѣйствовала на народныя нравы. Наконецъ Египтяне подчинились Римлянамъ и вліянію христіанства, мало-по-малу вытѣснившаго древнюю религію.

Не смотря на разнообразныя вліянія и чужеземныя владычества, среди которыхъ приходилось жить Египтянамъ, они всегда оставались вѣрны своему харак-

теру, всегда дорожили своею жизнью и обычаями и никогда не сливались съ побѣдителями. Даже ихъ христіанскіе потомки, Копты (Гипти, Кипти, Копты), отличаются той же чертою самостоятельности: хотя они уже болѣе тысячи лѣтъ подчиняются магометанамъ, но до сихъ поръ еще и въ языкѣ ихъ богослужебныхъ книгъ, и въ самой жизни сохранились у нихъ слѣды, напоминающіе древнихъ Египтянъ.

5. Религія и просвѣщеніе Египтянъ.

«Какъ небо у Египтянъ иное и рѣка иная, нежели у другихъ людей, — говоритъ Геродотъ, такъ и нравы и законы египетскіе отличаются большею частью отъ нравовъ и законовъ другихъ націй.» Египетъ былъ единственною областью въ цѣлой Африкѣ способною, по своему географическому положенію, дать народу, ее занимавшему, особенный, самостоятельный характеръ и особенное, самобытное образованіе. Одни и тѣже неизмѣнныя явленія встрѣчали и провожали жизнь Египтянина: ясное небо, величественная, благодѣтельная рѣка, плодоносная нильская долина, горы, окаймляющія Египетъ, и справа и слѣва безконечная, песчаная пустыня.

Уже въ глубочайшей древности Египтяне являются осѣдлымъ, имѣющимъ прочное гражданское устройство народомъ. Египетскій народъ раздѣлялся на опредѣленные сословія и круги, неизмѣнно слѣдовавшіе образу жизни предковъ и въ свою очередь передававшіе

потомкамъ и свои занятія, и всѣ наслѣдственныя свѣдѣнія, пріобрѣтенныя вѣками опыта. Дѣленіе народа на особенныя сословія, *касты*, рѣзко отличающіяся между собою гражданскими правами и родомъ жизни, встрѣчается не у однихъ Египтянъ, а почти у всѣхъ историческихъ народовъ на первыхъ ступеняхъ общественнаго развитія. Съ осѣдлою жизнью, съ началомъ земледѣлія у народа всегда появляются новыя нужды и потребности, которыя и опредѣляютъ незамѣтно родъ жизни всѣхъ членовъ, составляющихъ общество. Одни члены общества преимущественно занимаются обработкою земли, привыкаютъ къ одному занятію, совершенствуются въ немъ, дѣлаютъ разныя улучшенія и всѣ свои знанія передаютъ дѣтямъ своимъ; другіе занимаются скотоводствомъ, пасутъ стада и заботятся объ ихъ разведеніи; третьи, съ развитіемъ новыхъ нуждъ въ обществѣ, обращаются къ ремесламъ; четвертые къ исполненію религіозныхъ обязанностей, къ принесенію жертвъ богамъ. Отсюда весьма естественно вытекаетъ наслѣдственность занятій и рода жизни: сынъ обрабатываетъ свое поле такъ, какъ обрабатывалъ его отецъ, или пасетъ стадо, которое досталось ему послѣ смерти отца, или, наконецъ, занимается тѣмъ ремесломъ, которымъ занимался его отецъ, и къ которому онъ пріучился съ дѣтства. Наслѣдственныя занятія мало-по-малу обращались въ привычку, въ неизмѣнный обычай и наконецъ въ законъ; такъ что переходъ отъ однихъ занятій къ другимъ, отъ одного образа жизни къ другому, дѣлался предосудительнымъ и запрещался.

Затруднительность такого перехода зависѣла отъ самаго характера сословіи и степени важности ихъ занятій. Тѣ граждане, которые предавались болѣе труднымъ занятіямъ, требовавшимъ и больше знаній, и больше отваги, пользовались и большимъ почетомъ и сами себя считали лучшими, достойнѣйшими другихъ согражданъ. Оттого-то семейства, отличавшіяся храбростью, занимавшіяся охотою, приобрѣтеніемъ добычи на войнѣ и защитою мирныхъ гражданъ своего племени отъ непріязненныхъ сосѣднихъ народовъ, пользовались большимъ уваженіемъ остальныхъ членовъ общества. Таково начало военнаго сословія. Еще большимъ уваженіемъ пользуются жрецы, по мѣрѣ развитія религіи, когда увеличивается число боговъ, религіозныхъ обрядовъ и молитвъ, точное знаніе которыхъ становится наслѣдственнымъ достояніемъ только извѣстныхъ семействъ. Большинство народа съ благодарностью признаетъ права тѣхъ, которые защищаютъ его отъ нападений враждебныхъ сосѣдей; но еще больше уважаетъ народъ тѣхъ, которые могутъ молитвами и жертвоприношеніями умилостивлять боговъ, дарующихъ смертнымъ богатство и довольство въ настоящей и вѣчное блаженство въ будущей жизни.

Видя уваженіе народа къ своимъ наслѣдственнымъ преимуществамъ и гордясь своимъ высокимъ значеніемъ въ обществѣ, жрецы и воины вскорѣ заняли исключительное положеніе. Ихъ семейства смотрѣли съ презрѣніемъ на массу народа; они считали позорнымъ смѣшиваться съ низшими сословіями, полагали, что только отъ нихъ, жрецовъ и воиновъ, можетъ прои-

зойти все благородное и хорошее и были убѣждены, что лучшіе люди могутъ рождаться только въ высшихъ сословіяхъ. Въ слѣдствіе такого воззрѣнія, высшія сословія дорожили своимъ происхожденіемъ и занятіями и допускали въ свою среду только тѣхъ, кто имѣлъ одинаковыя съ ними наслѣдственные права. Мало-по-малу сословная замкнутость перешла и къ низшимъ, менѣе почетнымъ, сословіямъ: жрецъ женился только на дочери жреца, воинъ допускалъ въ свою семью только дѣтей воина; земледѣлецъ, не имѣя доступа къ жрецамъ и воинамъ, дорожилъ своими правами и не смѣшивался съ сословіями, стоявшими ниже его. Такимъ образомъ, почти во всѣхъ обществахъ человѣческихъ, выступающихъ изъ первобытнаго состоянія, появляются особенныя сословія, касты, которыя дѣлятъ народъ по роду занятій и по образу жизни. Чѣмъ разнообразнѣе и богаче жизнь такихъ обществъ, тѣмъ больше появляется сословій, рѣзко отдѣленныхъ другъ отъ друга разными гражданскими правами и преимуществами.

До насъ не дошли положительныя свѣдѣнія о томъ, какъ далеко простиралась замкнутость кастъ у Египтянъ. Извѣстно только, что жрецы были первымъ сословіемъ въ государствѣ и пользовались особымъ почетомъ. Воины составляли богатый классъ народа; имъ отведены были особыя земли для населенія и обработыванія, но они не занимали такого высокаго гражданского положенія, какимъ пользовалось это сословіе у другихъ народовъ. Жрецы, воины и остальная масса народа представляли собою наслѣдственные сословія;

но неизвѣстно, какъ строго соблюдалось это дѣленіе и въ какихъ отношеніяхъ находились между собою различные отдѣлы низшихъ сословій. Народъ, кромѣ жрецовъ и воиновъ, дѣлился еще на земледѣльцевъ, ремесленниковъ и пастуховъ. Послѣдніе меньше всего уважались; занятія этихъ сословій были наследственны: сынъ могъ заниматься только тѣмъ, чѣмъ занимался отецъ. Изъ того, что должность верховнаго жреца при храмахъ была наследственная, что обязанности стражей священныхъ животныхъ, погребеніе мертвыхъ и бальзамированіе принадлежали извѣстнымъ родамъ и переходили къ нимъ по наследству изъ поколѣнія въ поколѣніе, можно заключить, что у Египтянъ было сильное стремленіе присвоивать извѣстныя занятія только извѣстнымъ родамъ. Эта особенность согласовалась съ характеромъ Египтянъ, любившихъ во всемъ неподвижность и неизмѣнность. Впрочемъ, отношенія между наследственными сословіями въ Египтѣ не были такъ строго-суровы, какъ въ Индіи наприимѣръ. Фактъ этотъ объясняется тѣмъ, что здѣсь не было побѣдителей и побѣжденныхъ, на долю которыхъ всегда выпадаютъ тяжелые труды, угнетеніе и презрѣніе со стороны высшихъ сословій, побѣдителей. Пастухи въ Египтѣ уважались меньше всего; и это понятно, потому что свободный образъ ихъ жизни меньше всего подчинялся тѣмъ постояннымъ житейскимъ правиламъ, которымъ охотно слѣдовали осѣдлые жители. Но неуваженіе къ пастухамъ не распространялось на лица, занимавшіяся правильнымъ разведеніемъ рогатаго скота. Презрѣнію подвергались только тѣ пастухи, ко-

торые пасли свои стада въ степяхъ ливійскихъ и были совершенно незнакомы съ осѣдлою жизнью. Особенно презирались свинопасы, потому что свинья у Египтянъ считалась животнымъ нечистымъ. Браки между лицами различныхъ сословій дозволялись; только одни свинопасы не принимались въ семейства другихъ сословій.

Природа страны, имѣвшая вліяніе на складъ народнаго характера, отразилась и въ религіозныхъ понятіяхъ Египтянъ. Основною мыслью египетской религіи была противоположность жизни и смерти, противоположность, представлявшаяся Египтянину на каждомъ шагу. Нижняя Нильская долина была цвѣтущею, плодоносною областью среди пустыни, и эту область, полную жизни, окружали со всѣхъ сторонъ безплодіе и смерть: безконечные ливійскіе пески и скалистые плоскости съ жгучимъ солнцемъ, опустошительными бурями и палящими смертоносными вѣтрами. Египтяне признательно взирали на чудесныя дѣйствія природныхъ силъ, производившихъ среди страшной пустыни прохладный воздухъ, освѣжительные вѣтры, благодѣтельныя наводненія и роскошную растительность. Естественное, научное объясненіе подобныхъ явленій было для древняго человѣка дѣломъ невозможнымъ. Поэтому онъ сталъ глядѣть на нихъ, какъ на дѣйствія сверхъестественныхъ существъ, обладающихъ властью карать или миловать слабыхъ смертныхъ. Творческая фантазія Египтянъ придала невидимымъ существамъ видимые образы и создала такимъ образомъ цѣлый рядъ боговъ и богинь, облеченныхъ въ человѣческія формы.

Божественныя свойства были замѣчены Египтянами и въ нѣкоторыхъ животныхъ, которыхъ поэтому стали посвящать богамъ. Священныя твари имѣли въ Египтѣ такое высокое значеніе, что даже боги чаще изображались съ головами имъ посвященныхъ животныхъ, нежели съ человѣческими лицами. Для объясненія этого явленія, необходимо допустить, что неизмѣнная, всегда одинаковая жизнь нѣкоторыхъ животныхъ внушала Египтянамъ глубокое уваженіе. Для Египтянъ не было ничего выше постоянства, вѣчной неизмѣнности явленій окружавшей ихъ жизни, и эти высокія свойства они замѣчали какъ въ характерѣ своей страны, такъ и въ стремленіи животныхъ оставаться всегда вѣрными своей животной жизни.

Животныя, составляющія предметъ почитанія цѣлаго Египта, были: ослы, кошки, сабаки, ибисы и кобчики. Особеннымъ уваженіемъ пользовались крокодилы: въ нѣкоторыхъ округахъ матери должны были радоваться и приносить жертву богу, если крокодилъ похищалъ у нихъ дѣтей. Священныхъ животныхъ нельзя было убивать. Кто причинялъ имъ смерть умышленно, того народъ убивалъ на мѣстѣ; если же это случилось нечаянно, то виновный платилъ штрафъ, опредѣлявшійся жрецами. Кому случалось находить священное животное мертвымъ, тотъ, не подходя къ трупу, кричалъ и увѣрялъ собиравшуюся толпу, что смерть животному приключилась не по его винѣ. Геродотъ говоритъ, что на пожарахъ Египтяне больше заботились о спасеніи кошекъ, нежели о томъ, чтобъ тушить огонь. Діодоръ сицилійскій, бывшій въ Египтѣ въ по-

ловинѣ перваго вѣка до Р. Х., видѣлъ, какъ толпа бросилась на одного Римлянина и убила его за то, что онъ нечаянно умертвилъ кошку. Были животныя, которыя почитались только въ отдѣльныхъ округахъ; таковы: козлы, козы, бараны, обезьяны и нѣкоторыя другія.

Изъ каждаго рода священныхъ тварей жрецы избирали по одному животному, исключительная святость котораго узнавалась по особеннымъ признакамъ, и хранили его въ храмѣ того бога, которому оно было посвящено. Этимъ храмовымъ животнымъ молились, курили предъ ними благовонія и оказывали имъ божескія почести. Климентъ Александрійскій, христіанскій писатель III вѣка, видѣвшій египетскіе храмы, говоритъ: «Внутреннее святилище окутано парчею; но когда жрецъ снимаетъ покрывало, то видишь кошку, крокодила или туземную змѣю, валяющихся на пурпуровой подстилкѣ.»

О храмовыхъ животныхъ чрезвычайно заботились: имъ дѣлали богатыя приношенія, приносили телятину, гусей, пироги; ихъ купали, натирали благовонными мазями и надѣвали на нихъ золотыя шейныя повязки. Геродотъ говоритъ, что и въ верхнемъ и въ нижнемъ Египтѣ держали священныхъ крокодиловъ, до того приученныхъ, что можно было касаться ихъ рукою. «Жрецы вдѣваютъ имъ въ уши подвѣски изъ стекла и золота, надѣваютъ и на переднія лапы цѣпочки или запястья. Кормятъ ихъ жертвеннымъ мясомъ и другими предписанными яствами. При жизни заботятся о нихъ самымъ лучшимъ образомъ; послѣ смерти, ихъ

бальзамируютъ и хранятъ въ священныхъ гробницахъ.» И Страбонъ (*) рассказываетъ, что въ Мерисовомъ озерѣ былъ священный крокодилъ, котораго жрецы сдѣлали ручнымъ: онъ питался хлѣбомъ, виномъ и мясомъ. «Нашъ хозяинъ — говоритъ Страбонъ — знатный человекъ, взялъ пирогъ, жареное мясо и питье, смѣшанное съ медомъ, и мы пошли къ озеру. Животное лежало на берегу; жрецы подошли къ нему, открыли ему пасть и мой хозяинъ всунулъ ему сначала пирогъ, потомъ жареное, наконецъ крокодилъ проглотилъ питье. Потомъ онъ убѣжалъ въ воду и поплылъ къ противоположному берегу. Потомъ приходили другіе съ приношеніями, и крокодилъ все пожиралъ.» Только нѣкоторыя священные животныя бальзамировались, но погребались всѣ. Если въ домѣ умирала кошка, то всѣ жильцы стригли себѣ брови; если умирала собака, то брили голову. Съ особенною торжественностью хоронили храмовыхъ животныхъ, и Діодоръ рассказываетъ, что иногда богатые люди употребляли на такія похороны болѣе ста талантовъ (136,500 р. с.).

Египетская религія не скоро дошла до тѣхъ формъ, въ какихъ мы ее знаемъ; она развивалась въ теченіе многихъ вѣковъ, благодаря стараніямъ жрецовъ. Сначала каждая мѣстность имѣла своего особеннаго бога, которому поклонялись жители, признавая его благодѣтельныя свойства и силу; потомъ, съ увеличеніемъ

(*) Знаменитѣйшій изъ греческихъ географовъ, жившій въ I вѣкѣ до Р. Х.

области Египта, кромѣ мѣстныхъ боговъ начали появляться и главные боги, съ которыми мѣстные или сливались, соединялись, или находились въ тѣсной зависимости. Вѣроятно, уже въ историческія времена Египта жрецы мало-по-малу привели это разнообразіе мѣстныхъ боговъ въ стройный порядокъ и раздѣлили боговъ, по степени ихъ значенія, на главныхъ и подчиненныхъ. Въ древнѣйшія времена мемфисскіе боги были главными; но послѣ изгнанія гиксосовъ, когда Оивы получили перевѣсъ надъ Мемфисомъ, и оивскіе боги ревностно почитались.

Древнѣйшимъ богомъ Египтянъ былъ богъ-солнце, *Ра*; онъ изображается съ краснымъ солнечнымъ кругомъ на головѣ, а священное его животное—кобчикъ. Ра чаще представляется съ головою кобчика, нежели съ человѣческимъ лицомъ. Богъ-солнце называется въ надписяхъ «отцомъ боговъ», «владыкою обоихъ міровъ (надзвѣзднаго и подземнаго), царствующимъ въ солнечномъ кругѣ, движущимъ свой шаръ (солнце), извѣстнымъ въ безднахъ неба». Къ нему идутъ праведныя души людей, живущія вѣчною жизнью въ его небесныхъ обителяхъ. Ра, какъ отецъ боговъ, считается и отцомъ всѣхъ царей египетскихъ, которые отъ него получили власть; они царствуютъ надъ Египтомъ, какъ Ра надъ міромъ. Всѣ цари носятъ титулъ Ра — «сынъ Ра». Имя фараонъ, которымъ Евреи называли царей Египта, есть названіе бога-солнца Фра или Ра, потому что и цари назывались богами. Въ молитвѣ къ богу-солнца говорится: «Благоговѣніе богу Ра, сыну неба, который ежедневно самъ собою на-

раждается. Слава тебѣ, свѣтящему въ глубинахъ неба и жизнь дарующему! Онъ все сотворилъ, что есть въ безднахъ небесныхъ! Онъ тотъ, который бодрствуетъ, лучи котораго приносятъ чистымъ (людямъ) жизнь. Слава тебѣ! Когда ты проходишь верхнюю страну (небо), боги трепещутъ отъ радости, приближаясь къ тебѣ.»

Египтяне полагали, что богъ-солнце находится въ вѣчной борьбѣ съ царствомъ тьмы и ночи. Согласно этому понятію, на египетскихъ царскихъ гробницахъ есть изображеніе шествія Ра днемъ и ночью. Съ утра плыветъ солнце на лодкѣ по небу съ востока на западъ, въ полдень оно достигаетъ до жилища праведныхъ душъ, а послѣ полудня боги, сопровождающіе солнце, готовятся помогать ему въ его борьбѣ съ страшной змѣей *Анепомъ*, т. е. съ темнотой, которую солнце хочетъ проглотить. На змѣю набрасываютъ веревку и двѣнадцать боговъ, подъ предводительствомъ небеснаго бога Себа, оттягиваютъ змѣю въ сторону и богъ-солнце вступаетъ въ подземный міръ, гдѣ грѣшники наказываются за свои грѣхи. Потомъ богъ-солнце снова плыветъ отъ запада къ востоку.

Богу-солнцу были посвящены многіе города; но особенно онъ уважался въ Геліополисѣ (градъ солнца), въ нижнемъ Египтѣ, гдѣ въ честь его содержали желтаго священнаго быка, выразившаго собою оплодотворяющую силу солнца. Здѣсь же, въ храмѣ Ра, было святилище, куда, по сказанію жрецовъ, черезъ каждыя 500 лѣтъ прилетала изъ Аравіи птица *фениксъ* для того, чтобъ сгорѣть въ благовонномъ ладанѣ, по-

томъ возродиться изъ пепла юною и на третій день снова улетѣть на родину, на востокъ. На памятникахъ эта птица изображается въ видѣ чибиса, съ хохолкомъ на головѣ. Появленіе феникса возвѣщали жрецы, и послѣ этого въ странѣ начинались большія празднества и торжества. Фениксъ у Египтянъ служилъ выраженіемъ пятисотлѣтняго періода времени.

Такимъ же почитаніемъ, какъ Ра, богъ солнца, пользовался въ Мемфисѣ Пта, богъ свѣта. Послѣдній даже предпочитался первому, вѣроятно потому, что былъ мѣстнымъ богомъ Мемфиса, столицы древняго царства. Пта есть богъ свѣта и истины. Въ надписяхъ онъ называется: «царемъ обоихъ міровъ, властелиномъ неба, обладателемъ милосерднаго и прекраснаго лица», также «обладателемъ истины», потому что свѣтъ показываетъ все въ настоящемъ видѣ. Какъ ежедневно рождающійся свѣтъ, Пта изображался въ образѣ голаго дитяти; какъ вѣчно непреложный и неизмѣняющійся богъ, онъ представлялся зрѣлымъ мужемъ, закутаннымъ на подобіе муміи. Пта считался отцомъ свѣта, породившимъ солнце. На одномъ изображеніи онъ держитъ въ рукахъ яйцо, называющееся «яйцомъ солнца и свѣта». О немъ говорится, что «Пта катитъ свое яйцо по небу». Въ этомъ смыслѣ на памятникахъ голову Пта часто замѣняетъ жукъ, а иногда весь Пта изображается въ видѣ жука: Египтяне думали, что жукъ всегда катитъ передъ собою свои яйца. Менесъ, основатель древняго царства, воздвигъ въ Мемфисѣ храмъ богу Пта, и почти всѣ фараоны заботились объ увеличеніи и украшеніи этого древняго храма.

Такъ какъ свѣтъ и солнце вмѣстѣ благотѣльно дѣйствуютъ на жизнь и растительность, то и богу свѣта и богу солнца одинаково былъ посвященъ *аписъ*, священный быкъ, выразившій собою, по понятію Египтянъ, плодотворную силу свѣта. Египтяне думали, что лучъ небеснаго свѣта оплодотворялъ корову, не имѣвшую еще теленка, и она рождала аписа, котораго жрецы узнавали по черному цвѣту шерсти, бѣлому пятну на лбу, особенному наросту подъ языкомъ, имѣвшему форму священнаго жука, и по двойнымъ волосамъ на хвостѣ. У аписа, при храмѣ Пта, было особое святилище и дворъ съ покоями, гдѣ его содержали. Онъ уважался въ Египтѣ больше всѣхъ другихъ священныхъ животныхъ. Его святость переходила даже на тѣхъ быковъ, которые имѣли съ нимъ какой нибудь общій признакъ: такихъ быковъ нельзя было убивать и употреблять въ пищу. При жизни, аписъ пользовался большимъ почетомъ — ему прислуживали жрецы, поили его изъ особеннаго колодезя; по смерти, его оплакивали и торжественно хоронили въ гранитныхъ гробахъ. Послѣ смерти аписа, жрецы узнавали о новомъ богѣ, и если въ какомъ нибудь стадѣ отыскивался быкъ съ божественными признаками, жрецы прославляли хозяина стада, называли его счастливымъ, поили молодого аписа четыре мѣсяца молокомъ и потомъ отводили въ Нилополисъ (городъ Нила) на прекрасный лугъ, гдѣ онъ пасся сорокъ дней. Въ это время дозволялось и женщинамъ появляться предъ аписомъ; въ другое время это имъ строго запрещалось. Съ луга его отвозили на лодкѣ,

въ раззолоченной молельнѣ, въ Мемфисѣ, гдѣ нахождение бога праздновали семь дней большими народными процессіями, плясками и пирами. На мемфисскомъ кладбищѣ открыто мѣсто погребенія этихъ священныхъ быковъ; уже найдено тридцать три муміи аписовъ, погребенныхъ въ гранитныхъ саркофагахъ въ длинной подземной галлерей.

Въ нижнемъ Египтѣ почитались и женскія божества. Богинею города и области Саиса была *Нейѳа*. Она изображается на памятникахъ съ зеленымъ лицомъ; на головѣ у нея красная корона нижняго Египта, въ рукахъ скипетръ изъ цвѣтовъ, а иногда лукъ и стрѣлы. Она называется «богинею матерью» или «матерью боговъ», а иногда и «коровою, родившею солнце». Нейѳа была олицетвореніемъ женскаго, рождающаго начала природы. Въ честь ея былъ установленъ въ Саисѣ особенный праздникъ, на который Египтяне сходились ночью съ безчисленнымъ множествомъ горящихъ свѣтильниковъ. Этотъ праздникъ выражалъ происхождение свѣта и солнца изъ мрака и ночи.

Въ Бузастисѣ, при восточномъ рукавѣ Нила, почитали богиню *Пахту*, которая называется «возлюбленною Пта, владычицею Мемфиса». Она изображалась съ львиною или кошачьею головою. Ея священнымъ животнымъ была кошка, какъ животное весьма способное къ расположенію. Пахта была богинею рожденія вообще. Геродотъ говоритъ, что храмъ ея въ Бузастисѣ не отличался ни особенною величиною, ни особеннымъ богатствомъ, но по миловидности былъ первымъ въ цѣломъ

Египтѣ. Къ нему вела съ рынка мощеная дорога, осыпанная большими деревьями; два нильскіе канала окружали храмъ съ обѣихъ сторонъ, и только узкая полоса земли, составлявшая дорогу къ храму, раздѣляла каналы, обсаженные деревьями. Священное мѣсто храма было обнесено стѣною, за которою подымался высокій лѣсъ. Праздникъ Пахты былъ самый веселый, по словамъ Геродота. «На праздникъ приплываютъ въ Бузастисъ изъ всей страны мужчины и женщины; въ каждой лодкѣ много тѣхъ и другихъ. Во время плаванія иныя женщины играютъ на кастаньетахъ, а иныя мужчины на флейтахъ; остальные, мужчины и женщины, поютъ и бьютъ въ ладоши. Проѣзжая мимо встрѣчныхъ городовъ, однѣ изъ женщинъ продолжаютъ пѣть и трещать кастаньетами, другія кричатъ что есть мочи, перебраниваются съ горожанками, пляшутъ и затѣмъ всѣ плывутъ дальше. Когда же пріѣдутъ въ Бузастисъ, торжествуютъ празднество богини многочисленными жертвоприношеніями и выпиваютъ тутъ вина больше, нежели во все остальное время года, потому что сходятся вмѣстѣ до 700,000 мужчинъ и женщинъ, не считая дѣтей.»

Въ верхнемъ Египтѣ поклонялись другимъ богамъ. Главнымъ богомъ Оивъ былъ Аммонъ (по-египетски Амонъ), что означаетъ «скрытый», «скрытность». Цвѣтъ краски его голубой. Надписи называютъ Аммона властелиномъ неба. На памятникахъ онъ изображается сидящимъ на престолѣ, съ двумя высокими, прямо торчащими перьями въ царскомъ головномъ уборѣ и знаками жизни и власти въ рукахъ. Сначала

онъ не имѣлъ того высокаго и обширнаго значенія, какое приобрѣлъ послѣ, когда Оивы сдѣлались столицей царства, и когда побѣдоносные фараоны начали украшать его храмъ и приносить ему богатыя жертвы, какъ своему богу-покровителю и защитнику. Съ тѣхъ поръ Аммонъ дѣлается высшимъ богомъ всего Египта и ему, для возвеличенія, придаются даже свойства другихъ боговъ; съ тѣхъ поръ онъ называется «царемъ боговъ», Аммонъ — Ра. Сначала въ верхнемъ Египтѣ не было извѣстно почитаніе бога-солнца, Ра; вмѣсто него, поклонялись здѣсь двумъ богамъ — *Менту* и *Атму*, изъ которыхъ первый имѣлъ значеніе восходящаго солнца, свѣтящаго днемъ, а второй — солнца ночи, подземнаго солнца. Египтяне полагали, что солнце каждую ночь проходитъ подземный міръ. Кромѣ Аммона въ верхнемъ Египтѣ почитался богъ *Кнефъ*, съ бараньей головою. Ему былъ посвященъ баранъ. На памятникахъ Кнефъ называется «владыкою падающей воды», «владыкою наводнений». И этотъ богъ перешелъ съ своими благодѣтельными свойствами въ Аммона, чтобъ возвысить значеніе древняго оивскаго бога. Въ соединеніи съ Кнефомъ, Аммонъ-Кнефъ изображался съ бараньею головою. Въ такомъ видѣ онъ особенно уважался въ Ливійскомъ оазѣ (Сивѣ), гдѣ у него былъ храмъ и знаменитый въ древности оракуль. До сихъ поръ существуютъ въ оазѣ Сивы небольшія развалины храма съ изображеніями Аммона-Кнефа.

Между женскими божествами верхняго Египта поль-

зовалась особеннымъ уваженіемъ богиня *Мутъ* (матерь), выражавшая собою материнское начало, защиту и покровительство. Ея священнымъ животнымъ былъ грифъ. На памятникахъ она представляется въ царской коронѣ верхняго Египта, украшенной перьями грифа. Часто ее изображали съ головою грифа и даже просто подъ видомъ грифа. Грифъ у Египтянъ имѣлъ значеніе доброй, покровительствующей птицы (какъ у грековъ и многихъ другихъ народовъ орелъ); на памятникахъ великихъ фараоновъ, въ изображеніяхъ битвъ, часто надъ царями носится священный грифъ богини *Мутъ*.

Изъ множества подчиненныхъ боговъ особенно замѣчательнъ *Тотъ*, небесный писецъ. Во многихъ городахъ его почитали какъ мѣстнаго бога, но наиболѣе ему поклонялись въ среднемъ Египтѣ, въ нынѣшнемъ *Шмунѣ*. Священною птицею *Тота* былъ ибисъ, содержащійся въ храмѣ этого бога. Въ *Шмунѣ* погребались и всѣ священные ибисы, бывшіе въ другихъ храмахъ *Тота*. На памятникахъ *Тотъ* чаще изображается съ головою ибиса, нежели съ головою человѣка. Онъ называется «писцомъ истины», «владыкою божественнаго слова» и всегда изображается съ доскою для письма и грифелемъ или пальмовою вѣтвью въ рукахъ. Онъ записываетъ сроки божественныхъ праздниковъ и лѣта людей и тѣмъ опредѣляетъ долговѣчность послѣднихъ. Такъ какъ письмо охраняетъ знаніе и составляетъ источникъ мудрости, то *Тотъ* былъ богомъ мудрости. Онъ открылъ и начерталъ священныя письма и потому былъ преимущественно богомъ жрецовъ. По понятію Египтянъ, начертанное знаніе не заблуждается,

но охраняетъ отъ несправедливыхъ дѣйствій; поэтому Тотъ, представитель такого знанія, былъ въ тоже время богомъ справедливости и истины. Возвѣщая людямъ священными письменами волю боговъ, онъ засѣдалъ и въ подземномъ царствѣ, въ качествѣ судьи надъ умершими, и разсматривалъ, вмѣстѣ съ другими богами, исполняли ли покойники божескія велѣнія. Въ честь Тота было учреждено празднество, на которомъ Египтяне ѣли медъ и винныя ягоды и говорили при этомъ: «истина сладка».

Наибольшее число сказаній египетской мифологіи относится къ богу Озириду и къ борьбѣ его съ Тифономъ. Богъ и богиня небснаго пространства, *Себъ* и *Нупта*, породили, какъ говорятъ жреческія преданія, добрыхъ боговъ — *Озирида* и *Изиду* и злыхъ — *Тифона* и *Нефтиду*. Озирисъ съ сестрою и супругою своею Изидой счастливо правилъ Египтомъ; но злой Тифонъ съ 72-мя своими товарищами убилъ его, тѣло положилъ въ ящикъ и бросилъ въ Нилъ. Долго бродила печальная Изида, ища тѣло супруга, и наконецъ нашла его въ Библосѣ, на финикійскомъ берегу, куда волны прибили и выбросили ящикъ съ останками убитаго бога. Останки эти Изида перенесла въ Египетъ и похоронила ихъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, *Горосъ*, сынъ Озирида и Изиды, достигши зрѣлаго возраста и желая отмстить злему Тифону, сразился съ нимъ и убилъ его. Тогда Озиридъ воскресъ, сошелъ въ адъ и сталъ тамъ царствовать.

Въ этомъ сказаніи олицетворялось у Египтянъ понятіе о годовомъ теченіи солнца въ нильской долиинѣ

и о вліяніи его на растительную жизнь страны. Послѣ наводненія и жатвы, въ Египтѣ настаётъ страшный зной, продолжающійся 72 дня и мертвящій растительность Нильской долины. Плодотворная сила природы (Озиридъ) какъ бы уносится, вмѣстѣ съ волнами рѣки, на сѣверъ, въ море, къ берегамъ отдаленныхъ странъ. Но съ наступленіемъ благодатной весны, въ Нубіи таютъ снѣга, Ниль мало-по-малу вновь наполняется водами и несетъ въ Египетъ новое благо, новую силу. Это Горось, юный сынъ Озирида, борется съ Тифономъ, отмщаетъ за смерть отца, изгоняетъ бесплодіе и засуху въ пустыню.

Подъ Тифономъ (по-египетски Сеть) Египтяне разумѣли всѣ вредныя, злокачественныя явленія природы: зной, засуху, бесплодіе и темноту. Послѣднюю они представляли себѣ въ видѣ страшной змѣи Апепа, постоянно борющейся съ богомъ-солнцемъ Ра. Тифонъ есть богъ пустынного, соленого моря, въ противоположность плодотворной, прекрасной нильской водѣ; ему принадлежатъ всѣ вредныя растенія и кровожадныя животныя; отъ него происходятъ самыя ужасныя бѣдствія — смертоносные вѣтры и ливійскіе песчаные вихри. Онъ называется «всемогущимъ разрушителемъ и опустошителемъ»; онъ отецъ нравственнаго зла — лжи, клеветы и непостоянства. Цвѣтъ его на памятникахъ темнокрасный, какъ знойное солнце пустыни. Священныя животныя этого бога: прожорливый крокодилъ, дикая нильская лошадь и осель съ своимъ отвратительнымъ крикомъ.

Горось (по-египетски Гаръ) «мститель своего отца

Озирида», какъ его называютъ надписи, часто изображается ребенкомъ, съ пальцемъ во рту; но уже и ребенкомъ его величаютъ «великимъ помощникомъ», «защитою міра». Выросши, онъ дѣлается сильнымъ Горосомъ, героемъ, побѣждающимъ Тифона и ниспосылающимъ благодѣтельные лучи солнца на землю. Онъ изливаетъ мужество и силу на царей и помогаетъ имъ побѣждать враговъ, какъ самъ онъ побѣдилъ Тифона. Вмѣстѣ съ Горосомъ, Египтяне почитали и богиню *Гатору*, которая называется «окомъ солнца», «владычицею шутокъ и плясокъ.» Ее изображали съ веревкою и тамбуриномъ въ рукахъ, знаками веселья и очаровательной прелести. Кромѣ этихъ свойствъ, она отличалась еще производящею, рождающею силою, и потому ее изображали также въ видѣ коровы. Въ такомъ именно видѣ представлена она въ нубійскомъ храмѣ, сооруженномъ ей супругою Рамзеса Великаго. Корова, символъ размноженія, была священнымъ животнымъ Гаторы. Греки сравнивали эту богиню съ своею Афродитою, богинею любви. Округъ Афродитополиса, города, находившагося выше Мемфиса, былъ священной областью Гаторы; кромѣ того она почиталась вмѣстѣ съ Горосомъ въ Эдфу и имѣла знаменитое прорицалище въ Буто.

Въ Озиридѣ и въ Изидѣ, въ оплодворяющей силѣ и въ землѣ, соединились, для борьбы съ злымъ Тифономъ, почти всѣ благодѣтельныя свойства природы, распределенныя Египтянами между отдѣльными богами и богинями. Озиридъ называется «царемъ жизни», «владыкою неисчислимыхъ дней»; но власть свою

надъ Египтомъ онъ передалъ сыну своему, Горосу, а самъ правилъ въ подземномъ мірѣ. Вѣчно зеленый тамарискъ, символъ вѣчной жизни въ природѣ, былъ его священнымъ растеніемъ, а цапля священнымъ его животнымъ. Изида (по-египетски Гесъ), «великая богиня», «царская суруга», есть земля, ежегодно оплодворяемая Озиридомъ. Въ Изидѣ, какъ въ производительной силѣ природы, соединялись почти все женскія божества. Она часто изображалась въ видѣ коровы, животного ей посвященнаго. Подобное изображеніе Изиды Геродотъ видѣлъ въ Саисѣ, гдѣ въ одной изъ комнатъ дворца, великолѣпно изукрашенной, лежала позолоченная деревянная корова. Между рогами у нея находился золотой кругъ, знакъ солнца, постоянно дѣйствующаго на землю. Изображеніе было прикрыто пурпурною мантиею, такъ что видны были только голова и шея богини. Ежедневно предъ этимъ изображеніемъ курили ладаномъ, а ночью передъ нимъ горѣла лампада.

Озиридъ и Изида боготворились въ цѣлой странѣ, но главными мѣстами ихъ почитанія въ верхнемъ Египтѣ были города Абидосъ и Тисъ и островъ Филе, за Сіенскими водопадами, гдѣ оканчивались границы Египта, и гдѣ начиналось царство злого Тифона. При всѣхъ храмахъ этихъ боговъ показывались гробы Озирида. Благочестивые Египтяне считали величайшимъ счастіемъ покоиться послѣ смерти подлѣ Озиридова гроба, и потому многіе изъ нихъ завѣщали перевозить свои тѣла на островъ Филе. Только на островъ Филе, близъ Озиридова гроба, совершались самыя священныя

клятвы. Еще больше славился храмъ Изиды, гробомъ Озирида и празднествами въ честь этихъ боговъ городъ Бузирись, въ нижнемъ Египтѣ. Въ тотъ день, когда настаютъ тамъ сильнѣйшіе жары, 1-го августа, Египтяне начинали печальную тризну въ память убіенія Озирида. Къ этому времени стекались въ Бузирись жители почти всего Египта. Тризна начиналась постомъ и молитвою. Мужчины и женщины съ воплями били себя въ грудь, искали трупъ Озирида и носили повсюду изображенія скорбящей Изиды. Не только днемъ, но и ночью продолжались поиски при факелахъ, съ жалобными пѣснями, подъ звуки разныхъ металлическихъ орудій; пѣли и стучали для того, чтобъ прогнать злого Тифона. Наконецъ послѣ долгихъ исканій на поляхъ и въ рощахъ, жрецы оставляли Бузирись, приходили къ морю съ мумією, изображавшею Озирида, и провозглашали: «Мы его нашли. Будьте счастливы!» Затѣмъ все возвращались въ Бузирись погребать Озирида: мумію обворачивали въ ленъ и клали ее въ деревянный гробъ, а изображеніе Изиды окутывали чернымъ покрываломъ. Послѣ наводненія, когда появлялись первые слѣды растительности, начинался радостный праздникъ въ честь Озирида, пробуждавшагося къ новой жизни.

«Египтяне — говоритъ Геродотъ — первые стали утверждать, что душа безсмертна.» Они вѣрили не только въ безсмертіе души, но и въ наказаніе грѣшниковъ и въ награжденіе праведниковъ. По ихъ понятіямъ, душа каждаго покойника, вмѣстѣ съ заходящимъ солнцемъ, скрывалась на западѣ подъ землю и

погружалась въ царство мертвыхъ, въ *Аментесъ*, гдѣ царёмъ и верховнымъ судьёю былъ *Озиридъ*. Предъ входомъ въ адъ сидѣло сторожевое чудовище съ страшно раскрытою пастью, выражавшее собою мрачную, уничтожающую силу подземнаго могущества. Въ преддверіи ада, въ отдѣленіи «двоякаго правосудія» — награждающаго и наказывающаго — надъ мертвыми произносился судъ. Здѣсь на тронѣ возсѣдалъ *Озиридъ* съ короной на головѣ, съ посохомъ и плетью въ рукахъ, символами власти и силы. Подлѣ *Озирида* сидѣли сорокъ два судьи, украшенные страусовыми перьями, знаками истины и справедливости; они судили сорокъ два смертные грѣха. Умершій, моля *Озирида* принять его въ обитель блаженныхъ, долженъ былъ доказать, что онъ не совершилъ никакого злодѣянія, ничего не укралъ, никого не убилъ, не лицемѣрилъ, не клеветалъ, не имѣлъ причины мучиться угрызениями совѣсти, не пьянствовалъ, не обольщалъ, не осквернялся прикосновеніемъ къ чему-нибудь нечистому, не сомнѣвался въ истинѣ, не растягивалъ безъ нужды свою рѣчь, не поносилъ царя, своего отца и боговъ, не презиралъ боговъ въ своемъ сердцѣ и т. п.

Послѣ такого оправданія, душа взвѣшивалась на вѣсахъ правосудія, на одной чашкѣ которыхъ помѣщалась она, а на другой страусовое перо истины и справедливости. Тотъ, «небесный писецъ», сидѣвшій подлѣ съ письменнымъ приборомъ, записывалъ виновность или невинность покойника и приговоръ боговъ. Если душа покойника была тяжела, если умершій предавался на землѣ обжорству, безбожію и другимъ смерт-

нымъ грѣхамъ, его отсылали изъ преддверія ада въ самый адъ, гдѣ грѣшники получали достойное возмездіе за свою грѣховную жизнь. Этотъ адъ изображенъ на гробницѣ Рамзеса V. Предъ семидесятью пятью его отдѣленіями стоитъ такое же число страшныхъ демоновъ, вооруженныхъ мечами; надъ каждымъ отдѣленіемъ обозначенъ грѣхъ, за который наказываются грѣшники, и родъ наказанія. Души грѣшниковъ черныя; однѣ изъ нихъ привязаны къ столбамъ, и красныя стражи сѣкутъ ихъ мечами; другія, съ отрубленными головами, образуютъ длинные ряды; третьи идутъ съ связанными руками и влекутъ за собою вырѣзанныя сердца свои и т. д.

Души праведныхъ, въ награду за добрыя дѣла при жизни, получаютъ страусовыя перья. Богини Гатора и Нупта проливаютъ на нихъ воду вѣчной жизни, послѣ чего праведники идутъ, мимо ужасныхъ животныхъ и чудовищъ, змѣй и крокодиловъ, на востокъ, въ страну бога-солнца Ра. Тамъ они «обрѣтаютъ блаженство предъ очами великаго бога; они обитаютъ въ жилищахъ славы, гдѣ царитъ небесная жизнь; тѣла, покинутыя ими, будутъ вѣчно покоиться въ гробахъ, межъ тѣмъ какъ души ихъ будутъ наслаждаться лицезрѣніемъ высочайшаго бога.» На поляхъ небснаго бога праведники жнутъ хлѣбъ; собираютъ цвѣты и плоды, прогуливаются въ тѣнистыхъ аллеяхъ и купаются въ чистыхъ водахъ.

Понятія Египтянъ о загробной жизни достаточно извѣстны; но нельзя съ точностью опредѣлить, какъ смотрѣли Египтяне на отношеніе души, жившей въ

обителяхъ небесныхъ, къ тѣлу, покоившемуся на землѣ. При увѣренности, что душа праведнаго наслаждается лицезрѣніемъ боговъ, не вѣдая скорбей земной жизни, казалось бы, не было необходимости такъ много заботиться о мертвыхъ тѣлахъ, какъ заботились Египтяне. Не смотря на то, попеченіе о тѣлахъ усопшихъ было дѣломъ первой важности въ Египтѣ. И богачь, и бѣднякъ никогда не переставали думать о своихъ гробницахъ и гробницахъ близкихъ имъ людей; при первой возможности, за долго до смерти, они начинали устраивать и украшать свои вѣчныя жилища. Для объясненія этого, необходимо допустить, что вѣчная жизнь души зависѣла, по понятію Египтянъ, отъ существованія тѣла; что съ уничтоженіемъ тѣла уничтожалась и жизнь души; что нарушенный покой тѣла обезпокивалъ и душу въ обителяхъ небесныхъ. По сказанію Грековъ, Египтяне, подобно Индусамъ, вѣрили въ метампсихозисъ или переселеніе душъ, т. е. въ переходъ души по смерти изъ одного животнаго въ другое, изъ нечистаго и вреднаго въ доброе и полезное, пока душа не очищалась отъ земныхъ грѣховъ и не удостоивалась вѣчной жизни съ богами. Если вѣра въ переселеніе душъ и существовала у Египтянъ, то она не имѣла у нихъ такого обширнаго значенія, какъ въ Индіи. Души праведныхъ переходили, послѣ суда Озиридова, въ жилища богасолнца и блаженствовали; и только души грѣшниковъ, не совѣмъ закоренѣлыхъ, подвергались переселеніямъ изъ одного животнаго въ другое до тѣхъ поръ, пока и онѣ не заслуживали прощенія.

Для предохраненія тѣлъ отъ гниенія и для сохраненія ихъ на вѣчныя времена, Египтяне употребляли бальзамированіе. Дѣломъ этимъ занимались особыя, закономъ уполномоченные мастера. Сначала они извлекали мозгъ черезъ ноздри, частью изогнутымъ желѣзомъ, частью же посредствомъ особенныхъ снадобьевъ, которыя впускались въ голову; потомъ острымъ камнемъ дѣлали разрѣзъ въ боку и черезъ это отверстіе вынимали внутренности. Человѣкъ, сдѣлавшій разрѣзъ, тотчасъ же убѣгалъ прочь, преслѣдуемый проклятіями родственниковъ умершаго и даже камнями, потому что онъ, содѣйствуя сохраненію трупа, все-таки временно вредилъ ему. Изъ этого видно, какъ Египтяне дорожили неприкосновенностью труповъ. Вынутыя внутренности очищались, перемывались пальмовымъ виномъ и напивались душистыми веществами. Потомъ бальзамировщики наполняли тѣло чистою миррою, корицею и прочими ароматами, за исключеніемъ ладана. Зашивши разрѣзъ, они покрывали трупъ щелочною солью и оставляли его въ такомъ положеніи ровно 70 дней, по истеченіи которыхъ обмывали его и обвертывали съ головы до ногъ хлопчатобумажными повязками, пропитанными аравійскою камедью. На грудь покойника обыкновенно клали священнаго жука, символъ Пта, бога истины и свѣта.

Этимъ способомъ бальзамированія Египтяне дѣйствительно не допускали тѣла умершихъ до гниенія и уничтоженія. До сихъ поръ сохранилось множество мумій съ кожей и волосами, не смотря на то, что тысячи лѣтъ прошли послѣ ихъ погребенія. Гробы,

гдѣ сохранялись тѣла, четырехугольные или имѣющіе форму тѣла, украшались въ ногахъ изображеніемъ Изиды, а въ головахъ изображеніемъ небесной богини Нупты. На крышкѣ гроба всегда означалось имя и состояніе умершаго, и всегда писалась молитва къ Озириду, чтобы онъ «соблаговолилъ допустить благочестивую душу въ обитель праведныхъ, чтобы мертвый глядѣлъ, какъ глядятъ благочестивыя души, чтобы онъ слышалъ, какъ онѣ слышатъ, чтобы онъ сидѣлъ, какъ онѣ сидятъ» и т. д. въ этомъ же родѣ. Богатымъ дѣлали двойные и тройные гробы изъ крѣпкаго дерева, влагавшіеся одинъ въ другой, или изсѣкали изъ гранитныхъ глыбъ *саркофаги*. Въ гробъ всегда клали любимые сосуды покойника, опись его имущества и папирусный свитокъ, заключавшій въ себѣ описаніе погребенія, молитвы, съ которыми умершій обращался къ богамъ подземнаго царства, изображеніе ада и жизни праведныхъ душъ въ обителяхъ Ра и картину положенія грѣшниковъ въ Аментесѣ. Послѣ того покойника торжественно отвозили въ гробницу, украшенную картинами, или скульптурными изображеніями, представлявшими его занятія, должность и важнѣйшія случаи изъ его жизни. Если онъ былъ государственнымъ человѣкомъ или жрецомъ, то передъ гробомъ несли знаки его достоинства; если же онъ былъ заслуженнымъ военачальникомъ, то за гробомъ слѣдовали боевыя колесницы. Самый гробъ вѣхалъ въ лодкѣ на полозьяхъ; это означало, что душа покойника плыветъ къ западу, въ подземное царство, какъ богъ Ра плыветъ послѣ полудня въ царство тьмы, въ мрачный

Аментесь. Шествіе всегда сопровождали наемныя пла-
кальщицы и мужчины съ пальмовыми вѣтвями. Дойдя
до гробницы, жрецы приносили въ жертву быка и
возжигали богамъ ладанъ, а присутствовавшіе при по-
гребеніи приносили въ память умершаго дары и вос-
хваляли его за то, что онъ былъ хорошо воспитанъ,
уважалъ боговъ, соблюдалъ справедливость и вель
воздержную жизнь. Затѣмъ родственники умершаго
молились богамъ о принятіи души его въ обитель бла-
женныхъ; толпа пѣла и прославляла вѣру умершаго,
который за свои добрыя дѣла будетъ наслаждаться
вѣчною жизнью; потомъ ставили въ гробъ глиняные
сосуды съ водою и жертвенные пироги, и наконецъ
гробница закрывалась навсегда. Бѣдныхъ хоронили въ
общихъ, большихъ пещерахъ, принадлежавшихъ хра-
мамъ, за что послѣдніе получали извѣстную плату.

Чтобы наслаждаться долготѣіемъ и благоденствіемъ
на землѣ и достигнуть вѣчнаго блаженства въ обите-
ляхъ бога-солнца, Египтяне строго исполняли пред-
писанія религіи. Но недостаточно было умилостивлять
боговъ жертвоприношеніями, строить богатые храмы,
украшать ихъ великолѣпными галереями, залами, ко-
лоссами; недостаточно было совершать торжественныя
праздники въ честь боговъ, кадить передъ божескими
изображеніями, умащать ихъ благовонными мазями:
вся жизнь Египтянина должна была посвящаться слу-
женію богамъ, совершенію добрыхъ дѣлъ и соблюде-
нію чистоты душевной и тѣлесной.

Живя въ странѣ исключительной, особенной, отдѣ-
ленной отъ другихъ земель морями и пустынями, Егип-

тяне считали самихъ себя особеннымъ, чистымъ племенемъ, а на чужеземцевъ смотрѣли какъ на племена нечистыя, лживыя. Поэтому они всячески избѣгали близкихъ сношеній съ иностранцами и ревниво охраняли свою племенную чистоту. Но въ собственной ихъ жизни было много такого, что почиталось вреднымъ и нечистымъ: въ противоположность благодѣтельнымъ дарамъ природы и добрымъ богамъ, у нихъ были зловредные боги и нечистыя животныя и растенія, происновеніе къ которымъ почиталось дѣломъ грѣховнымъ, оскверняющимъ. Оттого-то для блага жизни земной и небесной, необходимо было удаляться отъ всего нечистаго, заботиться о чистотѣ тѣла и воздерживаться отъ употребленія въ пищу извѣстныхъ животныхъ и нѣкоторыхъ плодовъ.

Мало-по-малу забота о чистотѣ вошла у Египтянъ въ привычку, въ опредѣленные обычаи, изъ которыхъ потомъ возникли нравственные правила и законы, приведенные жрецами въ извѣстный порядокъ. «Египтяне — говоритъ Геродотъ — очень религіозны и богобоязливы. Въ этомъ отношеніи они превосходятъ всѣхъ прочихъ людей.» Вотъ нѣкоторые изъ ихъ религіозныхъ обычаевъ. Жители каждаго округа считались данниками своего мѣстнаго бога и обязаны были приносить ему жертвы. Дѣти мужескаго пола подвергались обрѣзанію. Какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ одинаково стригли; волосы тѣхъ и другихъ хранились въ каждомъ округѣ стражами священныхъ животныхъ. Бобы, пшеница, ячмень, мясо многихъ и головы всѣхъ вообще животныхъ принадлежали къ числу запрещен-

ныхъ яствъ. Голова животного, приносимаго въ жертву богамъ, отрѣзывалась и бросалась въ рѣку, съ моленіемъ, чтобы на нее пали несчастія, грозившія жертвователямъ. Египтяне никогда не ѣли за однимъ столомъ съ чужеземцами, не пили изъ сосуда, изъ котораго пилъ чужеземецъ, и не ѣли мяса, свареннаго въ посудѣ чужеземца, потому что всѣ чужеземцы и ихъ сосуды считались нечистыми. Особенно наблюдали за чистотою тѣла: часто мылись и по три раза въ мѣсяцъ принимали очистительныя средства: слабительное и рвотное. Они всегда носили чисто вымытое льняное платье; шерстяное же платье хотя и дозволялось имъ носить, но запрещалось въ немъ входить въ храмъ или хоронить мертваго. Во времена особенныхъ бѣдствій и печали, послѣ смерти царя или близкаго родственника, мужчины и женщины воздерживались отъ купанья, бѣгали по улицамъ, громко рыдали, били себя въ грудь и посыпали голову прахомъ. Во время траура мужчины брили брови, отращивали волосы на головѣ и бородѣ и не смѣли надѣвать платья свѣтлыхъ цвѣтовъ.

Жрецы подчинялись еще болѣе строгимъ правиламъ. Днемъ и ночью они мылись по два раза и черезъ каждые два дня брили все свое тѣло, въ особенности бороду и брови, для того, чтобы на тѣлѣ у нихъ не заводилось никакой нечистоты. Они могли носить только льняное виссоновое платье и библоскую обувь (*); всякое другое платье оскверняло жре-

(*) Библосъ — финикійскій городъ.

цовъ. Свинину, баранину и мясо многихъ другихъ животныхъ запрещалось имъ употреблять въ пищу, а на бобы имъ не дозволялось даже смотрѣть. Жрецы часто постились и бичевали себя иногда по семи дней, а однажды въ годъ въ теченіе сорока двухъ дней, чтобъ уничтожить въ себѣ сорокъ два смертныхъ грѣха. Наконецъ имъ дозволялось имѣть только одну жену, тогда какъ остальные Египтяне могли имѣть столько женъ, сколько хотѣли.

Жреческое сословіе раздѣлялось на многіе классы и общества. Преданія, обычаи и особенныя священныя церемоніи каждой области передавались наследственно въ жреческихъ семействахъ главнаго областного храма. При каждомъ храмѣ были верховные жрецы, завѣдывавшіе храмомъ и всѣми храмовыми служителями. Кромѣ верховнаго жреца, при храмахъ были: пророки, распорядившіеся жертвоприношеніями и возвѣщавшіе волю боговъ, храмовые писцы и вмѣстѣ съ тѣмъ храмовые архитекторы, звѣздочеты, ежедневно наблюдавшіе теченіе свѣтилъ, пѣвчіе, пѣвшіе во время богослуженія хвалебныя гимны богамъ, и стилисты, заботившіеся объ облаченіи храмовыхъ боговъ и украшеніи храма. Наконецъ при храмахъ было много прислужниковъ; къ нимъ принадлежали: стражи священныхъ животныхъ, пастофоры, носившіе во время процессій изображенія боговъ и занимавшіеся бальзамированіемъ тѣлъ, подметальщики, и много другихъ. Жрецы ни въ чемъ не нуждались; все у нихъ было готовое, и они могли свободно заниматься исполненіемъ своихъ священныхъ обязанностей. «Каж-

дый день — говоритъ Геродотъ — для нихъ пекутъ священные хлѣбы и приносятъ имъ овощей, гусей, телятины и вина въ изобиліи.»

Жрецы занимали въ обществѣ самое высокое положеніе: они были окружены всеобщимъ уваженіемъ, обладали большими наслѣдственными имуществами и имѣли свой совершенно независимый кругъ дѣятельности. Они привели къ единству все народныя сказанія о богахъ, опредѣлили свойства и вліяніе различныхъ боговъ на судьбу людей, изложили въ стройномъ порядкѣ нравственныя правила и предписанія религіи и утвердили религіозное ученіе страхомъ наказанія по смерти за неисполненіе божественныхъ законовъ и наградами за чистую и угодную богамъ жизнь. Сверхъ того, они изобрѣли письмо, какъ необходимое средство для передачи потомству ученія о богахъ и памяти о замѣчательныхъ событіяхъ прошлой жизни.

Главною, отличительною чертою характера Египтянъ было постоянство и сильное стремленіе оставаться всегда вѣрными своей родинѣ, преданьямъ старины, привычкамъ, обычаямъ и законамъ предковъ. Все, однажды явившееся, однажды жившее, должно было вѣчно жить, подобно тому, какъ вѣчно и неизмѣнно свѣтило благодѣтельное солнце, какъ постоянно и въ извѣстное время наступало разлитіе Нила, зеленѣла долина, собиралась жатва, за которою неизмѣнно появлялся ненавистный Тифонъ, ужасный зной. Все было вѣчно въ странѣ Египтянина, и самъ онъ хотѣлъ увѣковѣчить свою жизнь. Цари сохраняли па-

мять о своихъ дѣлахъ храмами, обелисками, скульптурными изображеніями на стѣнахъ дворцовъ, а частные люди украшали свои гробницы картинами, изображавшими образъ жизни, занятія и важнѣйшіе случаи изъ жизни покойниковъ. Эти изображенія были началомъ письма.

Образное письмо существовало у многихъ народовъ на первыхъ ступеняхъ развитія, у Мексиканцевъ, на примѣръ. Но картиною, изображеніемъ какого нибудь событія, нельзя передать всего, о чемъ человѣкъ думаетъ, что онъ чувствуетъ. На картинѣ представлено, на примѣръ, что два человѣка сражаются; оба они въ одинаковомъ платьѣ, оба одного роста, однѣхъ силъ. Что мы поймемъ изъ такой картины, если намъ не объяснить кто нибудь, что это за люди, и изъ-за чего они вступили въ бой? Отсюда ясно, что образное письмо весьма несовершенно; имъ нельзя выражать самыхъ простыхъ вещей и понятій. Для полнаго выраженія идей, необходимы такіе знаки, которые могли бы замѣнять устную рѣчь; эти знаки называются буквами. Всякая буква имѣетъ свое особенное, условное начертаніе и свой особенный звукъ; поэтому, читая буквы, эти условные звуковые знаки, мы какъ будто слышимъ живую рѣчь и совершенно ясно понимаемъ написанное. Такое письмо, принятое почти всѣми образованными народами древняго и новаго міра, называется звуковымъ, въ отличіе отъ образнаго или картиннаго письма.

Переходъ отъ образнаго письма къ звуковому совершается чрезвычайно медленно и съ большими уси-

ліями. Сначала Египтяне употребляли только простыя изображенія для выраженія самыхъ обыкновенныхъ понятій, подѣ которыми и понимали только то, что было изображено; но потомъ, въ слѣдствіе недостаточности такого письма, они начали прибавлять къ нему условныя образы, имѣвшіе уже не прямое, а косвенное значеніе; такъ напримѣръ, подѣ крестомъ они условились понимать не самый крестъ, а *жизнь*; кругъ за солнцемъ означалъ у нихъ теченіе дня, *день*; страусовое перо, священнѣйшій знакъ истины — *истину*, идущая птица — *путешествіе* и т. д. Къ этимъ символическимъ образамъ, заключавшимъ въ себѣ не понятіе о самихъ предметахъ, а то, что предметы собою напоминали, и что подѣ ними всѣ условились понимать, мало-по-малу стали присоединяться образныя звуки, т. е. изображенія такихъ предметовъ, названіе которыхъ начиналось извѣстнымъ звукомъ. Такъ, для выраженія звука *м*, Египтяне рисовали сову, названіе которой по-египетски начиналось буквою *м* (мулагъ); для выраженія звука *а*, они рисовали орла, названіе котораго начиналось буквою *а* (ахене). Такимъ образомъ, азбука египетская составилаь изъ троякаго рода изображеній: а) изъ такихъ, подѣ которыми разумѣли только то, что они собою выражали; б) изъ предметовъ символическаго содержанія, и наконецъ в) изъ образныхъ звуковъ. Чтобы облегчить чтеніе словъ, составленныхъ изъ изображеній различнаго рода, Египтяне надѣ тѣми изображеніями, которыя нужно было выговаривать для полученія звука, рисовали ротъ. Образныя египетскія письмена извѣстны подѣ име-

немъ *іероглифовъ* или священныхъ письменъ. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія смыслъ ихъ былъ совершенно непонятенъ; но благодаря трудамъ новѣйшихъ ученыхъ — Шампольона, Юнга, Лепсіуса, Бунзена, Бругша и нѣкоторыхъ другихъ, чтеніе *іероглифовъ* сдѣлалось доступнымъ. Египтяне, какъ показываютъ новѣйшія изслѣдованія объ ихъ языкѣ, употребляли четыре рода письма: *іероглифическое* или священное, *іератическое* или жреческое, *демотическое* или народное и *коптское*.

Іероглифическое или священное письмо употреблялось преимущественно на надгробныхъ памятникахъ и для молитвъ. Египтяне сами называли это письмо «письмомъ божественнаго слова». Это было древнѣйшее и первоначально единственное письмо Египтянъ. Знаки его, болѣе или менѣе вѣрныя изображенія видимыхъ предметовъ всякаго рода, или вырѣзывались на памятникахъ, или дѣлались выпуклыми, какъ бы накладными, подобно металлическимъ буквамъ, которыя у насъ накладываются на мраморныхъ и гранитныхъ памятникахъ. Часто *іероглифы* раскрашивались. На гладкихъ стѣнахъ гробницъ они являются то разноцвѣтными, то одноцвѣтными; а иногда ихъ означали только простыми очертками, безъ красокъ, какъ это чаще всего встрѣчается на папирусныхъ свиткахъ, содержащихъ въ себѣ молитвы къ подземнымъ богамъ. *Іератическое* или жреческое письмо употреблялось преимущественно въ позднѣйшее время для жреческой литературы и священныхъ книгъ; оно есть упрощеніе и сокращеніе *іероглифическаго* письма, какъ бы скоропись *іероглифическая*. Древнѣйшіе слѣды *іератиче-*

скаго скорописнаго письма встрѣчаются, какъ исключеніе, во времена древняго мемфисскаго царства, на пирамидахъ въ Гизе и на гробахъ, ихъ окружающихъ. Демотическое или народное письмо, развившееся изъ іератическаго и представляющее еще большее упрощеніе іероглифическаго письма, появилось во времена Псамметиха, вызванное новыми народными потребностями въ слѣдствіе сближенія Египтянъ съ Греками. Оно употреблялось народомъ въ обыкновенной жизни для разныхъ договорныхъ актовъ, въ исковыхъ прошеніяхъ, счетахъ, письмахъ и т. п. Въ то время, какъ жрецы и ученые занимались священною литературою и древнимъ языкомъ, народъ все больше и больше уклонялся отъ іероглифическаго языка, развивая и упрощая іератическое письмо. Эти три рода письма существовали еще въ первые вѣка христіанской эры. Съ принятіемъ христіанства отъ Грековъ, Египтяне приняли въ свой языкъ, для богослужебныхъ книгъ, и греческій алфавитъ; но такъ какъ въ этомъ алфавитѣ не доставало нѣсколькихъ звуковъ, свойственныхъ египетскому языку, то для нихъ удержаны были шесть знаковъ іератическаго письма. Это письмо, перешедшее къ Коптамъ, потомкамъ древнихъ Египтянъ, называется коптскимъ.

Уже во времена древняго царства, при мемфисскихъ фараонахъ, іероглифы были во всеобщемъ употребленіи. На гробницахъ, окружающихъ древнѣйшія пирамиды, изображены писцы, записывающіе количество стадъ и число мѣшковъ съ хлѣбомъ, который они принимаютъ въ хлѣбные магазины. Вездѣ на па-

мятникахъ встрѣчаются царскіе писцы, считающіе и записывающіе число убитыхъ на войнѣ, число плѣнниковъ и количество добычи. Колонны, стѣны дворцовъ, храмы, обелиски, пилоны и даже домашняя утварь покрыты іероглифическими надписями. Въ послѣдствіи распространенію письменности много способствовалъ весьма удобный матеріалъ, на которомъ писали Египтяне — это такъ называемый папирусъ, родъ бумаги, приготовлявшійся изъ папируснаго кустарника. Кустарникъ этотъ, достигающій саженой вышины, принадлежитъ къ роду тростниковыхъ растеній; теперь онъ рѣдко встрѣчается въ нижнемъ Египтѣ, но прежде произрасталъ тамъ въ изобиліи. Онъ отличается голыми, безлиственными, трехугольными стеблями, толщиной въ руку; изъ него Египтяне приготовляли обувь, канаты, паруса, одежду, многія другія вещи и въ послѣдствіи папирусные свитки, похожіе на писчую бумагу или на тонкое полотно. Бумагу эту приготовляли слѣдующимъ образомъ: снимали со стебля кожицу тонкими слоями, растягивали ихъ на доскѣ, смоченной нильскою водою, и потомъ намачивали горячею нильскою же водою, имѣющею клейкое свойство; на одинъ слой накладывали другой, крѣпко сжимали ихъ, высушивали на солнцѣ и выглаживали. Приготовленная такимъ способомъ бумага была очень удобна для письма и прочна, какъ это доказывается безчисленнымъ множествомъ папирусныхъ свитковъ, сохранившихся въ еивскихъ гробницахъ.

Съ развитіемъ іероглифическаго письма, жрецы озаботились начертаніемъ божественнаго ученія, всѣхъ

религіозныхъ постановленій и нравственныхъ правилъ. Уставы церковнаго богослуженія, религіозные обряды, молитвы, порядокъ праздниковъ, замѣчательныя историческія событія и дѣянія царей и замѣчательныя естественныя явленія — все это было приведено въ стройный порядокъ и вошло въ священный канонъ или священныя книги. Жреческій канонъ состоялъ изъ сорока двухъ книгъ. Десять пророческихъ книгъ излагали божественное ученіе и законы божественные и гражданскіе; десять обрядовыхъ книгъ заключали въ себѣ правила богослуженія и обряды жертвоприношеній для всѣхъ жертвъ; десять писцовыхъ книгъ излагали письменное искусство (ученіе объ іероглифахъ), строительное искусство, ученіе о священныхъ мѣрахъ и вѣсахъ и землемѣріе. Астрологическія книги (четыре) говорили о порядкѣ теченія солнца, о восхожденіи и захожденіи звѣздъ; двѣ книги пѣсней содержали хвалебныя пѣсни богамъ и царямъ; наконецъ шесть врачебныхъ книгъ излагали правила о сохраненіи здоровья, потому что жрецы занимались и медицинскимъ искусствомъ.

Священныя книги распредѣляютъ боговъ, по степени ихъ важности, на два разряда: на высшихъ, управляющихъ, и на низшихъ, подчиненныхъ первымъ. По ученію мемфисскихъ жрецовъ, Пта, богъ свѣта, стоитъ во главѣ всѣхъ боговъ; за нимъ слѣдуютъ богъ-солнце, Ра, боги небеснаго пространства Себъ и Нупта, ихъ дѣти Озиридъ и Изиды, Тифонъ и Нефтида, потомъ Горосъ и Гатора. Египетскіе жрецы ставили во главѣ боговъ Аммона вмѣсто Пта, а мѣсто Ра въ верх-

немъ Египтъ занимали два бога: Менту, дневное, и Атму, почное солнце. За великими богами слѣдовали, по ученію мемфисскихъ и еивскихъ жрецовъ, двѣнадцать меньшихъ боговъ, во главѣ которыхъ былъ небесный писецъ Тотъ; далѣе шли полубоги и геніи. Сколько можно судить по указаніямъ древнѣйшихъ памятниковъ египетскаго искусства, Египтяне принимали происхожденіе однихъ боговъ отъ другихъ. Они полагали, что вселенную создали боги, управлявшіе сначала всѣмъ міромъ и Египтомъ. Первымъ всемірнымъ владыкою былъ богъ свѣта Пта, потомъ слѣдовали царствованія другихъ великихъ боговъ — Ра, Себа, Озирида, Гороса и Тифона; имъ наслѣдовали боги второго разряда, во главѣ которыхъ стоялъ Тотъ; за этими богами царствовали полубоги, и наконецъ владычество надъ Египтомъ перешло къ царямъ. По священнымъ книгамъ, первымъ царемъ въ Египтѣ былъ Менесъ.

Хотя лѣтоисчисленіе жрецовъ въ глубокой древности и не отличалось точностью, но ихъ астрономическія наблюденія и вычисленія поражаютъ своею вѣрностію. Первоначально Египтяне считали годъ въ 360 дней, согласуясь съ временемъ разлитія Нила и годовымъ теченіемъ солнца; но уже за двѣ слишкомъ тысячи лѣтъ до Р. Х. они замѣтили невѣрность такого счета и прибавили къ своему году еще пять добавочныхъ дней. Новый годъ у нихъ начинался лѣтомъ, съ лѣтняго поворота солнца, т. е. съ 20 іюля по нашему юліанскому календарю. Годъ дѣлился на двѣнадцать мѣсяцевъ, носившихъ имена главныхъ боговъ,

мѣсяцы на дни, какъ у насъ, день и ночь имѣли по двѣнадцати часовъ. Такъ какъ разлитіе Нила находилось въ тѣсной связи съ лѣтнимъ поворотомъ солнца, то уже въ глубокой древности Египтяне наблюдали надъ теченіемъ дневного свѣтила, которое способствовало разлитію Нила, содѣйствовало быстрой растительности и вмѣстѣ съ тѣмъ было всемогущимъ богомъ, «отцомъ боговъ» и «владыкою обоихъ міровъ». И звѣзды имѣли глубокое и таинственное значеніе для Египтянъ: онѣ вліяли на судьбу людей, на счастье или несчастіе въ жизни; астрологи дѣлали наблюденія надъ ними и записывали ихъ положеніе, время появленія на горизонтъ и пору, когда онѣ скрывались. «Если гдѣ нибудь — говоритъ Діодоръ — дѣлаются точныя наблюденія надъ положеніемъ и движеніемъ небесныхъ свѣтилъ, то это у Египтянъ. Замѣчанія о каждой звѣздѣ хранятся у нихъ съ незапамятныхъ временъ. Оттого-то Египтяне умѣютъ опредѣленно предсказывать солнечныя и лунныя затменія.»

Жрецы заботились о правильности не только астрономическихъ наблюденій, но и мѣръ и вѣсовъ. Они одни исключительно занимались врачеваніемъ и, по увѣренію Діодора, слѣдовали строго предписаніямъ закона, лѣчили по священнымъ лечебнымъ книгамъ. Геродотъ говоритъ, что каждая болѣзнь имѣла своего врача. «Врачеваніе такъ мудро ведется у Египтянъ, говоритъ онъ, что всякій врачъ занимается только одною болѣзнью, а не многими. Одни лѣчатъ глазныя болѣзни, другія головныя; тѣ лѣчатъ отъ зубной

боли, другіе отъ страданій желудка, иные, наконецъ, отъ внутреннихъ болѣзней.»

Не только науки, но и искусства обязаны были первоначально своимъ развитіемъ жреческому сословію. По планамъ и наставленіямъ жрецовъ, близко знакомыхъ съ требованіями религіи, строились пирамиды и храмы. Изображенія боговъ и всѣ религіозныя картины будущей жизни строго должны были сообразоваться съ жреческими указаніями и никогда не отступали отъ однажды принятыхъ священныхъ формъ. Строительное искусство Египтянъ оставалось всегда вѣрнымъ народному характеру: простота, величіе, прочность и долговѣчность составляютъ главныя и неизмѣнныя свойства ихъ архитектурныхъ сооружений. Скульптура и живопись были вспомогательными искусствами архитектуры; онѣ украшали зданія и передавали грядущимъ потомкамъ сказанія о величіи боговъ, о блаженствѣ загробной жизни чистыхъ душъ и мученіяхъ грѣшниковъ въ Аментесѣ, о дѣяніяхъ царей и о народной жизни. Не смотря на то, что искусство египетское очень долго держалось однажды усвоенныхъ священныхъ формъ, въ блестящія времена египетскихъ царей оно начинаетъ развиваться, мало-по-малу оставляетъ свои древніе, однообразныя пріемы и въ царствованіе Рамзеса Великаго достигаетъ высшаго своего развитія. Древнѣйшіе архитектурные памятники — пирамиды и окружающіе ихъ гробы, отличаются простотой формы и линій и безжизненностью скульптурныхъ изображеній; египетскіе храмы, дворцы, колоссы и обелиски поражаютъ величіемъ плана, разно-

образіемъ формъ и линій, нарядностью и большимъ искусствомъ въ отдѣлкѣ колоннъ и капителей и красотою рисунка.

Египтяне занимались поэзіей и музыкой. Извѣстно, что при храмахъ были пѣвчіе, восхвалявшіе боговъ и царей по священнымъ книгамъ пѣсней. При богослуженіи употреблялись музыкальные инструменты, преимущественно арфа. До насъ не дошли богослуженныя пѣсни Египтянъ; но, судя по немногимъ молитвамъ, воззваніямъ и надписямъ, видно, что у нихъ не было недостатка въ фантазіи и величіи образовъ, хотя и они, подобно всѣмъ восточнымъ народамъ, впадали въ преувеличеніе и утомительное повтореніе одного и того же. Древнѣйшія надписи временъ строителей пирамидъ отличаются большею простотою и силою; позднѣйшія иногда непріятно поражаютъ своею напыщенностью.

6. Государственное устройство, нравы и обычаи Египтянъ.

Какъ ни значительно было положеніе жрецовъ среди народа, тѣмъ не менѣе нельзя допустить, чтобъ они управляли странюю, чтобъ въ рукахъ жреческой аристократіи сосредоточивалась политическая власть надъ Египтомъ. Жрецы занимали самое видное мѣсто въ государствѣ, но они подчинялись власти царя на равнѣ съ остальными сословіями. Цари управляли странюю неограниченно, деспотически. Деспотизмъ, эта

обыкновенная на востокѣ форма правленія, былъ особенно сильно развитъ въ Египтѣ. «Египтяне — говорятъ Діодоръ — почитали своихъ царей и поклонялись имъ, какъ настоящимъ богамъ.» Памятники совершенно подтверждаютъ эти слова; на нихъ мы видимъ преклоненными предъ царями не только предводителей войска, правителей областей, но и жрецовъ. Конечно, въ этомъ высказывается всеобщій обычай восточныхъ народовъ приближаться на колѣняхъ къ своимъ царямъ, отъ одного знака которыхъ зависѣла нерѣдко жизнь и смерть подданнаго; но Египтяне оказывали своимъ царямъ божескія почести въ слѣдствіе религіозныхъ преданій о томъ, что цари получили власть отъ боговъ, правившихъ нѣкогда Египтомъ. Царь, въ понятіи народа, не только происходилъ отъ боговъ, но и самъ былъ богомъ страны; онъ былъ для подданныхъ не только сыномъ Аммона и солнца, но и «самимъ солнцемъ, дарованнымъ міру», «подавателемъ жизни», подобно богу-солнцу, потому что въ его власти было уничтожить своихъ рабовъ-подданныхъ. Подобно богамъ, онъ властитель правосудія и истины, потому что охраняетъ порядокъ въ странѣ, награждаетъ добрыхъ, наказываетъ злыхъ и не допускаетъ въ страну нечистыхъ (непріятелей). Царь называется «всемогущимъ Горосомъ», благодѣтелемъ страны, а царица — матерью Египта, Изидой. Если Египтяне въ священныхъ животныхъ видѣли боговъ и имъ поклонялись, то какъ имъ было не поклоняться царямъ, обладавшимъ божественными свойствами — властью надъ жизнью и смертью подданныхъ, охра-

няющею силою правосудія и безграничнымъ полно-властіемъ надъ всею страню? Обогащеніе царей, первые признаки котораго встрѣчаются еще при древнихъ мемфисскихъ фараонахъ, оставалось въ силѣ во все время политической самостоятельности египетскаго народа.

Цари, стоявшіе во главѣ управленія, были вмѣстѣ съ тѣмъ верховными жрецами и ходатаями предъ богами о народѣ и царствѣ. Изображенія на памятникахъ доказываютъ, что цари совершали жертвоприношенія сами, безъ посредства жрецовъ. Кромѣ того, изъ надписей на древнѣйшихъ памятникахъ видно, что жрецы, храмовые пророки и пѣвцы были *служителями* того или другаго царя. Тоже свидѣтельствуеетъ и Діодоръ, который говоритъ, что царямъ служили не рабы, но дѣти знатнѣйшихъ жрецовъ. Власть жрецовъ надъ царями ограничивалась тѣмъ нравственнымъ вліяніемъ, какое имѣла надъ послѣдними религія. Если царь былъ набоженъ, то и жрецы, пользуясь его благосклонностью, могли имѣть на него вліяніе; если же онъ не чувствовалъ особеннаго влеченія къ святости, то и жрецы не рисковали напоминать ему о его религіозныхъ обязанностяхъ.

Для доказательства, что египетскіе цари управляли страню неограниченно, подобно всѣмъ деспотическимъ правителямъ Востока, достаточно указать на памятники древнѣйшихъ фараоновъ, на величайшія пирамиды и остатки храмовъ. Подумайте, сколько долженъ былъ выстрадать народъ, и сколько его погибло среди тяжкихъ трудовъ «египетской работы», пока возникли эти

громадныя сооруженія! Сообразите, какъ великъ былъ гнетъ царской власти, если народъ, при всемъ своемъ благоговѣннн къ царямъ, не согласился, чтобъ Хеопсъ и Хефренъ покоились въ своихъ пирамидахъ, и если, двѣ тысячи лѣтъ спустя, во времена Геродота, жива была еще въ народѣ память объ этихъ жестокихъ и безбожныхъ царяхъ! Вспомните наконецъ, что уже въ позднѣйшія времена, не за долго до паденія Египта, при постройкѣ канала царя Нехо, погибло 120,000 человѣкъ отъ усиленныхъ работъ среди знойной и безводной пустыни! И все это дѣлалось большею частью для того, чтобъ передать потомству память о своихъ дѣлахъ! Но незавидна та память о царѣ, которая черезъ нѣсколько тысячъ лѣтъ заставляетъ призадуматься и пожалѣть о бесполезной гибели сотенъ тысячи народа. «Постройки фараоновъ, говоритъ Дункеръ, суть памятные записки ихъ царствованій, писанныя камнемъ.»

Фараоны были окружены блескомъ и великолѣпнємъ восточныхъ деспотовъ. На стѣнахъ дворца въ Мединетъ-Габу Рамзесъ III велѣлъ изобразить свое восшествіе на престоль. Торжественное царское шествіе открываютъ трубачи, за которыми слѣдуютъ сановники и прочія власти. Двадцать два жреца несутъ статую Аммона; за ними идутъ жрецъ съ курильницей и писецъ, читающій манифестъ. Далѣе, двѣнадцать богато одѣтыхъ мужей несутъ на тронномъ креслѣ, подъ балдахиномъ, царя; съ боковъ идутъ сановники, навѣвающіе царю прохладу большими опахлами; другіе несутъ царское оружіе и знаки царской

власти. За царемъ слѣдуютъ предводители арміи, тѣлохранители и жрецы съ вензеловыми изображениями именъ предшественниковъ царя. Дальше изображено, какъ царь сходитъ съ трона, приближается къ Аммону, возжигаетъ ему ладанъ и срѣзываетъ колосья золотымъ серпомъ. Надъ царемъ летаютъ четыре голубя, которымъ, какъ говоритъ надпись, велѣно верховнымъ жрецомъ отнести вѣсть богамъ востока, запада, сѣвера и юга о томъ, что царь вступилъ на царство. Послѣ этого жрецы умащали царя благовонными мазями, чтобъ и ему, земному богу, воздать почести небесныхъ боговъ. Наконецъ царь украшался высокою желтою короною верхняго Египта и красною низкою короною нижняго Египта.

Фараоны окружали себя огромнымъ придворнымъ штатомъ, во главѣ котораго стоялъ министръ двора; потомъ шли: хранитель царскаго лука, носитель лука, носители царской мантіи, носитель зонтика, начальникъ тѣлохранителей, предводитель царскихъ стрѣлковъ, смотритель надъ царскими магазинами въ верхнемъ и нижнемъ Египтѣ, надзиратель надъ царскими стадами и много другихъ чиновъ. Царская домашняя утварь блестяла золотомъ и серебромъ; царскія лодки изображаются позолоченными, съ разноцвѣтными парусами. Оивскія царскія гробницы подробнѣйшимъ образомъ представляютъ домашній бытъ фараоновъ: украшенія царскаго дворца, торжественные выѣзды царей, обѣды, устройство царской кухни и т. п.

По разсказамъ жрецовъ, Діодоръ слѣдующимъ образомъ описываетъ ежедневную жизнь фараоновъ.

Проснувшись, царь прежде всего читалъ донесенія, поступавшія къ нему со всѣхъ сторонъ царства; потомъ купался, надѣвалъ знаки своего достоинства и приносилъ жертвы богамъ. Когда приводили жертвенное животное, верховный жрецъ молился богамъ, чтобы они даровали царю жизнь и всякое благо. Въ то же время жрецъ обязанъ былъ исчислять добродѣтели царя. Онъ называлъ его благочестивымъ, кроткимъ, сильнымъ, справедливымъ, великодушнымъ, врагомъ лжи, другомъ добра, владыкою своихъ страстей, снисходительнымъ и щедрымъ судією. Потомъ жрецъ слагалъ грѣхи царя на правителей и царскихъ совѣтниковъ и увѣщавалъ монарха не горькими укоризнами, но пріятными похвалами добродѣтели. По принесеніи жертвы, жрецъ читалъ царю изреченія и жизнеописанія замѣчательнѣйшихъ мужей, извлеченныя изъ священныхъ книгъ съ тою цѣлью, чтобы царь могъ слѣдовать хорошимъ примѣрамъ. Также строго была распредѣлена остальная часть дня; для прогулокъ, купанья, обѣда и проч. назначалось опредѣленное время; назначенъ былъ даже извѣстный часъ, когда фараонъ могъ проводить время въ обществѣ своей жены. Пища царя была простая: онъ ѣлъ только телятину и гусей и пилъ немного вина.

Стѣснительныя правила царской жизни объясняются вѣрою Египтянъ въ благодѣтельное и вредное вліаніе звѣздъ на судьбу людей: распредѣленіе времени царя соотвѣтствовало, по астрологическимъ наблюденіямъ жрецовъ, счастливымъ часамъ дня, именно такимъ, когда можно было заниматься съ успѣхомъ только

извѣстными дѣлами. Кромѣ того, правильная жизнь соотвѣтствовала постоянному характеру Египтянъ. Не должно впрочемъ думать, что цари строго подчинялись правиламъ, составленнымъ жрецами. Правила существовали; но жрецамъ часто приходилось смотрѣть на нихъ только какъ на желаемый и возможный образецъ царскаго поведенія. Цари слѣдовали правиламъ только тогда, когда имъ этого хотѣлось, и нисколько не стѣснялись нарушать ихъ, если правила не соотвѣтствовали ихъ наклонностямъ. Это ясно высказывается въ исторіи послѣднихъ царей, которые, познакомившись съ Греками, совершенно уклонились отъ жизни древнихъ фараоновъ и древнихъ обычаевъ египетскаго двора.

Кончину царя Египтяне оплакивали въ продолженіи семидесяти двухъ дней. Въ это время всѣ должны были воздерживаться отъ купанья, мясной пищи и вина, пока не входилъ на престолъ новый царь. Вѣроятно, печаль о смерти царя соотвѣтствовала скорби о смерти Озирида, убитаго Тифономъ: Тифонъ царствовалъ надъ Египтомъ семьдесятъ два дня, пока его не побѣдилъ молодой Горосъ, сынъ Озирида.

Послѣ изгнанія Гиксосовъ, страна была раздѣлена на шестнадцать областей (*), которыми завѣдывали правители. Правители избирались царемъ изъ жрецовъ, изъ военной касты и даже изъ земледѣльцевъ; въ по-

(*) Число областей не при всѣхъ царяхъ было одинаково; ихъ было то больше, то меньше; въ позднѣйшія времена страна раздѣлялась на 46 округовъ, при Птоломеяхъ на 47.

мощь имъ назначались царскіе писцы и судьи, всегда избиравшіеся изъ сословія жрецовъ. Одни жрецы были свѣдуши въ законахъ, потому что законы нравственные и гражданскіе тѣсно соединялись съ божественнымъ ученіемъ. Прошенія и жалобы, отвѣты на нихъ и все дѣлопроизводство было письменное. Всѣ контракты и торговыя сдѣлки также излагались на бумагѣ и утверждались подписями многихъ свидѣтелей. Главное судебное мѣсто состояло изъ тридцати судей — десяти геліопольскихъ, десяти мемфисскихъ и десяти оивскихъ. Предсѣдатель суда избирался изъ числа этихъ же тридцати судей; онъ носилъ на груди, на золотой цѣпи, щитъ, украшенный драгоценными камнями, который Египтяне называли «истинной». Хотя законы Египтянъ отличались строгостью, но въ нихъ была извѣстная степень мягкости и справедливости, неизвѣстной многимъ народамъ древности. Такъ на примѣръ, убіеніе раба, какъ и убіеніе свободного гражданина, наказывалось смертью; сыновья всѣхъ женъ (у Египтянъ было многоженство) пользовались одинаковыми наследственными правами, рабство за долги не допускалось. Обманъ наказывался особенно строго: за клятвopреступленіе виновный подвергался смертной казни, за поддѣлываніе вѣсовъ или мѣръ и за подлогъ въ письменныхъ актахъ отрѣзывали руку. Больше употребительными наказаніями были: отрѣзываніе носа, вырѣзываніе языка и наказаніе палочными ударами по пятамъ.

Завоевательное стремленіе оивскихъ фараоновъ имѣло большое вліяніе на увеличеніе военной касты, ко-

торая еще при Геродотѣ, въ половинѣ пятаго столѣтія до Р. Х., могла выставить въ поле до 400,000 человѣкъ. Военныя поселенія занимали нѣкоторыя области верхняго Египта; ихъ было много въ среднемъ Египтѣ, въ округѣ оивскомъ, но больше всего въ дельтѣ и на восточныхъ границахъ царства. Каждое военное семейство было надѣлено семью десятинами отличной земли, свободной отъ всѣхъ податей и повинностей. Военная каста могла заниматься только земледѣліемъ, ремесла и торговля были ей воспрещены. Ежегодно военное сословіе поставляло для царской стражи по двѣ тысячи человѣкъ и содержало въ пограничныхъ городахъ и крѣпостяхъ гарнизоны; по истеченіи года, войска замѣнялись свѣжими, а отслужившіе отправлялись въ безсрочный отпускъ и занимались хозяйствомъ. Для походовъ вызывалось столько войска, сколько требовала необходимость. Исключительное занятіе оружіемъ развило въ военной кастѣ до нѣкоторой степени военное искусство. Войско раздѣлялось на большіе отряды или полки, имѣвшіе особыя знамена. Пѣхота двигалась по звуку трубъ правильными рядами; она была вооружена шлемами, щитами, копьями, кривыми ножами и луками. Кавалеріи не существовало; ее замѣняли боевыя колесницы, на которыхъ всегда бывало по два человѣка — возница, управлявшій лошадьми, и воинъ, стрѣлявшій изъ лука. Менше всего намъ извѣстны имущественныя отношенія Египтянъ. Кажется, вся страна принадлежала фараонамъ, которые были единственными поземельными собственниками и по божественному праву, какъ

наслѣдники боговъ, и по праву сильного, подобно всѣмъ деспотическимъ владыкамъ Востока. Фараоны отдѣляли часть своей земли для военной касты и часть на содержаніе жрецовъ и храмовые расходы; а всю остальную отдавали въ арендное содержаніе земледѣльцамъ, оставляя за собою лучшія поля для своихъ собственныхъ стадъ. Такимъ образомъ частныхъ земледѣльцевъ не было въ Египтѣ; были арендаторы, которые брали царскія земли на откупъ и обрабатывали ихъ, платя за право пользованія пятую часть годового дохода. Земледѣльцы, ремесленники и остальные сословія несли повинности и подати, а земли военной касты и жрецовъ были свободны отъ всѣхъ налоговъ.

Египтяне больше всего уважали и любили земледѣліе, которымъ занимались очень усердно. Иныя поля были у нихъ такъ хороши, особенно въ низменностяхъ, что не нуждались въ паханіи. Въ декабрѣ и январѣ, когда вода совершенно стекала, и Нилъ входилъ въ свои берега, земледѣлецъ бросалъ на поверхность почвы сѣмена, которыя потомъ втаптывались въ землю свиньями, какъ говоритъ Геродотъ, или козами, какъ изображено на памятникахъ. Иныя поля пахались самыми простыми плугами, или разрыхлялись простыми кирками. Къ концу марта хлѣбъ нспѣвалъ; его жали серпами. Послѣ жатвы наступала молотба, или вѣрнѣе вытаптываніе хлѣба, потому что для этого употреблялись мулы, бѣгавшіе по снопамъ до тѣхъ поръ, пока изъ колосевъ не высыпались всѣ зерна. По окончаніи молотбы, хлѣбъ вѣяли на вѣялкахъ и сносили въ мѣшкахъ въ хлѣбныя магазины.

Египтяне успѣшно занимались скотоводствомъ и разведеніемъ домашней птицы. Въ египетскихъ гробницахъ частныхъ людей очень часто попадаются изображенія цѣлыхъ стадъ рогатаго скота, ословъ, овецъ, козъ, муловъ и множества куръ и гусей. Благодѣтельный Ниль не только орошалъ и оплодотворялъ поля, но и доставлялъ въ большомъ изобиліи рыбу, которую ловили сѣтями и саками. Знатные и богатые люди ловили иногда рыбу для развлечения.

Какъ видно изъ свидѣтельства памятниковъ, Египтяне были страстными охотниками. На лисицъ, зайцевъ и газелей охотились они съ борзыми собаками и лукомъ; львовъ, буйволловъ и гіенъ загоняли собаками въ сѣти и западни, а морскихъ лошадей убивали съ лодокъ копьями.

Какъ ни гордились Египтяне своей древностью, чистотою и высокимъ образованіемъ и какъ ни удалялись они отъ сношеній съ народами, ихъ окружавшими, все-таки богатства Египта привлекали въ него восточную торговлю. Египтяне охотнѣе вели внутреннюю торговлю, охотнѣе допускали иностранные товары и купцовъ въ свою страну, нежели сами отправлялись въ чужіе края. Не смотря на богатство страны и сильно развитую промышленность, Египетъ нуждался въ лѣсѣ для кораблестроенія, въ золотѣ, мѣди, слоновой кости, въ рабахъ, приноסתяхъ, ладанѣ и маслѣ; всѣ эти товары доставлялись изъ Эѳіопіи, Аравіи и Сиріи. Эѳіопія, Аравія и Сирія чувствовали, въ свою очередь, потребность въ хлѣбѣ, главнымъ богатствѣ Египтянъ, оружіи, разныхъ орудіяхъ и сосудахъ. Уже

въ глубокой древности аравійскіе караваны появлялись въ Египтѣ съ произведеніями своей страны — пряными кореньями, бальзамомъ и рабами; за 1000 лѣтъ до Р. Х. стали появляться въ Египтѣ финикійскіе купцы, а со времени Псамметиха, съ седьмого столѣтія до Р. Х., Египтяне вступили въ близкія торговыя сношенія съ народами Мадой Азіи и Финикіями. Греческіе купцы не только торговали въ Египтѣ, но даже имѣли въ устьяхъ дельты торговыя конторы и гавани.

Стѣны египетскихъ погребальныхъ пещеръ представляютъ подробнѣйшее изображеніе домашней и общественной жизни Египтянъ и всѣхъ сторонъ промышленной и художественной жизни народа. Здѣсь можно видѣть, какъ занимаются своимъ дѣломъ живописцы, скульпторы, архитекторы; здѣсь очень часто можно встрѣтить плотника, окруженнаго всѣми необходимыми для него инструментами — пилами, топорами, долотами. Здѣсь можно видѣть кожевниковъ, выдѣлывающихъ кожи, башмачниковъ, приготовляющихъ обувь, каретниковъ и ткачей, извѣстныхъ своими, славными въ древности, виссоновыми матеріями. Съ особеннымъ искусствомъ и вкусомъ Египтяне приготовляли глиняные и металлическіе сосуды и мебель; ихъ стулья и кресла отличались разнообразіемъ формъ, богатствомъ матеріала, изъ котораго они приготовлялись, и изящной рѣзной работой.

Одежда знатныхъ Египтянъ отличалась богатствомъ; она приготовлялась изъ дорогой льняной матеріи, окрашенной въ голубой, зеленый или бѣлый цвѣтъ; лю-

бимѣйшимъ цвѣтомъ Египтянъ былъ бѣлый. Цари и жрецы носили длинныя, широкія одежды, искусно сбиравшіяся въ складки. Среднія сословія носили льняную рубаху, которая ниже колѣнъ обшивалась бахромой, и шерстяной плащъ; ремесленники и низшіе классы народа носили только спереди небольшой фартукъ. Обувь состояла или изъ однихъ кожаныхъ подошвъ, прикрѣплявшихся къ ногѣ шнурками, или изъ мелкихъ башмаковъ; низшіе классы не носили обуви. Уже въ глубокой древности мужчины коротко стригли волосы соображаясь съ требованіями религіи; но любовь къ естественному украшенію волосъ была такъ велика, что уже при египетскихъ фараонахъ высшія сословія начали носить большіе накладные волосы, завивавшіеся въ трубочки и локоны. Низшіе классы коротко стригли волосы, бороду и усы; знатные люди и жрецы носили искусственную небольшую бороду, имѣвшую кубическую форму. Цари удержали за собою право носить бороду, они ее заплетали въ косу. Мужской головной уборъ состоялъ изъ шапки, имѣвшей форму весьма близкую къ нашему женскому капору. Женская одежда въ древнѣйшія времена состояла изъ одной узкой рубахи съ короткими рукавами, и это платье осталось достояніемъ низшихъ классовъ до позднѣйшихъ временъ; знатныя женщины, во времена египетскихъ фараоновъ, носили тонкую, прозрачную рубаху, короткую юбку, фартукъ и верхнее платье. Женская обувь ничѣмъ не отличалась отъ мужской. Женщины высшихъ сословій долго не носили париковъ, но потомъ и онѣ увлеклись модой и промѣняли свои

волосы на парики; женскіе парики были наряднѣе мужскихъ и гораздо длиннѣе. Женщины низшихъ классовъ и небогатыя остались вѣрны древнему обычаю — носили длинные, незаплетенные волосы, распуская ихъ по плечамъ.

Нарядъ бѣдныхъ ограничивался самыми простыми украшеніями; кромѣ раскрашиванія тѣла, онъ состоялъ изъ недорогихъ серегъ, шейныхъ и грудныхъ подвѣсокъ. Нарядъ зажиточныхъ классовъ былъ очень богатъ; онъ состоялъ изъ различныхъ украшеній, сдѣланныхъ изъ золота и драгоценныхъ камней, изъ ожерелій, серегъ и браслетъ. Египтяне, подобно многимъ восточнымъ народамъ, красились уже въ глубокой древности, и для этого первоначально употребляли краски чернаго, зеленаго и бѣлаго цвѣтовъ. Черною краскою они раскрашивали брови и рѣсницы, бѣлою ногти, а зеленою обводили глазныя впадины. Въ позднѣйшія времена бѣлая краска замѣнилась оранжевою, которою покрывали не только лицо, но даже руки и ноги. Мужской нарядъ богатыхъ состоялъ изъ широкихъ браслетъ слоновой кости, обложенныхъ эмалевою живописью. Эти браслеты носились въ одно и то же время выше локтя, выше кисти и даже на ногахъ, выше косточки. Кромѣ этого мужчины носили большіе перстни съ печатями, вырѣзанными на золотѣ или камнѣ, и кольца почти на всѣхъ пальцахъ; кольца носили и женщины. Женщины украшали себя ожерельями, серьгами и богатыми грудными украшеніями.

Дома богатыхъ людей строились въ нѣсколько

этажей и украшались галереями и террасами; они были не велики, легки и стройны въ сравненіи съ дворцами и храмами. Загородные дома и деревенскіе обсаживались тѣнистыми аллеями, правильно расположенными, цвѣтниками, бесѣдками и искусственными прудами.

Египтяне любили общественную жизнь, любили проводить время въ гостяхъ за хорошимъ обѣдомъ и веселой бесѣдой. Достаточные люди ѣздили въ гости на богатыхъ колесницахъ, сопровождаемые слугами, или ихъ носили на носилкахъ красиво одѣтые рабы. Отправимся и мы въ гости къ богатому Египтянину и посмотримъ, какъ жили люди три тысячи лѣтъ тому и какъ они вели себя. Большая зала наполнена разряженными мужчинами и женщинами; по срединѣ стоитъ столъ, покрытый скатертью и уставленный хлѣбомъ, жареной домашнею птицей, огородною зеленью, винными ягодами, виноградомъ и бутылками вина. Мужчины и женщины, съ вѣнками на головахъ, сидятъ за столомъ на богатыхъ и покойныхъ креслахъ, и ѣдятъ, но ѣдятъ по-просту, руками — вилокъ тогда еще не было. Прислужники подносятъ имъ разныя блюда, чаши съ виномъ и цвѣты. А вотъ, по приказанію хозяина, показался и рабъ съ небольшой деревянной муміей и приглашаетъ гостей усерднѣе ѣсть и побольше пить; онъ подноситъ къ каждому гостю мумію и говоритъ: «взгляни на нее и будь весель и пей; когда ты умрешь, ты будешь такимъ же.» И гости пили усерднѣе, зная, что имъ будетъ хорошо и послѣ смерти, что тѣла ихъ будутъ покоиться въ вѣчныхъ,

неразрушимыхъ гробахъ, а души будутъ наслаждаться въ обителяхъ небснаго бога, на блаженныхъ нивахъ Ра. Въ то время, какъ одни гости ѣдятъ, другіе, уже пообѣдавшіе, пляшутъ подъ звуки арфы, флейты и тамбурина. Но и сами гости принимаютъ участіе въ музыкѣ: одни мужчины и женщины играютъ на арфѣ и поютъ, другіе бьютъ въ ладоши въ тактъ пляшущимъ, а тѣ, кто постарше и не любитъ музыки и танцевъ, тѣ сидятъ въ отдаленіи и играютъ въ шашки.

Египтяне были какимъ-то чудеснымъ народомъ, до сихъ поръ не вполне разгаданнымъ; но и страна, которую они занимали, была способна творить чудеса и дѣйствительно творила. Почти всѣмъ своимъ развитіемъ Египтяне были обязаны счастливой нильской долиной и величавому характеру окружавшей ихъ природы. Вѣчно неизмѣнная природа отразилась и на ихъ характерѣ, постоянномъ, не любившемъ переменъ, стремившимся все заковать въ однѣ вѣчныя формы. Изъ рода въ родъ, отъ отцевъ къ дѣтямъ, переходили по наслѣдству одни и тѣже привычки, занятія, родъ жизни. Имъ никогда не наскучало одно и то же, какъ не наскучала имъ никогда вѣчно одна и та же неизмѣнная природа, которую они боготворили за ея благодѣтельные свойства. Величественное солнце было для нихъ добрымъ богомъ, отъ котораго зависѣли плодородіе и богатая растительность страны; высоко, ярко блестящія звѣзды на далекомъ, темномъ небѣ были добрыми духами, посылающими счастье въ жизни; безконечная желтая пустыня съ страшными опустошительными бурями и смертоносными вѣтрами была для нихъ злымъ

Тифономъ, враждующимъ съ благодѣтельнымъ Озирисомъ.

Страстно любя постоянное и неизмѣнное, Египтяне употребляли всѣ свои усилія, всю свою изобрѣтательность для сохраненія того, что однажды появлялось предъ ними, — были ль то преданія старины и дѣдовскіе обычаи, законы и постановленія жрецовъ, или понятія о будущей жизни. Эта основная черта народного характера высказывалась во всей ихъ жизни; она создала изъ Египтянъ искусныхъ строителей пирамидъ и храмовъ, скульпторовъ, живописцевъ, создала и священныя письмена. Все должно было передавать грядущимъ потомкамъ о томъ, что Египтяне дѣйствительно жили, какъ люди, и оставляли послѣ своей жизни прочныя, человѣческіе слѣды, не скоро уничтожаемые даже всесокрушающимъ временемъ.

Вѣра въ безсмертіе и надежда на лучшую, безмятежную жизнь въ обителяхъ бога-солнца побуждала Египтянъ заботиться о сохраненіи тѣла послѣ смерти, о крѣпости и несокрушимости «вѣчныхъ жилищъ», и они достигали этого: тѣла ихъ долго существовали, существуютъ и теперь; но они не могли избавиться отъ подавлявшей ихъ силы земныхъ боговъ, фараоновъ, которые часто были ужаснѣе страшнаго, смертоноснаго Тифона. Они благоговѣли предъ своими царями, поклонялись имъ, какъ земнымъ богамъ, наслѣдникамъ небесныхъ боговъ, и часто гибли тысячами отъ капризовъ и прихотей этихъ самовластныхъ владыкъ «свѣтившихъ своимъ ликомъ надъ Египтомъ, какъ солнце.» И не смотря на этотъ ужасный гнетъ,

у Египтянъ доставало еще силъ на то, чтобъ дѣя-
тельно заниматься промышленностью, которая немно-
гимъ уступала промышленности современной Европы,
и окружить свою общественную и семейную жизнь
довольствомъ и роскошью.

Благодаря усерднымъ и успѣшнымъ изслѣдованіямъ
новѣйшихъ ученыхъ, Египтяне воскресаютъ предъ нами
изъ своихъ гробницъ и рассказываютъ намъ о своей
прошлой жизни — о своихъ радостяхъ, стремленіяхъ,
страданіяхъ и надеждахъ. Безъ пирамидъ, безъ оив-
скихъ развалинъ и гробницъ, мы ничего не знали бы
о существованіи этого чудеснаго народа. «Эти камен-
ныя громады при вступленіи въ исторію — говоритъ
Дункеръ — эта лѣтопись іероглифовъ, этотъ народъ
мумій новсегда запечатлѣваютъ истину того, что па-
мять человѣка сохраняется только въ его дѣлахъ, а
память народовъ обезпечивается ихъ развитіемъ.»

В. Милсантъ.

ВЪ КОНТОРАХЪ И РЕДАКЦІИ

ПОДСНѢЖНИКА

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА:

1) «ПОДСНѢЖНИКЪ» за 1858 и 1859 годы (до 2000 страницъ въ каждомъ году, съ рисунками), съ пересылкою *двѣнадцать* руб., вмѣсто прежнихъ *пятнадцати*; выписывающіе за одинъ который либо годъ, платятъ съ пересылкою *шесть* руб. *пятьдесятъ* коп. (вмѣсто 7 р. 50 к.).

2) «Сборникъ избранныхъ мѣстъ изъ произведеній современныхъ русскихъ писателей» (204 стран.).

Содержаніе его: *Посвященіе*, стих. А. Майкова. — *Октава*, стих. его же. — *Картина вечера*, стих. его же. — *Нива*, стих. его же. — *Изъ исторіи моего дѣтства*, графа Л. Н. Толстого. — *Деревня*, *Печальная берега*, *Чудная картина*, *На Днѣпрѣ въ половодье*, стихотворенія А. Фета. — *Бѣжизнѣ лузь*, И. С. Тургенева. — *Солнце и мѣсяць*, стих. Я. Полонскаго. — *Статуя*, стих. его же. — *Изъ очерковъ путешествія* И. А. Гончарова. — *Листочки*, стих. А. Майкова. — Изъ повѣсти: *Антонъ-Горемыка*, Д. В. Григоровича. — *Поле зыблется цвѣтами*, стих. А. Майкова.

Цѣна «СБОРНИКУ» въ бумажкѣ *семдесятъ пять* коп., въ изящномъ парижскомъ переплетѣ, съ золотомъ — *одинъ* руб.; на пересылку прилагается 25 к.

3) **Собрание чудесъ**, дѣтскія повѣсти, заимствованныя изъ мифологіи, соч. Американскаго писателя НАТАНІАЛЯ ГОТОРНА, съ *тридцатью семью* отдѣльными отъ текста рисунками Французскаго рисовальщика БЕРТАЛЯ (въ книгѣ 492 стран.).

Содержаніе: Голова Горгоны. — Золотое осязаніе. — Царство дѣтей. — Три золотыя яблока. — Волшебная кружка. — Химера. — Минотавръ. — Пигмен. — Драконовы зубы. — Дворецъ Цирцеи. — Гранатныя зерна. — Золотое руно.

Цѣна: въ бумажкѣ *одинъ* руб. *семдесятъ пять* коп., въ изящномъ Французскомъ переплетѣ, съ золотомъ и серебромъ — *два* руб. *пятьдесятъ* коп., на пересылку прилагается 50 коп.

Г.г. иногородные и книгопродавцы благоволятъ обращаться съ требованіями въ Редакцію «ПОДСНѢЖНИКА», въ С. Петербургѣ, по Лиговкѣ, въ домѣ Зуева.

Журналъ «ПОДСНѢЖНИКЪ» выходитъ въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками отъ 140 до 200 страницъ. Смотри по содержанию статей, въ журналѣ будутъ помѣщаться картинки, чертежи, географическія карты, планы и проч.

Цѣна за **12** книжекъ въ годъ **ШЕСТЬ** рублей, съ доставкою на домъ — **СЕМЬ** руб., съ пересылкою въ города **СЕМЬ** руб. **ПЯТЬДЕСЯТЬ** коп. сер.

Казенныя учебныя заведенія могутъ доставлять деньги въ теченіи 1860 года.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С. ПЕТЕРБУРГѢ — въ конторѣ журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», при книжномъ магазинѣ *Василья Алексѣевича Исакова*, на Невскомъ проспектѣ, противъ Католической церкви.

Въ Москвѣ — въ конторѣ журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», при книжномъ магазинѣ *Н. Щепкина и К^о*, на Лубянкѣ, въ домѣ Сисалина.

Въ Тифлисѣ — у книгопродавца *Беренштама*.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ адресовать свои требованія исключительно въ редакцію журнала, въ С. Петербургъ, на Лиговкѣ, въ домъ Зуева.

Каждый № журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», по выходѣ, сдается въ наглухо заклеенномъ пакетѣ въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта и дальнѣйшее отправленіе журнала зависитъ уже отъ Экспедиціи. Поэтому, неполучившіе какого-либо № журнала «ПОДСНѢЖНИКЪ», благоволятъ адресоваться съ просьбами о высылкѣ книжки къ господину С. Петербургскому Почтъ-Директору.